МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АГПУ

С.Л. Дударев

СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ

Вып.VI

Армавир
2007

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АГПУ

С.Л. Дударев

СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ (Западная Европа)

Вып.VI

Научно-практические материалы
по всеобщей истории

Армавир
2007

9 (М)
63.3 (0) 4
Д-81

Печатается по решению
кафедры всеобщей истории
Армавирского государственного
педагогического университета

Дударев С.Л. Статьи, заметки, лекции по истории. Вып. VI. – Армавир, 2007. - 178 с.

Настоящее издание является шестым выпуском сборника научных и научно-методических работ зав. кафедрой всеобщей истории АГПУ, д.и.н., проф., акад. МАИ С.Л. Дударева, связанных с актуальными вопросами и проблемами преподавания дисциплин всеобщей истории в ВУЗе. В данном сборнике помещены работы автора, увидевшие свет в различных изданиях нашей страны, но требующие сведения воедино для целевого использования в учебном процессе на историческом факультете АГПУ и филиалах нашего университета для воспитания будущего учителя-исследователя, а также для дальнейшего совершенствования научно - и учебно-методической работы.

Для преподавателей вузов и школ, студентов, всех, кто интересуется зарубежной и отечественной историей.

На обложке: один из вождей катаров Раймон-Роже Транкавель. Изображение на монете из Безье.

© Дударев С.Л., 2007.

ОТ АВТОРА

В шестом выпуске настоящего сборника представлены наши работы, связанные с научными и научно-методическими интересами автора и посвященные актуальным вопросам и проблемам изучения всеобщей истории, прежде всего истории древнего мира, средних веков и раннего нового времени Западной Европы. Ряд этих статей написан в соавторстве с молодыми учеными, студентами и выпускниками АГПУ. Поскольку издания, в которых они увидели свет, являются далеко не всегда доступными заинтересованному читателю по причине малой тиражности, это обстоятельство является постоянным стимулом для нас в плане их сведѐния и публикации воедино для представления как зрелым специалистам, так и тем, кто начинает свой путь в науке. Название шестого выпуска вновь претерпело изменения. Они связаны с тем, что, во-первых, заметная часть публикуемых материалов имеет научный характер, во-вторых, содержание сборника включает в себя и лекционные разработки автора.

Структура нового выпуска наших статей и заметок по истории такова. Первыми помещены работы, написанные, в ряде случаев, в соавторстве с преподавателями кафедры всеобщей истории и студентами-дипломниками, посвященные проблемам истории древнего мира и средних веков. Они включают в себя и традиционные для данного сериала отклики автора на новые диссертационные разработки ученых Северного Кавказа. Затем помещен раздел, отведенный научно-методическим материалам для вуза, адресованным как преподавателям, так и студентам АГПУ. Он включает тексты лекционных тем по истории раннего нового времени, читаемых студентам стационара и ОЗО. Выражаем надежду, что предоставляемые материалы будут способствовать более глубокому ознакомлению молодых преподавателей, аспирантов, студентов с проблемами изучения и преподавания дисциплин цикла всеобщей истории в вузе.

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

Процесс переосмысления прошлого, начавшийся в отечественной исторической науке с конца 80-х гг. XX в. оказал существенное влияние на антиковедение. Историки все чаще указывают на нерешенность вопроса о формационной принадлежности Древнего Рима. Ликвидация СССР как политико-государственной реальности заметно оживила интерес к истории позднего Рима, так как позволяла исследователям обратиться к проблемам крушения обширного государственного единства, деспотизма власти, милитаризации и роли внешних угроз. В то же время, отечественные специалисты менее охотно сравнивают Рим с Российской империей 1721-1917 гг., указывая на их разительные отличия – целостность геополитического пространства Российской империи, религиозную и национальную терпимость политики центра, а также то, что подавляющее большинство территорий и народов добровольно вошли в ее состав.

К середине 90-х гг. XX в. в российской исторической науке явственно ощущается теоретико-методологический вакуум. К одной из попыток его преодоления может быть отнесена конференция Российской Ассоциации Антиковедов «Формация и цивилизация» (2-3 июня 1994 г., г. Москва). В этот

период вполне закономерно растет научный интерес к возможностям цивилизационного подхода. При этом в центре изучения оказывается политическое и правовое развитие Римской империи; последняя воспринимается в качестве уникального организма, развивавшегося по собственным законам и не связанного с процессами феодализации. Как известно, одной из важнейших заслуг отечественной исторической мысли 90-х гг. XX в. явилась «реабилитация» научных заслуг М.И. Ростовцева [Ростовцев М.И., 2000-2001; 2003]. В это время продолжается переиздание и репринтные воспроизведения источников [Аммиан Марцеллин, 1994; Аппиан Александрийский, 2002; Аппиан Александрийский, 1994; Флавий Вегеций Ренат, 1996; Евагрий, 1999-2001; Орозий Павел, 2004; Олимпиодор Фиванский, 1999; Прокопий Кесарийский, 1993; Марк Аврелиий, 1995; Сократ Схоластик, 1996; Феодорит К., 1996; Феодорит Кирский, 1993], а также издание на русском языке работ крупнейших зарубежных историков [Вольфрам Х., 2003; Грант М., 1998; Джонс А.Х.М., 1997; Моммзен, 1993; Ренан Э.Ж., 1991]. Во второй половине 90-х гг. XX – начале XXI вв. (период активной интеграции России в мировое историографическое пространство) обозначились возможности использования подходов социальной, культурно-антропологической, интеллектуальной, локальной истории, истории менталитета и повседневности в исследовании проблем поздней античности.

На смену упрощенному пониманию римской империи в качестве «монархического государства, глава которого, носил титул императора» приходят новые подходы. В работах указанного периода империя определяется как крупное многонациональное государство с монархическим типом власти, региональным неравенством территорий, имущественным и правовым неравенством подданных и агрессивной экспансионистской внешней политикой. Последнему аспекту российскими учеными придается особое значение. Экспансия

Римской империи понимается как активная политика, направленная на расширение сферы влияния на другие народы и осуществляемая дипломатическими (политическими), экономическими, военными и другими методами. Помимо традиционного внимания к римским императорам, полководцам и политическим деятелям [Михайловский Ф.А., 2000; Парфенов В.Н., 2001; Князький И.О., 1999.], многочисленных исследователей привлекают военные аспекты – структура римской армии, традиции военной службы и воинская ментальность [Хлевов А.А., 2005; Колобов А.В., 1999; Махлаюк А., 2000; Махлаюк А.В., 2003]. Обращаясь к изучению истории взаимоотношения Римской империи с варварским миром, отечественные ученые отмечают спонтанность и опосредованный характер военных, политических, дипломатических, торговых и религиозных контактов и влияний, обращают внимание на малоизученность роли института федератов в жизни римского общества [Буданова В.П., 2000; Буданова В.П., 1999;. П.В. Тулаев, 1999; Ермолова И.Е., 2001; Колосовская Ю.К. 1996; Колосовская Ю.К., 2000].

Одной из наиболее актуальных тем остается проблема сепаратизма в империи, отношения господства и подчинения между центром и римской периферией – столь разнородной по этническому, культурному и национальному составу. Историки пытаются вскрыть особенности административного управления на территориях с особым национальным составом населения; проанализировать «римскую систему» политического, экономического и культурного подчинения стран и народов. В этой связи закономерно обращение к многосложной проблеме существования покоренного народа в римском социуме. Речь идет не только о «приспособлении» его к новой социально-культурной среде, но и о возможностях реализации им своего социально-экономического потенциала в условиях имперской политики, основанной на идеях превосходства римской нации и

признании ее приоритета в культурном и общественном развитии.

Вопрос «насколько в Империи были сильна тенденция к долговременной централизованной власти?» российские антиковеды напрямую связывают с тем, насколько неизбежны для Рима были центробежные (сепаратистские) устремления населения провинций. По этому поводу авторы указывают на естественное стремление к обособлению у покоренных народов и желание достичь на своей коренной территории возможности самоуправления и сохранения своей культуры.

Интересным представляется аспект интеграции и взаимного влияния различных культур в рамках единой империи в связи с развитием экономических связей и интенсификацией политических контактов. Сближение народов в имперском социуме предстает как закономерный процесс расширения и углубления межнационального общения и преодоления национальной и региональной обособленности. В то же время историки отмечают опасность «культурного истощения», утраты культурной самобытности и «культурного растворения» вследствие вышеназванных процессов.

Не менее важным на современном этапе представляется изучение повседневной жизни различных категорий римского населения. Анализируя производственную, общественную, семейную и другие разновидности бытового уклада римлян, различные формы поведения, исследователи тем самым освещают ключевые стороны психологического облика этого народа.

Библиография

Ростовцев М.И., 2000-2001. Общество и хозяйство в Римской империи. Т.I-II.– СПб.

Ростовцев М.И. , 2003. Рождение Римской империи. – М.

Аммиан Марцеллин. 1994. Римская история. – СПб.

Аппиан Александрийский, 2002. Римская история. – М.

Аппиан Александрийский, 1994. Римские войны. – СПб.

Флавий Вегеций Ренат, 1996. Краткое изложение военного дела. – СПб.
Евагрий, 1999-2001. Церковная история. Пер. И.В. Кривушина. Кн.I-IV. СПб.
Орозий Павел, 2004. История против язычников. Книги I-VII. Пер. В.М. Тюленева. – СПб.
Олимпиодор Фиванский, 1999. История. Перевод, вступительная статья, комментарии и указатель Е.Ч. Скржинской. – СПб.
Прокопий Кесарийский, 1993. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод, статья, комментарии А.А. Чекаловой. – М.
Эпиктет, 1995. Марк Аврелий. – М.
Сократ Схоластик, 1996. Церковная история / Ред. М.А. Тимофеев. – М.
Феодорит Кирский, 1996. История боголюбцев / Ред. А.И. Сидоров. – М.
Феодорит Кирский, 1993. Церковная история. – М.
Вольфрам Х., 2003 Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии). Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов / Ред. М.Б. Щукин, Н.А.Бондарко, П.В.Шувалов. – СПб.
Грант М., 1998. Крушение Римской империи. Пер. с англ. Б. Бриксмана. – М.
Джонс А.Х.М., 1997. Гибель античного мира. – Р-н-Д.
Моммзен Т.,1993. История Рима. – М.
Ренан Э.Ж., 1991. Марк Аврелий и конец античного мира [пер. с фр.]: Репринтное воспроизведение изд. Н.Глаголева. – М.
Михайловский Ф.А., 2000. Власть Октавиана-Августа. – М.
Парфенов В.Н., 2001. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. – СПб..
Князький И.О., 1999. Император Диоклетиан и конец античного мира: Государственные и правовые реформы начала домината. – М.
Хлевов А.А., 2005. Морские войны Рима. – СПб.
Колобов А.В., 1999. Римские легионы вне полей сражений. – Пермь.
Махлаюк А.В., 2000. Армия Римской империи. Очерк традиций и ментальности. – Нижний Новгород.
Махлаюк А.В., 2003. Римские войны. Под знаком Марса. – М.
Буданова В.П., 1999. Готы в эпоху Великого переселения народов. 2-е изд. – СПб..
Буданова В.П., 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.
Варвары [Сборник статей], 1999. – М.
Ермолова И.Е., 2001. Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. №2.
Колосовская Ю.К., 1996. Некоторые вопросы истории взаимоотношения Римской империи с варварским миром // ВДИ. №2.
Колосовская Ю.К., 2000. Рим и мир племен на Дунае I-IV вв. н.э. – М.

Впервые опубликовано: История идей и история общества. Тезисы IV Всероссийской научной конференции. Нижневартовск, 20 апреля 2006 года. – Нижневартовск: НГГУ, 2006, с.58-61 (соавтор к.и.н. Д.А. Волошин).

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УПАДКА ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Период IV-V вв. ознаменовался упадком государственных институтов и сената, гнетом и произволом огромного бюрократического аппарата Римской империи. Целью данной работы является рассмотреть морально-этические аспекты разрушения устоев Рима, вызывающие неоднозначные трактовки историков.

В основе построений сторонников «морализаторского подхода» [Корелин М. 1888, С.47; Вольтер Ф.,1868. С.287; Рубан Я.,1789; Кайданов И.К. ,1823. С.225-226; Кудрявцев П.Н. ,1875. С.1] лежит представление о том, что народы возвышаются и приходят в упадок в зависимости от нравов. Причины падения Римской империи видят в «глубоком падении нравов и учреждений» [П.Н. Кудрявцев], «во всеобщем развращении, злодеяниях императоров, упадке воинского духа» [И.К. Кайданов], в том, что императорский двор и сенаторская аристократия погрязли в интригах, предательстве и измене. Причина успехов варваров напрямую связывается с развращенностью нравов римлян, т.о. «оправдывается» разрушение империи, управляемой злодеями, развратниками и ханжами.

Часть историков [Michelet J. 1894. P.28, 39; Michelet J., 1853. P.19-20; Гердер И.Г., 1977. С.408, 411-412; Mueller J.J., 1874. S.49.] бичует рабовладельческий характер общества римлян, называя последних высокомерным, жестоким народом, предающимся удовольствиям на окровавленных спинах потерявших человеческий облик рабов. Описывая «духовное

ухудшение» Рима, свойственный римлянам гедонизм и недоверчивость, авторы зачастую противопоставляли данной «деградации» нерастраченную жизненную энергию германцев. Труд рабов стал для римского государства экономической язвой и неизлечимым нравственным недугом - потому варварские вторжения могут считаться необходимыми и нравственно оправданными. Рим погиб от морального одичания и разврата, т.к. «всякий разврат несет в самом себе отмщение и гибель» [И.Г. Гердер].

Существенно отличается от вышеописанной позиция исследователей, согласно которой падение империи ознаменовалось кардинальной переменой нравов, обычаев, образа жизни, религии и др. В рамках данного подхода особняком стоит концепция А. Лойена [Loyen A.., 1963. P.443], видевшего в известных событиях IV-V вв. н.э. прежде всего революцию морали и нравственности.

В гораздо большей степени развито направление, чьи приверженцы выступают апологетами христианской морали [Kaschnitz-Weinberg G., 1926. S.36.]. Падение Римской империи явилось «величайшей духовной революцией», в ходе которой был осуществлен переход от мирского античного к христианскому трансцендентальному миру. В противоположность остальным римлянам, пораженным «ядом деморализации», христиане составили высоконравственную, свободную и просвещенную массу.

Исходя из традиционного понимания падения Римской империи как процесса ликвидации политического и государственного единства в V в., сопряженного с одновременным упадком античной культуры, исследователи все больше обращаются к изучению кризиса духовной сферы и морального кризиса, причин апатии и пораженческих настроений римского общества V в. В римской культуре и самосознании начиная с III в. мотив упадка и кризиса традиционных ценностей становится доминирующим. Среди

римлян росло ощущение, что все теперешнее ничто в сравнении с блистательным прошлым. Мысль об упадке и декадентские настроения становятся неизменными и естественными атрибутами духовной жизни этого периода.

Зачастую историки замечают, что подданные империи, доведенные до рабского состояния**,** не имели ни духа, ни желания оказать сопротивление варварам [Робертсон В.,1839. С.6; Botta Ch., 1825. P.60-65; Heitland J. Iterum, 1925. P.15; Уколова В.И., 2000. С.414; Дуров В.С., 1993. С.116; Aschbach J., 1827. S.149; Sybel H., 1863/1880. S.IV. S.7,12; Luponiac P., 1971. P.129; Буркхардт Я., 2003.С.219; Durui V., 1970. P. 211; Литтре Э.М., Л. Маркевича-Киев, М.Н.Карпович,1889. С.10; Arbanére E.-G., 1840. P.377.]. Согласно Ф. Лоту, коррупция и деспотизм привели общество к моральной и материальной нищете, власть разбила всякое сопротивление и независимость, превратив народ в стадо.

Представления «Родина в опасности» не существовало, во времена падения империи патриотизм был редким явлением - предательством занимались даже уважаемые чиновники. В. Дюрюи по этому поводу писал, что моральный уровень администрации понизился, государственные должности больше не занимались способными и достойными людьми. Императорский деспотизм уничтожил всякое проявление личной инициативы у граждан, потерявших свои политические права. За годы политического безмолвия римский народ превратился в «жестокое и чувственное животное» [Э.М. Литтре], политическую пассивность римских граждан и безучастность к судьбе своего государства дополняли равнодушие и чувство безысходности.

Анализ морального состояния римского общества накануне падения империи, при всей его неодномерности, весьма актуален и поучителен при изучении судеб более поздних имперских образований вплоть до XX в. включительно.

Библиография

Корелин М., 1888. Петрарка как политик // Русская мысль. Кн.7,8.
Вольтер Ф., 1868. Философия истории. - СПб.
Рубан Я., 1789. Рассуждение историческое о возмутительном и насильственном переселении в средних веках варварских северных народов в провинции Римской империи пришедшей тогда в бессилие и напоследок до основания ими разрушенной .- М.
Кайданов И.К., 1823. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Ч.I. Древняя история.-СПб.
Кудрявцев П.Н., 1875. Римские женщины.-М.
Michelet J., 1894. Histoire de la République romaine /1831/. – Paris.
Michelet J., 1853. Introduction à l'histoire universelle. – Paris.
Гердер И.Г.,1977. Идеи к философии человечества. – М.
Mueller J.J., 1874. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit. – Zürich.
Loyen A., 1963. Résistants et collaborateurs en Gaule á l'époque des grandes invasions (1946) // Bulletin de l'associations Guillaume Budé IV. – Paris.
Kaschnitz-Weinberg G., 1926. Spätrömische Porträts // Die Antike. №2. – Berlin
Робертсон В., 1839. История государствования императора Карла V.-М.
Botta Ch.,1825. Histoire des peoples d'Italie. T.I.-Paris.
Heitland J., 1925. Iterum, or A Further Discussion of the Roman Fate. – Cambridge.
Уколова В.И., 2000. Поздний Рим. Пять портретов // Древний Рим. История. Быт. Культура. Из книг современных ученых.-М.
Дуров В.С., 1993. Художественная историография Древнего Рима. - СПб.
Aschbach J., 1827. Geschichte derWestgoten - Frankfurt am Main.
Sybel H.v., 1863/1880. Kleinen historischen Schriften– Frankfurt-am-Main.
Luponiac P., 1971. La disparition de L'Empire Romain en Occident. – Paris, La pensée universelle.
Буркхардт Я.,2003. Век Константина Великого. Пер. с англ. Л.А. Игоревского. - М.
Durui V., 1970. Histoire des Romains. T.VII (1885).- Paris.
Литтре Э.М., 1889. Аббатство, монахи и варвары на Западе. Падение Римской империи. Пер. с фр. Л. Маркевича-Киев, М.Н.Карпович.
Arbanére E.-G.,1840. Analyse de l'histoire romaine. T. I-IV. – Paris, Firmin Didot.

Впервые опубликовано: История идей и история общества. Материалы V Всероссийской научной конференции. Нижневартовск, 2007. С.31-32 (соавтор к.и.н. Д.А. Волошин).

ЧУДО КАК СИМВОЛ СВЯТОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО

Беда Достопочтенный (673-735), автор «Historia ecclesiastica gentis anglorum» («Церковной истории народа англов»), именуемый «отцом английской истории» был монахом, ученым и учителем. Ему, образованнейшему человеку своего времени, наиболее раннему и едва ли не самому влиятельному из английских историков, принадлежит около сорока работ, которые в совокупности составляют своеобразную энциклопедию [Поснов М.Э., 1999. С. 527].

Дух, которым проникнуты его сочинения, представляют парадокс для современного научного сознания. Почему? Ответ, очевидно, заключается в том, что взгляд Беды на историю и ее смысл существенно отличался от нашего. Для него не было противоречий в том, что кажется противоречивым научному сознанию нового времени. И не только потому, что его научный подход менее дифференцирован (так, он не противопоставлял категорий "сверхъестественное" и "объективное", "фактическое изложение" и "нравоучение"), но, прежде всего потому, что в его сознании превалировали иные ценности и иные точки отсчета.

Чудеса — один из существенных компонентов при анализе содержания наследия Беды. Можно отметить следующие основные моменты в трактовке рассказов Беды о чудесах.

1. Современники Беды ожидали таких элементов в его повествовании, которых не ожидают читатели нового времени. Люди того времени — римляне и варвары, ученые и невежды — были бы весьма удивлены, если бы Божество новой религии не подтверждало своей силы различными чудесами. Христианство не могло доказать своего превосходства над язычеством иначе, как демонстрируя

способность христианского Бога превзойти языческих богов, в том числе и в сфере сверхъестественного.

2. Рассказы о чудесах — удобное средство для назидания, первая ступенька наставления в вере. Обилие чудес в "Церковной истории английского народа" вызвано тем, что Беда обращается в ней к гораздо более широкой аудитории, чем в других работах.
3. Беда жил в эпоху, которая сильно отличалась от нашей по своим представлениям о законах природы.
4. Вслед за Григорием Великим Беда полагал, что чудеса необходимы лишь в начальный период становления церкви, так же как ежедневная поливка нужна растению лишь до тех пор, пока оно не пустило корни. Возможно, оба они чувствовали, что юная английская церковь еще нуждалась в этой помощи.
5. Как бы ни понимал чудеса сам Беда, его рассказы о них дают богатый урожай исторических подробностей, вроде описания жилища Св. Кутберта, которые иначе остались бы неизвестными.
6. Рассказы о чудесах обладают большой художественной ценностью и доставляют удовольствие сами по себе.

Невозможно ныне рассматривать рассказы о чудесах, этот вполне органичный компонент повествования Беды, лишь как плод невежества, доверчивости или прагматических соображений. Снисходительно-покровительственная ирония и попытка рационализировать их как-то не вяжутся с серьезным отношением к ним самого Беды. Его щепетильное обращение с чудесными историями общеизвестно: "... в сравнении с "Историей франков" Григория Турского Беда довольно сдержан в отношении чудес", "... интересным подтверждением честности Беды является то, что он весьма скуп на чудеса в те периоды, где ручательством ему служит лишь ссылка на молву, и, напротив,

щедро усеивает ими рассказы о тех временах, где он сам мог поручиться за свидетелей". Таким образом, для чудесных рассказов Беды характерен тот же трезвый реализм, который отличает его как историка [Глебов А.Г., 1998. С. 21].

Чудесные знамения составляют для Беды самую основу исторического бытия; они понимаются как каналы, по которым проникают в обыденную жизнь те благодатные токи целительной любви, которые посылаются свыше всем верным. Если птицы и звери, ветер и море повинуются сынам Божьим, этому подобает не столько удивляться, сколько радоваться: "Ибо нет чуда в том, — говорит Беда о Св. Кутберте, — что самое творение повиновалось желаниям того, кто столь преданно служил Творцу всех тварей. А мы большей частью потеряли власть над творением, которое дано нам в управление, ибо мы пренебрегаем послушанием Господу и Творцу всех вещей" [Беда Достопочтенный, 2003. С. 156].

Чудо для Беды — это оборотная сторона святости, сокровенный смысл которой заключается в том, что святой человек несет в себе образ Божий, утерянный падшим человечеством. *Право на чудо получают те, кто искренне соблюдает Закон Божий на своем земном пути.* Чрезвычайно интересно то, что чудесами у Беды чаще отмечены имена кельтских отшельников, чем честолюбивых деятелей римской церкви. Так, в отношении энергичного Вильфрида, устремлениям которого вполне сочувствовал сам Беда, сохранился всего один пример чуда, да и то сомнительный. Чем более рассказ касается простых людей, тем более умножаются и чудеса. Как правило, они не имеют никакого политического оттенка — исключение составляет лишь одно внушительное знамение, посланное королю Эдвину.

Эта сторона чудесных деяний особенно примечательна тем, что во времена Беды святость, а значит и ее атрибуты, была присуща, прежде всего, людям знатного происхождения и

монашествующим: королям, епископам, аббатам – лицам с «функциональной харизматичностью». Лишь с XII-XIII вв. начинается переход от святости «функциональной», к святости, достигаемой путем подражания Христу, когда в процессе канонизации учитывалось не только то, умел ли святой творить чудеса, а как он изживал недостатки на пути к святости [Григорий Турский. История франков. I, 48; Бычков В.В., 1981. С.266-267; Дударев С.Л., 2005. С.8-9; Садченко В.Н., 2005. С.20]. Все чаще святыми становились мистики, бродячие пророки, проповедники, визионеры, в том числе, женщины. «Народ сохранил свою прерогативу создавать святых» [Средневековый человек и его мир. 1994. С.143]. Таким образом, выдающееся значение Беды выражается в том, что он предвосхитил тот путь, по которому пошло духовное развитие Европы через несколько веков – путь обретения благочестия, открытый для всех, желающих «жить по Христу».

Почти всегда чудесные истории несут свидетельство новых отношений любви и доверия. Вороны, рыбы, орлы с радостью служат святым. Рассказы об исцелении детей, бедняков, слуг обретают особый смысл, когда мы осознаем, что исцеления совершались при жизни того поколения, которое еще помнило о человеческих жертвоприношениях, уносивших, по словам Беды, лучших людей. Они показывают, что новая вера проникла в самые интимные уголки народной души, демонстрируют яркие особенности народной религиозности, складывающейся в раннее средневековье. Особенно показательны чудеса, связанные с исцелениями. В средневековом обществе, относящемся к социумам с «малым коэффициентом обеспеченности», где многие заболевания носили психосоматический характер, для излечения, с одной стороны, было достаточно общего состояния возбудимости, предрасположенности к внушению и самовнушению (характерных для средневекового человека), и горячей веры, эмоционального шока, связанного с прикосновением к святыне – с другой. Вера была ведущим

компонентом в этом процессе. В Евангелии от Матфея читаем (о Спасителе, находившемся среди галилеян): «И не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф.13:58).

Можно поэтому согласиться с мнением, что главная ценность произведений Беды заключается не в изложении внешней истории государства. Скорее она состоит в обнаружении той незаметной внутренней работы, которая преображала духовный облик широких масс англосаксов силой идеала уже в раннее средневековье, когда пласт магических и политеистических воззрений в сознании европейцев был особенно силен [Пенник Н., Пруденс Дж., 2000].

Библиография

Беда Достопочтенный, 2003. Церковная история народа англов. – СПб.
Бычков В.В., 1981. Эстетика поздней античности. – М.
Глебов А.Г., 1998. Англия в раннее средневековье. – Воронеж.
Дударев С.Л., 2005. Методические статьи и заметки по истории. Вып.V. – Армавир.
Поснов М.Э. , 1999. История христианской церкви. – М.
Пенник Н., Пруденс Дж., 2000. История языческой Европы. - М.
Садченко В.Н., 2005. Францисканский монашеский орден и его социально-религиозные функции (XIII – первая половина XV в.) /Автореф. дисс. канд ист. наук. – Ставрополь.
Средневековый человек и его мир. 1994. //Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч.III. – М.

Впервые опубликовано: Неделя науки АГПУ. Материалы научно-практической конференции. Часть III. – Армавир, 2006. С.4-8 (соавтор выпускница истфака АГПУ С.С. Борик).

У ИСТОКОВ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ
(европейско-христианская интеграция XI в.?)

Крестоносной эпопее посвящено огромное количество трудов, и, казалось бы, эта тема исхожена уже вдоль и поперек. Тем не менее, феномен вооруженных странствий европейцев на Восток продолжает привлекать внимание специалистов и читающей публики. Вряд ли это случайно. Сегодня, когда Запад и Восток вновь вступили между собой в сложные и противоречивые отношения в условиях дальнейшего развития мировых интеграционных процессов, изучение этапов взаимодействия этих важнейших историко-культурных областей приобретает особое звучание. Что манило жителей Европы в восточные страны, какие мотивы толкали их на полные опасностей путешествия, только ли реками крови знаменательны контакты христиан и мусульман, каковы были долговременные результаты взаимодействия Запада и Востока в XI-XIII вв. и т.д. – все эти вопросы сегодня вновь, как никогда, актуальны.

Нет сомнений в том, что тема крестовых походов содержит в себе огромное количество интереснейших нюансов, на которые, порой, обращалось недостаточно внимания в отечественной литературе в советский период. Этим, отчасти, и объясняется интенсивное появление из печати в самое последнее время переводов трудов западных ученых, ранее недоступных для отечественной аудитории (причем даже для наиболее компетентных ученых) и впервые увидевших свет еще в 1950-1970-е гг. Мы имеем в виду работы Р. Перну, П. Виймара, А. Шамдора, С. Морисона, М. Мельвиля, а также некоторые другие, которые напрямую не относятся к интересующей нас теме, но содержат очень интересные данные, проливающие свет на созревание предпосылок крестовых походов [Перну Р., 2001; Виймар П., 2003; Морисон С., 2003; Шамдор А., 2004; М. Мельвиль, 2004; Дуглас Д., 2003].

Целью нашей статьи является более разностороннее (насколько это возможно в рамках небольшой статьи), рассмотрение некоторых обстоятельств и предпосылок, обусловивших характер первого крестового похода, прежде всего, через призму подходов периодизации всемирной истории, предложенной кафедрой всеобщей истории АГПУ. Наша попытка злободневна и в связи с тем, что в 2006 г. исполнилось ровно 910 лет с момента начала крестоносного движения.

Начнем с того, что констатируем положение, ставшее хрестоматийным в отечественной науке. «В последней трети XI в. нити европейской политики все больше стягивались в римскую курию. Она становилась тем центром, который один только и мог объединить распыленные силы феодального Запада» [Заборов М.А., 1980. С.24]. Оно, безусловно, опиралось на мысль, шедшую от основателей марксистского учения, о том, что церковь «являлась реальной связью между различными странами», она стала «крупным интернациональным центром феодальной системы» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.495].

Тем не менее, общеизвестно, что роль такого центра католическая церковь и папство приобрели только после выхода из затяжного кризиса, длившегося с конца IX по середину XI в. [Лозинский С.Г., 1986. С.80-87]. Также не секрет и то, что папство в своих далеко идущих планах опиралось на южноиталийских норманнов [Заборов М.А., 1980. С.23]. Еще Р.Ю. Виппер подчеркнул важность для папства союза с норманнами в условиях разрыва с восточной церковью, но особенно зарождавшейся конфронтации с германским императором [Виппер Р.Ю., 1996. С.223]. Но, пожалуй, лишь Д.Дуглас наиболее наглядно показал выдающуюся роль норманнско-папского альянса как в укреплении позиций папского престола, так и в осуществлении на практике идеи *священной войны* [Дуглас Д., 2003. С.89-90, 135-164 и др.], хотя одновременно и продемонстрировал всю внутреннюю

противоречивость указанного союза. При этом, данный автор выявил *общеевропейский* характер папско-норманнского союза. Папы, с 1059 по 1085 гг. по сути дела, выстроили своеобразную ось, которую мы бы условно назвали «Рим-Руан-Лондон-Палермо», которая послужили мощным рычагом в борьбе с Империей. Норманны выступили для папства, на наш взгляд, в роли «сил быстрого реагирования» в критические моменты его взаимоотношений с великим и агрессивным северным соседом.

Однако, как ни заметно было участие норманнов в подготовке крестоносного движения и самом его начале, основой его они, при всей их активности и могуществе, все же, стать не могли. Если иметь в виду то, что целью Григория VII было создание теократической христианской империи, где правление над князьями и народами должно было быть возложенным на папу, который доминирует и над императором, то взаимоотношения с Вильгельмом Завоевателем были если и не идеальными, то хотя бы приемлемыми для создаваемой системы, а с королем Франции – совсем наоборот (Лозинский С.Г., 1986. С.104; Дуглас Д., 2003. С.204-207). Тем не менее, когда Урбан II взялся за осуществление универсалистских идей Григория VII, стремившегося, в том числе, к подчинению восточной церкви, он хорошо понимал, что опорой в этих проектах должна служить Франция (Гергей Е., 1996. С.110). И дело было не только, и по-видимому, не столько в том, что папа сам был французом (в миру Эд де Шатийон).

Анализируя подготовку Урбана II к Клермонскому собору, Р. Перну очень наглядно выявила все те важнейшие ингредиенты, из которых складывались основы успеха первого крестового похода, а также знаковые шаги, совершенные папой. Историками уже отмечалось, что папа перед собором нанес два важнейших визита – видному церковному деятелю епископу Адемару Монтейльскому, который на самом соборе возглавил духовенство Оверни, Аквитании и Лангедока, а также

могущественному сеньору Южной Франции, графу Раймунду IV Тулузскому [Заборов М.А., 1980. С.137].

Но следует шире взглянуть на вещи, особо подчеркнув, во-первых, интегрирующую роль папы римского в то время, когда «его бесконечные разъезды по дорогам Запада способствовали тому, что он стал близким всему христианскому миру» [Перну Р., 2001. С.24][1]. Впрочем, не будем забывать, что эта интеграция была подготовлена широко известной деятельностью Клюнийского движения. Сам папа и его ближайшие сподвижники были выпускниками клюнийского ордена. Перед самым прибытием в Клермон папа в торжественной обстановке освятил главный алтарь в огромном соборе в Клюни, превосходящем даже собор Святого Петра в Риме. Во-вторых, очень тщательно было выбрано само место проведения собора. Клермон с его 54 церквями, несомненно, был в конце XI века крупным центром католичества на Юге Франции. В-третьих, следует внимательно рассмотреть состав приглашенного на сбор клира европейских стран. Здесь были как представители духовенства Северной Франции, являвшиеся вассалами французского короля, так и оппозиционные клирики с территории Империи, англо-нормандские епископы (но не южноиталийские – Sic!), среди которых был и брат Вильгельма Зовоевателя, прелаты из Испании, олицетворявшие собой идею Реконкисты (не прошло и 10 лет с момента взятия Альфонсом VI Толедо, которое К. Маркс назвал «прелюдией первого крестового похода») [Заборов М.А., 1980. С.22], и разумеется, многочисленные представители южнофранцузского клира [Перну Р., 2001. С.28].

Этот репрезентативный расклад, как нельзя лучше указывающий на основы создаваемого папой проекта, подчеркивает, вопреки мнению Режин Перну, что отлучение короля Франции от церкви вряд ли было осуществлено не по политическим соображениям [Перну Р., 2001. С.29]. Невозможно объяснить простым совпадением то, что одновременно с

французским королем под отлучением находились и Вильгельм II английский, а также Генрих IV немецкий [Виппер Р.Ю., 1996.С.235]. Папство само желало возглавить крестовый поход, показав тем самым, светским владыкам, прежде всего, императору, что оно решительно берет на себя роль лидера в европейских делах. Все, предшествующие собору шаги папства, как-то: санкционирование захвата Англии и помощь Реконкисте, одобрение борьбе с мусульманами на юге Италии и отлучение Генриха IV и даже поддержка патаров [Неусыхин А.И., 1974. С.287-288; Гергей Е., 1996. С.95] – недвусмысленно указывали на это. Подчеркнем знаковое утверждение Д. Дугласа о том, что папа Григорий VII «считал, что обратиться за помощью военных сил христианского мира ради утверждения христианских прав под руководством Папы – это право и обязанность исключительно самого Папы» [Дуглас Д., 2003. С.153]. В свете всего этого несколько странно звучит заявление Р. Перну о том, что участники крестоносного движения – это «добровольцы со всех уголков Европы… лишенные всякой центральной организации» [Перну Р., 2001. С.5]. Думается, что папство и католическая церковь весьма действенно выполняли роль этой организации.

Но, разумеется, интегрирующая роль папства в организации крестовых походов и в целом в европейских делах была бы невозможной без наличия ряда глубинных факторов социального и экономического характера, создававших тот людской резервуар, благодаря которому походы вообще стали возможными. О них уже давно и хорошо известно исследователям. Это рост товарно-денежных отношений, эпидемии, голодные, неурожайные годы, малоземелье, усиление феодального гнета, эскалация феодальных междоусобиц, стремление к обогащению и т.п. [Заборов М.А., 1980. С.12-16; Морисон С., 2003. С.9]. Сюда добавляют демографический подъем [Ле Гофф Ж., 1992. С.60; Морисон С., 2003. С.9], рост подвижности населения (в том числе, крестьянства, феодалов,

купечества, духовенства, паломников и др.) [Даркевич В.П., 2005. С.13-34].

В то же время, все более отчетливо выдвигаются на передний план и духовные, ментальные составляющие крестоносного движения: явление странничества, пилигримства, связанное с идеей аскезы, сотериологические мотивы, эсхатологические ожидания, знамения и чудеса, особые приметы, появившиеся накануне походов, пророчества и т.п., незнание Востока европейцами, приведшее к утверждениям об угнетении христиан мусульманами, и способствовавшее практическому воплощению идеи «справедливой, священной войны» с «неверными», родившейся еще ранее, восприятие земного Иерусалима (который все более олицетворялся с Иерусалимом небесным) как «центра мира»[2], оказавшегося в руках последних, слияние в представлениях участников походов феодально-вассальных ценностей и христианской идеологии и т.п. [Заборов М.А., 1980. С.17-20, 30-31; Материалы, 1980. С.75-95, 94-109; Перну Р., 2001. С.174, 209; Дударев С.Л., Лесина Т.Н., 2002. С.8-10; Морисон С., 2003. С.10-18, 143-145; и др.].

Одновременно ряд ученых связывают материальные и духовные предпосылки воедино. Еще М.А. Заборов ссылался на Дж. Микколи, который охарактеризовал «сплетение религиозных и завоевательных, сопряженных с надеждой на реальное обогащение побуждений рыцарей… как бином крестоносной религии» или, уже по Заборову, «крестоносной идеологии» [Заборов М.А., 1980. С.42]. А вот мнение Р. Груссе: «С моральной точки зрения именно благодаря вере в последние годы XI в. был создан латинский Восток, а в интересах торговля пряностями в XIII в. он держался [См.: Перну Р., 2001. С.199]. И этим авторам не откажешь в справедливости данного подхода. Об этом ярко свидетельствует уже само взятие Иерусалима. Ворвавшись сюда, крестоносцы сначала «рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней у мулов, забирая (себе) дома, полные всякого добра». И только потом «радуясь и плача

от безмерной радости пришли наши поклониться гробу Спасителя Иисуса и вернуть ему свой долг» [См.: Перну Р., 2001. С.67]. Однако та жертвенность, которую массово демонстрировали как крестьяне-крестоносцы, так и обнаруживали многие представители рыцарства и знати, все же ярко указывают на то, что «христианин взял себе за образец для подражания Христа, распятого за любовь к ближнему» [См.: Перну Р., 2001. С.45].

Именно поэтому, исследование ментального начала, являвшегося долгое время более периферийным среди приоритетных оценок причин походов, требует обращения к глубоким основам духовной жизни европейцев того времени.

Медленное проникновение христианства в толщу народных верований, взаимная адаптация его идей и дохристианских воззрений привели к тому, что после 1000 г., как указывают западные исследователи (Р. Манселли) [Материалы, 1980. С.55-56], произошли важные сдвиги в идеологическом развитии европейцев. О том, что XI в. был рубежным в духовном генезисе европейского сознания, говорят, например, факты невиданных по массовости паломничеств того времени [Дуглас Д., 2003. С.145]. Не следует забывать и об удивительном «буме» церковного строительства, начавшегося с 1003 г., о котором писал Р. Глабер [Ле Гофф Ж., 1992. С.58]. Все эти факты позволяют нынешним российским медиевистам прямо говорить о явлении *«внутренней христианизации Европы»,* которая сопровождалась процессом «евангелизации» народных масс, когда христианство, утвердившись ранее в обрядовой стороне, теперь все глубже проникало в систему моральных, нравственных ценностей, осмысливалось через призму утвердившихся новых феодальных отношений. Начался, как мы полагаем, *третий этап* генезиса христианства в Европе, своего рода «третье обретение» этой религии [Дударев С.Л., 2004. С.24-25]. Не вдаваясь сейчас детально в причины появления нового стиля народной религиозности, укажем на то, что названные

духовные процессы были сопряжены с завершением формирования феодальной социально-экономической системы и единого европейско-христианского цивилизационного пространства [Дударев С.Л., 2002. С.21-24][3].

Крестовые походы были акцией возникшей общности европейских христиан-пассионариев, двинувшихся, как в свое время арабы-мусульмане, расширять свое цивилизационное поле. Р. Перну приводит интереснейшее высказывание барона Балияна Сидонского, который, в ответ на попытку узурпации власти в Святой Земле Фридрихом II Гогенштауфеном заявил: «Эта земля была завоевана не одним сеньором, но целым народом» [Перну Р., 2001. С.34]. Так ситуацию понимали еще в XIII в., а участник Первого крестового похода, хронист Фульхерий Шартрский сделал еще более яркое заявление: «Хотя мы говорили на разных языках, казалось, однако, что мы являемся братьями и близкими родичами, единодушными в любви к Богу». «В подобных высказываниях отразились признаки зарождающегося общего западноевропейского самосознания, превозмогающего языковые, этнические и другие различия» [История Европы, 1992. С.532]. Уточним – основа самосознания была христианской (так что скорее приходится говорит об общехристианском самосознании), а благодаря «внутренней христианизации» в Западной Европе от Сицилии до далекой Скандинавии сложился **христианский суперэтнос,** представители которого откликнулись на клермонское «Deus lo volt!» (Так хочет Бог), «с готовностью, какой не ожидал сам папа» [Перну Р., 2001. С.33].

В рамках этого феномена религиозные установки (в условиях отсутствия наций) устанавливали доминанту над локальными географическими и этническими общностями и связями. Даже в XIII в., когда движение на Восток идет на спад, глава ордена доминиканцев Гумберт Романский учил, что настоящий рыцарь должен смотреть на страну, где жил Спаситель, как на свою истинную отчизну, и ради нее без

колебаний порывать даже со своей семьей, как советует Евангелие [Перну Р., 2001. С.187]. Впрочем, мы бы покривили душой, если бы не привели мнение Ж. Ле Гоффа о том, что причиной отсутствия привязанности к родному дому, земле и т.п. в XI-XIII вв. была условная земельная собственность. Оттого-то норманнские сеньоры, немецкие рыцари, феодалы Иль-де-Франса, выступившие против альбигойцев, «крестоносцы всех мастей» легко покидали родину, «*потому что вряд ли она у них была*» [Ле Гофф Ж., 1992. С.127].

Это суждение в чем-то созвучно с наблюдением В.В. Емельянова, для которого « у франков нет ничего, кроме желания денег, власти и славы. Но в этом и их сила. Они идут в неведомое, стремятся к новому и готовы не возвращаться назад, потому что мир позади не имеет для них большой цены. Их путешествие – большая прогулка в инобытие, может быть, даже в некоторое преддверие будущего рая. Такова цивилизация западных христиан. Ведомые авантюрным духом, они не хотят возвращаться домой» [Емельянов В.В., 2004. С.11][4].

Еще одно обстоятельство хотелось бы оттенить особо. Крестовые походы, ситуация вокруг них, и положение, которое складывалось в Святой Земле в XI-XIII вв., являются **своеобразным «зеркалом»** тех процессов, которые шли в Западной Европе в тот период. Ярчайшей чертой социально-политической ситуации в Европе того времени была феодальная раздробленность и упадок королевской власти. Во Франции XI в. она была свершившимся фактом, который веско подтвержден одними учеными (Ж.Ф. Лемаринье) и принят другими (Ж.Дюби) [Дюби Ж., 2000. С.112]. Тем не менее, французский король был, все же еще, опасным соперником, которого папа стремился нейтрализовать (см. выше), дальновидно пытавшимся составить конкуренцию Вильгельму Завоевателю, заложившему основы двуединого государства, ставшего прообразом «империи Плантагенетов».

Подминая под себя светскую власть, папы открыто делали ставку на феодальную знать и дворянство, стремясь направить кипучую пассионарную энергию тех, «кто в былые времена сражался против братьев и сородичей», во вне Европы [Перну Р., 2001. С.32-33]. Как ни парадоксально, но именно *фактор феодальной раздробленности способствовал созданию общехристианского самосознания и христианского суперэтноса через интегрирующее начало католицизма, церкви и папства* и дал наивысший эффект в начале крестовых походов в отношении массовости участия в них представителей разных стран Западной Европы. Но, возвращаясь к началу нашей статьи напомним, что опорой, базой будущих латинских государств на Востоке стали французы, «франки». Причиной этого было начало бурного расцвета «классического феодализма» во Франции. Рост экономического и людского потенциала Франции прекрасно понимали папы XI в., прежде всего, Урбан II. Поэтому именно из Франции, а отнюдь не из Южной Италии, и раздался призыв идти воевать на Восток.

Но чисто феодальный характер крестоносного движения и латинских государств на Востоке и стал, в конце-концов, причиной их крушения. Прекрасно сказано Гегелем: «Было основано Иерусалимское королевство, и в нем целиком введена ленная система, которая, конечно, оказалась при борьбе с сарацинами наихудшим государственным строем, который можно было придумать» [Гегель Г.В.Ф., 2002. С.306]. Даже, когда земля уже горела под ногами крестоносцев и дни их владений на Востоке были уже сочтены, они продолжали неистово сражаться между собой (война Святого Саввы 1256-1258 гг. в Акре между генуэзцами и венецианцами, в которую с разных сторон вмешались госпитальеры, тамплиеры и др.) [Морисон С., 2003. С.94]. Участие же королей во II и III походах привело лишь к обострению противостояния внутри крестоносных войск (наиболее яркий пример – острое соперничество Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце)

[Кесслер У., 1997. С.131-239]. Попытка же Фридриха II установить свой контроль над Бейрутом, получить оммаж от феодалов Антиохии и Триполи, провалилась, несмотря на овладение Иерусалимом в результате компромиссного договора с султаном Аль-Камилем [Перну Р., 2001. С.239-243]. Время королей-централизаторов в самой Европе еще не пришло, а их наступательные действия внутри своих стран заставляли даже самых ярых сподвижников крестоносных венценосцев забывать о целях «священной войны» на Востоке и оставаться дома[5].

Впрочем, вновь необходимо вспомнить о духовном факторе, который был все время переплетен с материальным началом. В известных нам работах авторитетных исследователей крестовых походов, увы, никто так и не обратил внимания на следующее рассуждение Гегеля. Приведем его с сокращениями. «У этого гроба (Святого гроба – *Авт.*) христианские народы еще раз получили тот ответ, который услышали апостолы, когда они искали тело Христа: «Что вы ищете живого между мертвыми. Его здесь нет: Он воскрес». Вам следует искать принцип вашей религии не в чувственном, не в гробе у мертвецов, а в живом духе, в вас самих… Христианство нашло пустой гроб, а не связь мирского и вечного, и поэтому потеряло Святую Землю… Таким образом, мир приходит к сознанию, что человек должен искать этого духовного начала, которое по своей природе Божественно, в самом себе… таков был абсолютный результат крестовых походов, и с тех пор начинается эпоха доверия к собственным силам, самодеятельности. У гроба Господня Запад навсегда простился с Востоком и понял свой принцип субъективной бесконечной свободы. С тех пор христианство никогда не выступало как единое целое» [Гегель Г.В.Ф., 2002. С.307].

Во многом благодаря той духовной эволюции, которая произошла за двести лет крестовых походов в сознании европейцев, они перестали стремиться на Восток для спасения через паломничество, принесения себя в жертву, приобретение чудесных реликвий и т.п. и нашли Бога внутри себя. Поистине,

наконец-то тем, кто стремился в святые земли, все больше становится понятен смысл слов: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царство Божие, отвечал им: не придет Царство Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть» (Лук., 17, 20,21).

То, что крестоносное движение на Восток выдохлось к концу XIII в., обусловлено, конечно же, и материальными причинами. Экономические и политические реалии в Западной Европе через два столетия после начала походов сильно изменились. У европейцев теперь хватало дел у себя дома, как в области экономики, так и в области политики. Бурный прогресс производительных сил, дальнейшее развитие и рост городов, товарных связей между городом и деревней, сельского хозяйства («внутренняя колонизация», ликвидация барской запашки), демографический подъем – привели к тому, что в конце XIII – XV в., как полагали некоторые отечественные ученые-медиевисты, Европа обогнала Азию и страны Ма́гриба. В Европе, вставшей на путь возникновения централизованных монархий, разорвавших однородное в своей мозаичности феодальное политическое поле Европы (недаром Ж. Ле Гофф писал: «Королевская власть всегда оставалась немного чуждой средневековому миру») [Ле Гофф Ж., 1992. С.288], стали складываться основы прединдустриального общества.

Крестовые походы, на начальном этапе выступавшие в качестве «военно-интегративной экспансии» европейцев [Дударев С.Л., 2001. С.12], все больше превращались в чисто завоевательное предприятие, постепенно утратив основу для духовной интеграции европейцев под руководством папства, в истории которого вновь начинаются времена упадка. Современники походов все чаще скептически отзываются об этих военно-религиозных экспедициях. Грянувшая в XVI в. Реформация покончила и с христианской республикой ученых, о которой мечтал Эразм Роттердамский. Наступали времена,

когда параллельно с интеграцией по религиозному признаку возникали и союзы чисто политического свойства, в рамках которых соединялись противники, которых ранее трудно было представить вместе, например Франциск I и глава «правоверных» – турецкий султан [История Европы. 1993.С.401]. Впрочем, ростки таких альянсов возникали еще в XI-XII вв. Но это тема уже другого исследования.

Примечания

[1] Разве не близок папам XI века скончавшийся недавно римский понтифик Иоанн Павел II, который посетил многие страны мира, стремясь, таким образом, к установлению единения католиков всего мира?

[2] «Иерусалим – «основание мира» [Новый завет, 1998].

[3] У Р. Манселли речь идет о появлении после 1000 г. самой христианской цивилизации [Материалы, 1980].

[4] Впрочем, монолитность христианского суперэтноса вряд ли стоит абсолютизировать. Р. Перну пишет о том, что во время Первого похода в лагере крестоносцев-крестьян, где между собой между собой постоянно сталкивались ломбардцы, немцы и французы, «национальные различия быстро привели к возникновению распрей» [Перну Р., 2001. С.42]. Приведем и еще один яркий факт, который указывает на то, что внутренние противоречия в стане католиков вели, порой, к фактическому отрицанию самих крестовых походов, а значит, и ставили под сомнение единство христианского мира даже в кульминационный XI в.. В 1096 г. крестоносцы-французы, прибывшие в Рим были потрясены тем, что почти вся базилика св. Петра оказалась в руках сторонников анти-папы, которые выбросили из алтаря подношения пилигримов и закидали их камнями [Дуглас Д., 2003. С.32].

[5] Жан де Жуанвиль отказался отправиться во второй раз с Людовиком IX в крестовый поход, заявив: «Пока я был за морем, сержанты короля Франции и Наварры грабили и разорили моих людей. И если я не останусь, чтобы защищать их, то оскорблю Господа, который все сделал, дабы спаси свой народ» [Перну Р., 2001. С.188]. Как видим, в представлении видного крестоносца XIII в., остаться дома и защищать свои владения и людей – дело более богоугодное, нежели заморский вояж в защиту веры.

Библиография

Виппер Р.Ю., 1996. История средних веков. Курс лекций. – Киев.
Виймар П., 2003. Крестовые походы. – СПб.
Гегель Г.В.Ф., 2002. Христианство и Реформация. Из лекций по философии истории (I-VII) и истории философии (VIII) (1821-1831) // Мартин Лютер.95 тезисов. – Спб.
Гергей Е., 1996. История папства. – М.
Даркевич В.П., 2005. Аргонавты средневековья. – М.
Дуглас Д., 2003. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050-1100. – СПб.
Дударев С.Л., 2001. Учебная программа «Основные этапы всемирной истории». – Армавир.
Дударев С.Л., Лесина Т.Н., 2002. С крестом и мечом (очерки истории крестоносного движения). – Армавир.
Дударев С.Л., 2003. Методические заметки по истории, Вып. III. – Армавир.
Дударев С.Л., 2004. Методические заметки по истории. Вып.IV. – Армавир.
Дюби Ж., 2000. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д' Арк. 987-1460. – М.
Емельянов В.В., 2004. Предисловие к книге: Шамдор А., 2004. Саладин: благородный герой ислама. – СПб.
Заборов М.А., 1980. Крестоносцы на Востоке. – М.
История Европы. 1992. История Европы. Т.2. Средневековая Европа. – М.
История Европы.1993. История Европы. Т.3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М.
Кесслер У., 1997. Ричард I Львиное Сердце: Король. Крестоносец. Авантюрист. – Ростов/нД.
Ле Гофф Ж., 1992. Цивилизация средневекового Запада.- М.
Лозинский С.Г., 1986. История папства. – М.
Материалы, 1980. Материалы реферативного сборника «Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии». – М.
Мельвиль М., 2004. История ордена тамплиеров. – Спб.
Морисон С., 2003. Крестоносцы. – М.
Неусыхин А.И., 1974. Проблемы европейского феодализма. – М.
Новый Завет, 1998. – Анахайм.
Перну Р., 2001. Крестоносцы. – Спб.
Шамдор А., 2004. Саладин: благородный герой ислама. – СПб.

Впервые опубликовано в: Проблемы всеобщей истории. Вып.10. – Армавир, 2005. С.52-63.

АЛЬБИГОЙСКАЯ ЕРЕСЬ И ПЕРВАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

XIII век фокусирует в себе все наиболее характерные проявления западноевропейского средневековья. Это столетие - своеобразный временной экватор, в рамках которого сумели развиться и приобрести рельефные контуры политико-экономические, социальные и идеологические реалии средневековья, выраженные при этом в максимально чистой форме, поскольку трансформации нового времени еще не успели оказать на них сколько-нибудь существенного воздействия. В XIII столетии, таким образом, сосредоточились все типичные стороны средневековой жизни и именно поэтому «этот век имеет право называться наиболее важным в развитии европейской цивилизации»[1] . Более того, XIII столетие представляется одной из вершин средневековой синусоиды, особенно заметной на фоне кризисных явлений XIV века. Как писал по этому поводу Ж. Ле Гофф, «христианский мир на рубеже XIII-XIV вв. не просто остановился, но съежился»[2] .

Однако, именно к XIII веку относится первая крупная угроза социально-политической стабильности, угроза, выросшая на исконно средневековой почве религии. Католицизм, это мощное орудие духовного княжения (как впоследствии скажет в целом об идеологии Макиавелли), являлся подлинным выражением духа Средневековья, артерией, в той или иной степени определившей все стороны его общественно-политического бытия. «В феодальном обществе…оно (христианство) выполняло роль идеологического интегратора»[3]. Религия конструировала средневековое общество, идеологически

оформляла его существование, наделяла власть сакральными мандатами, определяла стратегию дальнейшего развития и, что представляется наиболее важным в плане этатизма, обуславливала цивилизационную связь населения через сверхобъект – христианского Бога. Применительно к западноевропейскому средневековью этот сверхобъект имел конкретную, весьма могущественную эманацию – католическую церковь.

Пережив достаточно сложный и противоречивый период своего становления как духовной и политической силы, Римская курия к XIII столетию обрела порфиру практически неограниченной власти, чему в немалой степени способствовали особенности идейного мира средневековья, «буквально пропитанного религиозными представлениями»[4], а также персональные усилия Григория VII, этого великого теоретика и практика ультрамонтанской идеи. Его тезис: «не настолько золото ценнее свинца, насколько власть священническая выше царской»[5], в полной мере отражает расширившиеся притязания папства. «Григорий VII с какой-то яростью возвышает священство и уничтожает королевскую власть, третируя ее словно установление поистине дьявольское»[6], более того, в своем «Диктате папы» Григорий VII утверждает, что «самый малый представитель церкви выше любого государя»[7]. Подобные рассуждения как бы материализовывали Божью благодать в образе папы – главной фигуры в католической церкви. Итак, духовный протекторат Римской курии для Европы XIII столетия приобретал характер данности, освященной и временем, и доминантной ролью католицизма как такового.

Однако у столь значимого положения религии в жизни средневековой Европы была и оборотная сторона, ибо при подобном теопатическом состоянии общества все формы протеста по необходимости облачались в религиозные одежды. Именно поэтому ереси разного толка являлись верными

спутниками общественно-политической жизни, причем в их русло уходили не только социальные аутсайдеры, но и вполне благополучные и даже привилегированные сословия. Связано это было как с недовольством объективными жизненными реалиями (недовольством, между тем, не имеющим возможности выразиться в локально политической форме), так и с многочисленными духовными исканиями, столь характерными для теологической ауры средневековья. Рациональное и сакральное органично сливались в массовом сознании, определяя живую связь между миром небесным и миром земным, так осязаемо представленную в Лестнице Иакова[8]. Подобное восприятие действительности являлось своеобразной парадигмой средневековья, в создании которой активно участвовали и церковь, и светская власть, сами, между тем, всецело находящиеся под ее влиянием. Неудивительно поэтому, что единственной «запатентованной» формой протеста долгое время оставались еретические движения, с разной степенью последовательности обращающиеся как к собственно религиозным истинам, так и к рассматриваемым сквозь их призму общественно-политическим событиям. В результате, несмотря на то, что папство ревниво оберегало собственную монополию на сферу сакрального, «ересь, точно неотступная тень, следовала за церковью на всем протяжении ее истории»[9].

XIII век до предела усилил опасность для Церкви, исходящую со стороны религиозного инакомыслия; по сути, никогда прежде Римская курия не сталкивалась со столь очевидной духовной угрозой своему могуществу. Эпицентром ереси, известной под названием "альбигойство", являлся юг Франции, хотя первые ростки этого учения проявили себя еще в Италии и в XIII в. имели здесь, в непосредственной близости от папского престола, достаточное распространение[10]. Как пишет по этому поводу Н.А. Осокин, понятие «альбигойство» не обозначало последователей какого-либо целостного учения – «в

то время это был термин, обозначающий всех, несогласных с ортодоксией»[10]. Между тем, альбигойство имело и свои вполне конкретные приметы, в сущности которых мы постараемся разобраться, а также проследим ответную реакцию папской власти на это вольнодумство, настолько опасное, что, выступая против него, Церковь «фактически боролась за собственное существование»[11].

Главной идейной основой альбигойства является учение катаров, учение во многом необычное для Средневековой Европы, поскольку собственно христианских основ в нем крайне мало. Катаризм представляет собой традицию гностицизма и восточных философских систем, первоначально не сопряженных с христианством. Л. Карсавин говорит о манихействе, лежащем в основе катаризма, как об антиподе христианства, называя катаров, воспринявших дуалистические идеи Мани, не христианами[10]. Между тем, катаризм развивался на христианской почве средневековой Европы, что обусловило амальгамирование восточных философских систем с христианской доктриной. Альбигойство, таким образом, представляет собой интересный сплав гностицизма, буддизма, восточной философии и христианства, где положения Священного Писания органично уживаются с идеями реинкарнации и вечной борьбы Добра и Зла. По сути, дуализм доброго и злого начал не был чужд и ортодоксальному католичеству, т.к. вера в дьявола всегда занимала существенное место в христианской теологии. Католицизм проповедовал веру в дьявола как в реальное, предельно активное существо, источник всего зла в мире; церковь «не могла обойтись без сатаны, как и без самого бога, была кровно заинтересована в существовании нечистой силы»[10]. «Фактически христианство является "двубожеской системой", т.к. дьявол так же мыслится богом»[14]. Однако альбигойство вносит новые, не свойственные католичеству, акценты в восприятие этих двух начал, формируя,

таким образом, философию предельного дуализма. Возникает вопрос, почему подобное учение, столь специфически переработавшее самые основы христианства, в XIII столетии сумело завоевать устойчивую популярность в целом ряде французских областей, по сути вытеснив из них ортодоксальное католичество? В чем состояла привлекательность альбигойства для средневекового человека? Для ответа на эти вопросы необходимо вкратце остановиться на сущности альбигойского учения, выяснив, что особенного – по сравнению с католицизмом XIII века – оно предлагало своим адептам, а также с помощью каких средств оказалось возможным его распространение.

Поставив во главу своего учения идею о вечной борьбе Добра и Зла, альбигойцы с ее помощью существенно переработали католическую догматику, объявив, что видимый материальный мир является порождением Сатаны, в то время как христианский Бог создал лишь мир духовный. Подобный тезис вносил аллегорическое понимание в сказания Библии, с помощью которого получалось, что «Бог сотворил не небо, а небесные души, не землю, а души земных людей, не море, а чистую воду спасения и веры»[11]. Что же касается Бога Ветхого Завета, Бога – демиурга, то он объявлялся верховным владыкой зла. «Творцом мира был Бог, демон же был демиургом – "ремесленником" – он лишь обрабатывал наличный материал, не создавая ничего собственно нового»[11]. Этому же демону альбигойцы приписывали и создание материальной оболочки человека. Подобное понимание космогонии и космологии (злое начало – солнце, луна – его жена, звезды – низшие демоны) приводило еретиков к отрицанию Ветхого Завета, как книги, повествующей о «подвигах Сатаны». «Иегова Ветхого Завета – это Сатана, а пророки и патриархи – его темные слуги»[15]. Столь же специфически альбигойцы трактовали и ряд положений Нового Завета, считая, к примеру, Иоанна Крестителя послом

сатаны (т.к. он крестился водой, а не духом), Деву Марию – метафорой альбигойской церкви, а чудеса, которые творил Христос, понимая исключительно духовно. Альбигойцы – прежде всего высокие идеалисты; поклоняясь бессмертному духу, они презирали смертное тело. Согласно их учению, главной задачей человека является скорейшее освобождение от бренной оболочки и восхождение его бессмертной души в божественные сферы. Между тем, подобное восхождение далеко не всегда оказывалось возможным, поскольку душа, отягощенная материальным наследием, вновь и вновь должна была возрождаться на земле, пока, достигнув вышей степени аскетизма и очищения, она, наконец, не сольется с Абсолютом. Альбигойцы, таким образом, считали, что ношение тела, пребывание на земле и есть тот ад, которым пугает Писание. Для особо злостных «материалистов» альбигойцы предусматривали и возможность реинкарнации в оболочку животного – отсюда берут начало их вегетарианские установки.

Церковь альбигойцев представляла импозантную в своей простоте структуру и состояла из так называемых перфектов (совершенных) и «верующих» - credentes. Перфекты отличались от «верующих» принятием consolamentum – «утешения», после которого их душа освобождалась от дальнейшего скитания по земным оболочкам. Перфекты характеризовались строгой аскезой и абсолютным забвением материальных ценностей. Из их среды формировалась иерархия секты, представленная епископом, «старшим сыном», «младшим сыном» и дьяконом. После смерти епископа, «старший сын» становился его преемником. Что же касается «верующих», то они, строго говоря, не принадлежали к секте и были такими же грешниками, как католики. «Та резкая пропасть, которую учение катаров проводило между состояниями перфекта и не получившего «утешения», уничтожала всякие различия греховности или святости в среде последних»[10].Таким образом, переход в

состояние совершенства был не медленным восхождением, а мгновенным переворотом и лишь он мог обеспечить человеку духовное спасение. В подобных воззрениях ощутимо влияние мистических элементов, хотя мистика в полной мере и не была свойственна альбигойцам. Между тем, именно мистика, будучи непременной частью официального католичества и религиозного мышления средневековья как такового, располагала к обособлению от церкви. Всю свою надежду мистик возлагал на Бога и, следовательно, у него отсутствовала необходимость в посредничестве церкви и ее культов[16]. Последний момент четко улавливается в догматических установках альбигойцев, видящих спасение не в официальной церкви и ее культах, а в рамках единственного обряда – consolamentum.

Итак, духовное спасение альбигойская церковь (церковь в данном случае понятие весьма условное) видела лишь в собственных недрах, полностью игнорируя аналогичные притязания церкви католической; при этом альбигойцы были убеждены, что они и только они являются истинными христианами. Адепты ереси полагали, что «никакие молитвы земной Церкви не могут оказать помощи. Души, сотворенные Демоном (тираны, изменники и т.д.) не могут быть спасены ею, а для прочих она бесполезна, т.к. и без нее они будут участниками небесной жизни»[11]. Подкрепляя свои притязания на духовную власть, еретики указывали на падение нравов и презрение заветов Христа в рамках официальной церкви; следует отметить, что подобная критика находила себе самую широкую поддержку. Более того, связь успехов ереси с моральным состоянием клира осознавалась и самой Римской курией. Потеряв образ евангельской простоты и чистоты, католическая церковь в лице альбигойцев по сути столкнулась со своим двойником – идеалом, в котором наилучшим образом отразились глубинные чаяния западного христианства. «В строгих, неулыбающихся перфектах воплотилась мечта эпохи, и,

казалось, они донесли неприкосновенным идеал первых веков христианства до людей XII-XIII вв.»[10]. Для масс в эпоху Средневековья в первую очередь был важен и дорог моральный идеал, с точки зрения которого оценивались и магическая сторона религии, и клир. Утратив одежды высокой нравственности, католическая церковь автоматически лишалась части своей сакральной составляющей, ее духовный авторитет оказывался под угрозой. Альбигойцы, напротив, проявляли чудеса аскезы (идеал которой, с самого начала присущий христианству, активизируется к XII-XIII вв.). Отсюда столь ревнивое отношение католической церкви к религиозным подвигам еретиков, выливавшееся в навязчивое стремление обвинить их во всех смертных грехах, включая поклонение дьяволу. Положение католичества усугубляло и то, что значительная часть «верующих», и тем более перфектов, были людьми высоко образованными, «получившими образование на скамьях Парижского и Болонского университетов»[11], прекрасно знающими Писание, что давало им бесспорное преимущество в богословских диспутах с католиками-ортодоксами.

Представляя моральный упрек католицизму, альбигойцы зачастую встречали восхищение образом своей жизни со стороны собственных гонителей. Сам «отец инквизиции», св. Доминик, предлагал заимствовать у катаров чистоту жизни и презрение к плоти. Аналогичные мысли в косвенной форме содержатся и у Франциска Ассизского[17]. Теплым отношением к еретикам отличались порой целые духовные ордена. Так, лояльность к катарам проявляли тамплиеры – орден, которому в первую очередь «была свойственна духовная автономия»[18]. Во время Альбигойского похода рыцари ордена демонстративно сохраняли нейтралитет, оставаясь в роли простых свидетелей[19]. Такое поведение храмовников, между тем, имеет неоднозначное истолкование. С одной стороны, «духовно-рыцарские ордены, и в первую очередь тамплиеры… впитали в себя некоторые

философские течения Востока»[20], что по необходимости сказывалось на их отношении к еретикам, с другой, экономическая деятельность ордена, сосредоточенная в Южной Франции, так же не располагала рыцарей к проявлению излишнего антиеретического рвения. Ряд катаров во время погрома со стороны северофранцузских рыцарей, предпринятого по призыву папы, нашел убежище в тамплиерских пресептериях на Юге Франции и папство посмотрело на это «сквозь пальцы». Дело было здесь не только в могуществе тамплиеров, но и в том, что церковь, таким образом, стремилась к более бескровному переделу собственности в пользу своих «верных сынов»[20].

Духовный аспект пассивности тамплиеров доказывает «существование в христианском сознании XII-XIII вв. необходимых психологических предпосылок дуализма»[10], а также позитивного отношения к практике аскезы как к наилучшей форме религиозного служения. К примеру, те же тамплиеры зачастую и после смерти исповедовали идею аскезы: так, тела на кладбищах тамплиеров во многих случаях зарывались без гробов и были уложены лицом вниз прямо на землю[21], что, по-видимому, свидетельствует о последнем акте смирения со стороны умершего.

Говоря о причинах альбигойской ереси и о столь глобальных формах, которые ей удалось принять, следует, помимо собственно духовных детерминант, остановится на социальных и политических причинах этой ереси. Говоря о таковых, В.Л. Керов характеризует альбигойское движение как оппозицию – в религиозной форме – захватнической политике французской короны[22]. Между тем, на наш взгляд, это утверждение не кажется до конца обоснованным, ибо в рассматриваемый период королевская власть во Франции, в силу ряда объективных причин, не выступала с инициативой покорения юга. Более того, попытки папской власти сподвигнуть корону на военные действия против еретиков первоначально не

встречали конструктивного отклика с ее стороны. Так, прагматичный Филипп Август, считая куда более важным свой антагонизм с Англией, «тяжелое альбигойское дело хотел предоставить времени и своим преемникам»[11]. Изначально, таким образом, французский юг вряд ли ощущал объективную угрозу своей автономии. Более важным представляется глобальное смещение акцентов в социальной плоскости, связанное с формированием городской университетской культуры и, следовательно, появлением психологических альтернатив культуре церковной[23]. При этом символ эпохи – аскеза, столь последовательно воспринятая альбигойцами, во многом отражается именно в рамках университетской культуры, где «голиардический поэт (вагант) любит выставлять напоказ свою бедность и с особым удовольствием смакует унизительные подробности своей нищеты»[24]. Дуалистическая концепция альбигойцев с негативным акцентом на материальном мире также может рассматриваться как оппозиция власти и существующему социальному порядку. Однако такая же, если не более брутальная, оппозиция существующему порядку прослеживается и в высказываниях некоторых католических ортодоксов. Так, английский каноник, а впоследствии папский легат Роберт Курсон «предложил совсем устранить из общества всех, кто не работает: феодалов, буржуа. Так,- заявляет он,- исчезнут навсегда грабители, т.е. феодалы, и лихоимцы – т.е. буржуа»[24]. Сами же альбигойцы были весьма далеки от подобных мыслей, поэтому глубинная революционность в их квалификации видимого мира как порождения Сатаны (а, следовательно, и существующих в нем политико-социальных отношений) вряд ли существует. Как пишет по этому поводу Карсавин, «принципиально вопрос о несовместимости с христианской верой современного социального строя не возникал»[10]. Мысль верующего критиковала эксцессы, а не существо дела, направляясь против отдельных лиц, а не

социальных групп. Более того, высокая ступень, занимая человеком в феодальной иерархии, зачастую воспринималась альбигойцами как гарантия его «духовности»: т.к. «души переходят в другие тела в соответствии с заслугами человека, то душа доброго человека может попасть в тело князя, или короля, или иной славной персоны»[25]. Кроме того, в катаризме отрицается не современность, а всякая жизнь вообще, поэтому как таковой социальный протест в альбигойстве вряд ли присутствует. Существование в его контексте ряда привилегированных и социально вполне благополучных лиц (таких как Петр Моран или Раймонд VI) – лишнее тому подтверждение.

Исходя из подобных доводов, можно сделать вывод, что альбигойство являлось специфическим отражением общего религиозного подъема эпохи, поиском новых религиозных стандартов. О том, что эти стандарты имели некие директивные формы (в плане аскезы, презрения к материальному миру и т.д.), свидетельствует и деятельность других еретических сект. Так, «Братья свободного духа» в основных чертах перенимали альбигойскую шкалу ценностей: «центральное место в системе их взглядов занимала идея покаяния, очень тяжелого, часто ужасного, крайняя бедность, пища грубая и отталкивающая на вид, нищенская одежда, строжайшая дисциплина»[26]. Те же моменты можно проследить и в религиозности некоторых католиков – мирян, в частности, Людовика Святого.

Однако если альбигойская ересь не была «политически агрессивна», то исходящая от нее угроза официальному католичеству , церковной организации и иерархии являлась очевидной. До вступления на папский престол Иннокентия III, церковь, по сути, не предпринимает никаких решительных действий против еретиков, ограничиваясь проповедью и выявлением их «сатанинской природы»[25]. Именно Иннокентий III выступает инициатором искоренения еретических учений как

таковых. Н. А. Осокин указывает на то, что Иннокентий III «был чужд насилию, он искренне надеялся победить лишь силой слова»[11], однако действия папы говорят, скорее, об обратном. В этой связи нас интересует формирование инквизиции как формы борьбы Церкви с еретической угрозой. Первый опыт подобного рода был применен к югу Франции, непосредственно после Альбигойского похода.

Инквизиция, по сути, является формой защиты консервативного духа в религиозном вопросе, структурой, «унаследованной христианством от Языческого мира»[11]. Католические авторы с фанатичной настойчивостью придавали инквизиции священные черты, монах Мачедо даже ставил во главе инквизиции самого Господа: «Иегова передал свое дело св. Петру, тот римским первосвященникам, они – св. Доминику»[11]. Казуистическое оправдание насилия во имя веры искали в трудах Августина, этого «идеологического предтечи» инквизиции. Бл. Августин был твердо убежден, что церковь должна следить за выполнением морально-нравственного закона: «для того и установлены стражи народов, т.е. предстоятели в церквях, чтобы они не щадили своими обличениями грехов»[27]. Августин разрабатывает и новое понятие оправдания убийства: «заповеди "не убий" отнюдь не преступают те, которые ведут войны по полномочию от Бога, или, будучи в силу его законов…представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью»[28]. Благодаря данной общественно-политической стороне концепции Августина позднее формировалась кардинально новая боевая форма западного христианства[29], полностью оправдывающая убийство во имя веры. Столь же чистосердечно высказывался за необходимость гонений Фома Аквинский, считавший, что «ересь есть грех; те, кто его совершают, заслуживают не только исключения из церкви, но исключения из жизни путем смерти»[30]. В середине XIII века появляется даже особая

философия убийства, гласящая, что «тот, кто убивает нечестивых, не совершает человекоубийство». С особым пафосом озвучивал эту мысль и Людовик Святой, утверждая, что человеку, порочившему христианскую веру, следовало погрузить меч «в живот так глубоко, насколько он войдет»[31]. Таким образом, проходила идеологическая подготовка учреждения инквизиции, в контексте которой терпимость объявлялась преступлением против веры. «Крестовая война с еретиками была, в сущности, политическим завершением развития идеи нетерпимости»[11]. Эта идея получала практическое оформление в клятве епископов на Авиньонском соборе (1209 г.) гласящей, что они «сделают все от них зависящее для истребления ересей»[32]. Особо примечателен в этом плане IV Латеранский собор, состоявшийся в 1215 году. Собор, названный «высшим торжеством теократии», «кульминацией славного понтификата Иннокентия III» (как писал о нем Михель Отт в «Католической энциклопедии»), принял целый ряд решений, среди которых еретики Лангедока являлись одной из главных воодушевляющих целей. Основной идеей собора становилось искоренение всяких пороков и укрепление веры. Принятый на соборе «символ твердости веры» обязывал каждого, кто хотел считаться верным сыном церкви, поклясться в том, что он употребит все усилия, дабы стереть еретиков с лица земли. Тогда же возникло угрожающее постановление, без которого была немыслима инквизиция, - булла, согласно которой считалось преступлением не искоренять ереси; каждый виновный в этом сам объявлялся еретиком[33]. Характерно, что на Латеранском соборе, призванном мобилизовать антиеретические силы церковной и светской власти, ни единым словом не упоминается собственно об альбигойстве. Подобный факт, по сути, свидетельствует о ревизии первоначальной неплодотворной тактики «заигрывания с еретиками», когда в ходе публичных диспутов представители католицизма пытались вернуть «заблуждающихся» альбигойцев

в рамки истинной веры. Теперь Церковь «считает унизительным для себя вступать в полемику с еретиками»[11], демонстрируя тем самым переход на новый – воинствующий – уровень борьбы с инакомыслием.

Окончательно идея инквизиции, этого главного судебного органа для еретиков[34], была оформлена на Тулузском соборе 1229 года. Здесь «светская власть подала руку духовной», продемонстрировав тем самым, что религиозная монолитность является залогом и чисто политического спокойствия, хотя религиозные соображения для светской власти зачастую оказывались не менее важны, чем для власти церковной. Так, для Людовика Святого, этого «скандального гибрида короля – монаха», любой раскол мнился угрозой, «он обвинял в нечистоте все, что могло нарушить единство и гармонию»[35].

Согласно постановлениям Тулузского собора, в каждом приходе учреждалась комиссия, состоящая из приходского священника и нескольких выборных прихожан. В ее обязанности входило разыскивать еретиков и их единомышленников. «На альбигойцев теперь охотились как на зверей»[11]. Следующий шаг в сторону оформления инквизиции и инквизиционного трибунала был предпринят с учреждением доминиканского ордена, специально созданного Гонорием III для борьбы против еретиков. Таким образом, папа Иннокентий III непосредственно не участвовал в создании инквизиционного трибунала. Действовавший во время его понтификата св. Доминик, «не имел никакого самостоятельного положения в Лангедоке, он всегда оставался частным проповедником и подвижником»[11]. Деятельность самого Доминика как активного поборника веры, по сути, не до конца ясна; непонятно также, до каких пределов его последователи доминиканцы рефлексировали на «антиеретический пример» своего духовного отца. В итоге оценки личности Доминика варьируются от либеральных, почти восторженных, до резко отрицательных - вплоть до образа

Доминика как «очевидного маньяка». Однако именно доминиканский орден находился у истоков инквизиционного трибунала. В основе оформления этого ордена – равно как и ордена францисканцев – по-видимому, лежал, выраженный в религиозной форме, известный гомеопатический принцип: «подобное лечится (устраняется) подобным». Не даром св. Франциск неустанно повторял, что аскеза и умерщвление плоти являются важнейшим условием самосовершенствования верующего[36] – тезис, так напоминающий заветы альбигойцев. В итоге и доминиканцы, и францисканцы, призванные устранить альбигойскую угрозу, сами во многом напоминали еретиков, что проявлялось не только в их религиозно-нравственных установках, но и на чисто внешнем уровне, когда своим видом они напоминали облик «совершенных» катаров (белое одеяние и сандалии на босую ногу[30]). Не случайно папская власть долгое время колебалась в своем отношении к нищенствующим монахам, и, несмотря на включение «братьев» в свою структуру, впоследствии крайне скептически относилась к ордену спиритуалов, считавшемуся наследником духовных заветов Франциска Ассизского.

Итак, не только сама инквизиция была обязана своим появлением деятельности еретиков, но и нищенствующие ордена как таковые (доминиканцы и францисканцы) во многом оформились как рефлексия на еретические идеи аскезы. Умерщвление плоти оказывалось традиционным путем к Богу и здесь нищенствующие монахи с завидной последовательностью перенимали мысли альбигойцев о пагубности человеческой оболочки и многих проявлений материального мира (идеи, в общем-то, не новые для христианства как такового). В лице нищенствующих орденов католическая церковь предоставляла «запатентованную альтернативу» ереси, не стесняясь перенимать у нее наиболее привлекательные в массовом сознании черты. Contemptus mundi - презрение к миру – становится отныне

великим воззванием монашеского духа, столь напоминающим в своей сущности альбигойское мировоззрение.

Таким образом, с помощью силы и трансформаций в собственной среде, уменьшающих повод для дальнейшей критики католических устоев, Церковь устраняет еретическую угрозу. Более того, с введением инквизиции папская власть упрочивает свое влияние во внутренней сфере европейских государств. Пользу инквизиции стала осознавать и светская власть. Так, Филипп IV присягал инквизиторам в неуклонном исполнении постановлений трибуналов. Даже в противостоянии с Бонифацием VIII король, «страшась грозного призрака свободной мысли», остается верным слугой инквизиции.

Итак, в деле борьбы с альбигойством церковная и светская власти выступали единым фронтом, из страхом перед религиозным и политическим диссидентством, направляемые амбициями и собственным религиозным фанатизмом. Однако фобия альбигойства не была развеяна крестовым походом против него и последующей деятельностью инквизиционных трибуналов. В духовном и количественном плане еретики действительно представляли существенную угрозу католицизму и, как следствие, опасность для ортодоксальных устоев общества. Между тем, принципы, которые альбигойцы стремились воплотить в жизнь, были нежизнеспособной утопией. «Подобное учение было осуждено уже в самом своем зародыше»[15]. Отрицание материального мира по сути является синонимом регресса, своеобразным выражением духовного декадентства XIII столетия. Вступая в борьбу с альбигойцами, папство, как и королевская власть, выступало за интересы, более близкие будущему. Другой вопрос заключается в методах этой борьбы, ведь устрашение, активно взятое римской церковью на вооружение, «способно только развить зло, а не уничтожить его»[11]. Итогом подобной тактики явилась философия меча и розог, прочно укоренившая в сознании масс как единственное

средство к утверждению собственной правоты. Апофеозом этой философии становится деятельность инквизиции, которая, начиная с альбигойской эры, активно претворяет в жизнь собственную символику креста, розог и меча.

Примечания

1.**Осокин Н.А., 2003.** История альбигойцев и их времени.- М.

2.**Ле Гофф Ж., 1992.** Цивилизация Средневекового Запада. - М.

3.**Уколова В.И., 1987.** Церковь и ереси в Западной Европе (V – XV вв.) /Научный атеизм, религия и современность. Под ред. Москаленко А.Г. – Новосибирск.

4.**Хейзинга Й., 1988.** Осень Средневековья.- М.

5. **Лозинский С.Г. , 1986.** История папства.- М.

6.**Блок М., 1998.** Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. – М.

7.**Уколова В.И., 1987.** Церковь и ереси в Западной Европе (V – XV вв.) – Новосибирск

8. **Ле Гофф. Ж. , 1992**. Цивилизация Средневекового Запада. -М.

9. **Григулевич И.Р., 1985.** Инквизиция. – М.

10. **История ересей, 2004.** Сост. А.Лактионов.- М.

11. **Осокин Н.А. , 2003.** История альбигойцев и их времени. - М.

12.История ересей: Сб. / Сост. А.Лактионов.- М., 2004.

13. **Нагорный Г. П., 1975.** Как верили предки. – М.

14. **Шейнман М.М. , 1977**. Вера в дьявола в истории религии. – М.

15. **Ли Г. Ч. , 2001.** Инквизиция. Происхождение и устройство. – М.

16.**Карсавин Л.П., 1994.** Мистика и ее значение в религиозности средневековья / Малые сочинения. – С-Пб.

17. **Св. Франциск Ассизский, 1995**. Сочинения. - М.

18. **Мельвиль М., 1999.** История ордена тамплиеров – С-Пб.

19. **Бейджент М., Лей Р., Линкольн Г.,1997.** Святая кровь и Святой Грааль. - М.

20.**Дударев С.Л., Лесина Т.Н., 2002.** С крестом и мечом (очерки истории крестоносного движения). – Армавир

21. **Шарпантье Л. ,2003.** Тамплиеры. – М.

22.**Керов В.Л., 1986.** Народные восстания и еретические движения во Франции в кон.XIII-нач.XIV вв. - М.

23. **Ле Гофф Ж. , 1997.** Интеллектуалы в Средние века. – Долгопрудный

24.**Добиаш-Рождественская О.А., 1987.** Культура Западноевропейского Средневековья. Научное наследие./ Отв. Ред. Рутенбург В.И. – М.
25.**Гуревич А. Я., 1989.** Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М.
26. **Керов В.Л., 1994.** Братья свободного духа // Вопросы истории, №10.
27.**Федотенков Е.С., 1998.** Идея теократического государства в трудах Августина Блаженного. /Религия и церковь в современном мире. Материалы православно-образовательных сочинских иннокентьевских чтений. – Армавир
28.**Федотенков Е.С., 1998.** Психология преступления в христианско-философской концепции Августина Блаженного//Истоки российской духовности. Материалы региональной конференции преподавателей и студентов. – Армавир.
29.**Федотенков Е.С., 1998.** Политико-правовые воззрения Августина Блаженного в историографической традиции // Вестник СГУ, №15.
30.**Григулевич И.Р., 1985.** Инквизиция. – М.
31.**Гарро А., 2002.** Людовик Святой и его королевство. – СПб.
32.**Плейди Дж., 2002.** Испанская инквизиция. - М.
33. **Арну А., 1995**. История инквизиции. – СПб.
34. **Ланглуа Ш.-В., 2001.** Инквизиция. - М.
35.**Ле Гофф Ж., 2001.** Людовик IX Святой. - М.
36.**Садченко В.Н., 2005.** Францисканский монашеский орден и его социально-религиозные функции (XIII – первая половина XV вв.)/ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.- Ставрополь

Впервые опубликовано: История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. IV. – Армавир, 2006. С.82-88 (соавтор – выпускница истфака Е.С. Шимохина)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ ПО ИСТОРИИ ИТАЛИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Продолжая практику наших выступлений по недавно защищенным диссертационным работам, что позволяет быстрее внедрять информацию о новых достижениях ученых в практику вузовского и школьного преподавания, посвящаем данную статью обзору двух исследований молодых ставропольских историков, представляющих научную школу видного медиевиста, д.и.н., проф. И.А. Красновой. Прежде всего, обратимся к кандидатской диссертации **А.Б. Гордиенко "Проблемы богатства и бедности в общественной мысли Италии XIV – первой половины XV в."**[1]. Заявленная тема диссертационной работы А.Б. Гордиенко является весьма актуальной для исследования. Проблемы бедности и богатства и отношения к ним являлись предметом интереса многих мыслителей начиная с периода поздней древности, но особенно в эпоху позднего средневековья и нового времени, что было связано с все более динамичным развитием простого товарного, а затем и капиталистического производства. Не был утрачен интерес к этим проблемам и в XX в., ни за рубежом, ни в нашей стране, приобретя для России с конца прошлого столетия особый оттенок в связи с включением ее в рыночные, капиталистические отношения. Ныне вопрос о том, каково должно быть отношение наших граждан к бедности и богатству, по какому пути должна идти эволюция этики труда, остро стоит на повестке дня. Не останавливаясь на характеристике вводной части работы, перейдем сразу к ее содержанию.

Глава 1 "Роль земной жизни и труда в обществе итальянских городов-государств XIV – первой половины XV в." посвящена анализу разработки проблемы активной и

созерцательной жизни ("vita attiva", "vita contemplativa" – итал.) в общественной мысли Италии исследуемого периода, изучению процесса реализации идеалов активной жизни в повседневной практике жителей городов-государств, и рассмотрению вопроса о свободе воли представителей городского социума ренессансной Италии, вовлеченных в деловую активность и формировавших светские представления о труде.

В данной главе автору удалось проследить генезис установок средневекового общества от негативного отношения к земной жизни к признанию ее ценности, выделить несколько этапов в развитии взглядов представителей гуманизма конца XIV – первой половины XV в. на проблемы активной и созерцательной жизни. В *первом параграфе* устанавливается, что качественно новое понимание этих проблем становится возможным в условиях гражданственной активности в период расцвета Флорентийской республики, ее наиболее интенсивного экономического роста. Этика гуманистов ярко выявляется на примере развиваемых ими идей общественного служения, в рамках которых служение родине, слава фамилии и добродетельная жизнь выступают в нерасторжимом единстве. Исследования А.Б. Гордиенко позволяют убедиться в преемственности идеалов гуманистов и их предшественников – героев римской истории, граждан античных полисов, которые ставили интересы своих городов-государств выше личных. Вместе с тем молодому ученому удалось продемонстрировать принципиально важный момент, связанный с тем, что выработка среди гуманистов понимания активной жизненной позиции ведет их к переосмыслению идеи загробного воздаяния и спасения души, ибо их, прежде всего, волнует *земное признание*. Как мы увидим ниже, эта ситуация ведет гуманистов, а также представителей купеческого мира в сферу рационалистического обоснования новых ценностей и практического переосмысления старых с все меньшим участием сотериологических мотивов.

Впрочем, одновременно А.Б. Гордиенко выясняет существенное отличие в понимании "vita attiva" (активная жизнь) гуманистами и купцами, показывая, что купцы, чье сознание было гораздо ближе к народной религиозности, больше подвержены "комплексованию" и желанию "замолить" свою деятельность. Подобные настроения были свойственны и для купечества других стран[2].

Авторские рассуждения, представленные во *втором параграфе* первой главы, указывают на то, что важной составной частью этических представлений, мощным побудительным стимулом формирования новых подходов к действительности было изменившееся отношение к труду. Параграф ценен предложенной картиной развития этики в период средневековья с акцентом на углубленное исследование изменений взглядов гуманистов и купечества на проблему труда. А.Б. Гордиенко выясняет, что гуманисты смотрят на труд и как на преобразующий личность процесс и общественно полезное занятие. Купцы более утилитарны в своем подходе к труду, как источнику прибыли и опыта деловой репутации. И все же ни те, ни другие, как помогает понять работа Гордиенко, не приблизились к пониманию труда как ***призвания***, поскольку у них в арсенале были только мирские, рациональные средства понимания труда, а указанное понятие было выделено в следующем столетии с ведущим участием протестантской религии. Католицизм же, как явствует из диссертации, приспосабливаясь к меняющейся обстановке и рефлексируя на имеющиеся реалии, не играл ведущей роли во внедрении в общественное сознание рождающихся ценностей в соответствующей "упаковке". Это весьма наглядно видно в третьем параграфе, в котором автор приходит к интересному выводу о том, что "представители клира теперь не задают тон в дискуссии о роли Фортуны в человеческом существовании". Напротив, роль судьбы в жизни человека рассматривается и

гуманистами и купеческой прослойкой, в качестве мощного фактора, взаимоотношения с которым больше зависят от практических способностей человека, чем взаимоотношения с Богом. Более того, уже в чем-то предвосхищая кальвинизм, но без участия сотериологии, делаются выводы о том, что сильная личность должна закаляться под ударами судьбы.

В **главе 2** "Восприятие богатства и бедности в трактатах итальянских гуманистов и записках ремесленников и купцов" рассматривается вопрос об отношении в городском сообществе Италии раннего Возрождения к материальным благам, как важному фактору мирского существования.

В *первом параграфе* анализируются взгляды гуманистов на роль материальных благ в жизни человека. Как и в предыдущей главе, сильной стороной работы и здесь является желание автора продемонстрировать не только этапы развития воззрений на этот аспект изучаемой проблемы в период раннего Возрождения, но и связать его с общим направлением генезиса средневековой мысли. Автор наглядно показывает, как происходит отход гуманистов от церковно-аскетического понимания материальных благ, десакрализация добровольной бедности и в то же время выявляет то, что отношение к богатству в гуманистической среде, в конечном счете, не утрачивает, все же, своего морализаторского, нравственного оттенка, будучи связанным с представлениями о всесторонне развитом человеке и идеальном обществе. Купцы и здесь полярны, мечась между стяжательством и приступами покаяния. Это еще раз показывает, что им и в Италии, в отличие от их гораздо более продвинутых в образовательном отношении соотечественников, не хватало, все же, твердых и однозначных обоснований своего стремления к наживе в изучаемый автором период.

Во *втором параграфе*, в развитие обозначенных выше подходов, рассматриваются конкретные парадигмы поведения светских интеллектуалов и деловых людей в отношении жажды

наживы и проявлений альтруизма. Яркий материал, привлекаемый А.Б. Гордиенко, позволяет увидеть, что те или иные гуманисты, в том числе, весьма видные, вовсе не были чужды жажды обогащения и стяжательства, в том числе, и на межличностном уровне, хотя таковые и не были результатом предпринимательской или купеческой деятельности. Это указывает на своеобразное "обуржуазивание" гуманистической прослойки Италии. Впрочем, это явление связывается с автором с их специфическим самоутверждением через интеллектуальную деятельность (как способ самореализации в материальном плане) и стремление к самоценности таковой.

Вообще же, в диссертации А.Б. Гордиенко (и это, безусловно, ее серьезное достоинство) гуманисты, впрочем, как и купцы, предстают реальными, живыми людьми, со своими достоинствами и недостатками, страстями, определенными стереотипами поведения, присущими для того времени. Для них были свойственны и проявления альтруизма, который нехарактерен для купечества, где вновь мы видим разрыв между трезвым расчетом и покаянными настроениями. Интересна попытка автора проследить внутригрупповые отношения в среде гуманистов, неоднократно декларируемая в работе. Впрочем, она имеет тезисный характер и требует своего дальнейшего развития.

Третий параграф второй главы посвящен рассмотрения представлений об успехе и неудаче в обществе городов-государств ренессансной Италии. Эти представления, как и рассмотренные выше, вновь позиционируются автором в их историческом развитии и тесной взаимосвязи с идеей смысла земного существования вообще. Диссертант выявляет, что понятие успеха связывается гуманистами "с самореализацией человеческих возможностей, которая дарует признание в обществе и делает бессмертным имя знаменитого человека через сохранение исторической памяти". Здесь автор попутно выходит

на стык своей темы с другой очень важной темой – "человек в истории в представлениях гуманистов", что прослеживается и выше, в первой главе в ходе анализа творчества Л.Б. Альберти. По сути дела, отношение к успеху является, как выяснил автор, своеобразной калькой рассмотренного выше понимания "vita attiva" и "vita contemplativa", ибо в качестве показателей достижения успеха называются "честно приобретенное богатство, значительное свидетельство службы на общественной должности, происхождение из знатной флорентийской семьи"[3]. Идеи полезности обществу и отрицательное, в целом, отношение к неправедному нажитому богатству не позволяли, все же, гуманистам встать на путь решительного оправдания стяжательства и успеха любой ценой. В городской же купеческой среде финансовая состоятельность, как отмечается А.Б. Гордиенко, является для купца свидетельством Божественного расположения, венцом его усилий. Важное достижение автора заключается здесь, на наш взгляд, в том, что, он показал, как итальянские купцы, опираясь на свою рациональную практику, вплотную приблизились к идеям кальвинизма при переосмыслении сотериологических упований "по-католически". Более того, автор показывает, что опасность финансового банкротства была для них гораздо более устрашающей, нежели страх загробного воздаяния. И все же, купечество и в указанном вопросе вновь не свободно от влияния идеала святой бедности. Именно этот дуализм ментальных установок купеческой среды указывает на то, что ее представители еще одной ногой стояли в средневековье. Решительно преодолеть тяготившую ее двойственность нарождающаяся буржуазия смогла лишь в ранее новое время. Предпринять такой прорыв с помощью представителей католицизма, как убедительно выяснил А.Б. Гордиенко, не представлялось возможным – они, в определенной степени примиряясь с реальностью, продолжали оставаться на позициях

средневекового аскетизма. Не случайно, по мнению нашумевшего своей концепцией "конца истории", американского историка японского происхождения Ф. Фукуямы, путь католических стран к капитализму и демократии был более долгим[4]. Впрочем, еще Л. Брентано указал на недооценку роли католиков в развитии капитализма в некоторых европейских странах[5].

В целом, ценность диссертации А.Б. Гордиенко заключается в том, что автор показал нам историческое русло в развитии духовной жизни Европы, связанное с рационалистическим осмыслением изменений в материальной основе бытия жителей Италии в конце средневековья, которое, будучи обусловленным временной продвинутостью развития страны, привело к рождению светской гуманистической идеологии, а также обыденных взглядов купечества, постепенно эволюционизировавших в сторону оправдания тех явлений, что были порождены прораставшим капитализмом. Но ни гуманисты, ни купцы так и не сумели (да и не успели) расставить все точки над "i". В силу известных исторических причин (упадка раннекапиталистического производства в Италии), это русло не привело к завершению исторического эксперимента и рождению полноценного буржуазного учения. Исследование А.Б. Гордиенко достойно продолжило разработки И.А. Красновой, ранее уже немало сделавшей для изучения проблем бедности и богатства в ренессансной культуре Италии[6].

Следующая работа, которая хронологически охватывает период, следующий за временем, изучаемым А.Б. Гордиенко, это упомянутая выше кандидатская диссертация **Е.П. Тельменко "Религиозно-философские и социально-этические аспекты проповеднической деятельности Джироламо Савонаролы и их влияние на флорентийское общество конца XV века"**[7].

Диссертация Е.П. Тельменко посвящена исторической фигуре, которая занимает важное место в генезисе

средневековой теологической мысли. Одна из главных сторон актуальности темы заключается в том, что благодаря анализу взглядов Савонаролы мы можем лучше понять специфику духовной жизни Италии в конце средневековья и ее место в общем процессе перехода к раннему новому времени. Мы позволим себе остановится на тех наиболее принципиальных положениях автореферата, которые близки нашим научным и научно-методическим интересам в плане изучения истоков европейской Реформации.

Диссертационное исследование Е.П. Тельменко (как и рассмотренная выше работа А.Б. Гордиенко) позволяет отчетливо видеть тот факт, что шедшие в позднем средневековье процессы внутри католической церкви, развивавшиеся в контексте *евангелизации* масс верующих, порождали, в перспективе, по крайней мере, два основных исторических русла (по Ю.П. Полякову)[8]. Одно из них непосредственно было связано с появлением протестантских вероучений, которые олицетворяли разрыв со средневековой католической традицией. Другое же, в рамках которого жил и работал Савонарола, основываясь на тех же на идеях возврата к идеалам раннехристианской церкви, как убедительно показано в диссертации, предусматривало преобразование Церкви через развитие *внутреннего благочестия* и ни в коем случае не покушалось на столпы католицизма, в том числе, наличия у Церкви божественной благодати.

При этом, как продемонстрировано автором, попытки Савонаролы предусматривали создание некоей идеологии, не противоречащей официальной доктрине. Данная проблема, как и преобразование существующих церковных порядков, ставились проповедником в широком общественном контексте - перед клиром и всей Церковью в целом, и просто "праведными людьми", а также "главами народов и сеньорами конгрегаций".

Такая постановка вопроса делает Савонаролу уже в чем-то близким Лютеру и Кальвину.

Но при всем том инициатива реформирования не отдавалась флорентийцем полностью в руки тех, кто не относился к церковной иерархии. В этом русле, как показывают параллельные исследования по другим западноевропейским странам, например, Франции, развивались и другие церкви, в которых в том же XV в. шла "низовая", "приходская" перестройка католического богослужения, т.е. шла "реформация до реформации" или "реформация снизу" (работы Н. Лэметр и др.)[9,10]. Последствия такой реформации, на мой взгляд, были поистине велики. Когда исследователи говорят о причинах Контрреформации, очень часто упускается то, что основы для контрнаступления католицизма, его очищения и обновления эффективно закладывались еще в XV в. такими деятелями, как Д. Савонарола.

Е.П. Тельменко показала, что Савонарола в области экономики мыслил традиционно, как представитель нищенствующих орденов, что на деле вело к увеличению количества раздач бедным и т.п., т.е. к практике, которая для Флоренции XV в. в ментальном плане была уже отживающей (впрочем, не только для этого итальянского города; еще в XIII в. такой продвинутый немецкий мыслитель, как Бертольд Регенсбургский относил к *признакам ереси* заповедь о том, что с нищим надо делиться последней рубашкой) (А.Я. Гуревич)[11].

У Савонаролы, как утверждает автор, не было позитивной экономической программы для города купцов и банкиров, что и предопределило крах этого деятеля. Это справедливый вывод, но нужно заметить все же, что у Савонаролы и не могло быть ничего подобного. Он был предреформатором, но даже у реформаторов на первом месте были *сотериологические* искания. Не будем забывать высказывание Л. Февра: "Лютер и его конкуренты… заговорили, начали проповедовать и

действовать вовсе не ради того, чтобы приспособить древнее учение Церкви к нуждам времени"[2]. Мы видим, что в конце XV в. в Италии появились предреформаторы, которые, тем не менее, так и не сумели выйти за рамки официальной католической доктрины, и в своей деятельности были очень далеки от понимания экономических задач, стоявших перед обществом, что было характерно и для их последователей, в том числе Лютера. Но у немецкого реформатора появилась важнейшая идея того, что труд является Божественным призванием. Это было то, к чему не смогли прийти итальянцы XV в., ни гуманисты, ни "купцы-практики", ни предреформаторы типа Савонаролы. Для такого решительного броска вперед требовались мощные духовные подвижки и иные общественные и экономические условия, которые возникли уже в других странах, и в другое время.

Исследования ученых Ставрополья заставляют нас задуматься над тем, что на нынешнем историческом этапе российскому обществу нужны светские и духовные учения, которые могли бы помочь более органично "вписаться" рыночным ценностям в ментальность граждан России. В противном случае, проводимые в стране буржуазно-демократические преобразования и перестройка хозяйства на капиталистический лад неминуемо ждет неудача.

Примечания

1. **Гордиенко А.Б., 2005.** Проблемы богатства и бедности в общественной мысли Италии XIV – первой половины XV в. – Дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь, Та часть статьи, которая посвящена данной работе, написана на основе отзыва ведущей организации (АГПУ), подготовленного С.Л. Дударевым.
2. Февр Л., 1991. Бои за историю. – М.: Наука.
3. Исследование во многом построено на материалах по истории Флоренции изучаемого времени.
4. http://www.izvestia.ru/hytimes/.

5. **Оссовская М., 1987.** Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.: Прогресс.
6. **Краснова И.А., 1995.** Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. Ч.1. Москва-Ставрополь,
7. **Тельменко Е.П., 2003.** Религиозно-философские и социально-этические аспекты проповеднической деятельности Джироламо Савонаролы и их влияние на флорентийское общество конца XV в./Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ставрополь.
8. **Акад. Поляков Ю.А., 2003.** Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. № 4.
9. **Лэметр Н., 1995.** Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении // Вопросы истории. № 10.
10. **Дударев С.Л., 1998**. Методические заметки по истории. – Армавир.
11. **Гуревич А.Я., 1992.** Человек средневековья // История Европы в 8 т..- Т.2. Средневековая Европа. – М.: Наука.

Впервые опубликовано: История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. IV. – Армавир, 2006. С.79-82.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ТЕМА 8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Введение

Эта тема имеет ключевое значение в курсе истории средних веков и раннего нового времени, поскольку в ней характеризуется феномен, ставший судьбоносным в истории как западной цивилизации, так и всего мира. Он оказал огромное влияние на дальнейшее развитие политических и социальных отношений, духовную культуру и мировоззрение европейцев, а впоследствии и жителей практически всех стран земного шара. Для кафедры всеобщей истории АГПУ то время, когда возникают капиталистические отношения и проявляются первые последствия этого возникновения – открытие других континентов, возникновение мирового рынка и пр., имеет знаковый характер.

Целью данной темы является рассмотрение первых шагов становления капиталистического уклада в странах Западной Европы, *задачами* же будут выяснение основных черт первоначального накопления капитала и его особенностей в различных странах, форм капиталистического производства в промышленности и сельском хозяйстве, особенностей складывания новых классов – буржуазии и пролетариата и т.д.

Данная тема *актуальна* в научно-методическом плане. С рубежа XV-XVI вв., как указано в периодизации всемирной истории, разработанной кафедрой всеобщей истории АГПУ (В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Е.И. Нарожный) и берет начало

собственно *всемирная история*. Еще один актуальный аспект темы 8 заключается в том, что Россия в данный момент переживает период вступления в ранний капитализм. Процессы, шедшие в Западной Европе в XVI – начале XVII в., в ряде случаев, созвучны российским. В этой связи студентам нужно принять во внимание одно очень важное обстоятельство. Приход раннекапиталистических отношений ни в коем случае не означал одновременного наступления свободы и демократии, и не только потому, что в это время еще правили абсолютные монархи. Ранний, "дикий", капитализм по своей природе имеет грабительскую сущность, далекую от всякой демократии, он ведет к реанимации рабских и полурабских форм зависимости, что и будет показано ниже. В принципе, эти явления имеют место и ныне: мы имеем в виду эксплуатацию труда нелегальных эмигрантов в странах Запада и в России, проституцию завлеченных на Запад женщин из Восточной Европы (число вывозимых "сексуальных рабынь" за рубеж в одной только России составляет от 50 до 150 тыс. чел. в год; есть и более чудовищные цифры), продажу людьми внутренних органов и похищение их для этой цели, продажу детей и т.п. *[По данным ООН, число рабов в мире сейчас составляет 27 млн. чел. В рабство ежегодно попадает 700 тыс. чел. Доходы современных рабовладельцев только от перепродажи невольников составляют 7 млрд. долл. в год. Заметим, что 600 тыс. граждан бывшего СССР сегодня пребывают в невольничьем состоянии (Аргументы и факты. № 1. 2004. С.11). Не о такой "демократии" они мечтали].* За демократические свободы жители Запада боролись не одну сотню лет, и современным россиянам это надо хорошо понимать.

Основные термины и понятия по теме: *раннее новое время, первоначальное накопление капитала, «аграрное общество», огораживания, сверхценз, Места, «кровавое законодательство», откупная система, протекционизм, меркантилизм, «революция цен», мануфактура, издольщина, испольщина, фермерство, «второе издание крепостничества».*

1.Основные черты аграрного общества. Развитие техники и производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве в XV-XVI вв.

Раннее новое время, начальный период которого входит в рамки читаемого курса и относится к XVI – началу XVII в., открывается Великими географическими открытиями ***европейцев*** *[Эта оговорка необходима в связи с тем, что неевропейские народы весьма негативно воспринимают понятие "Великие географические открытия" (См.: Давидсон А.Б. Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С.54)].*

К концу XV – началу XVI в. кругозор европейца невиданно расширяется, меняется его мироощущение. Он как бы взглянул на себя со стороны, увидев в других частях света первобытные племена. Темпы исторического развития убыстряются, все далее отступает патриархальная медлительность средневекового феодального общества. С последней трети XV в. закладываются основы капиталистического способа производства. Заметно возрастает не только уровень производительности труда, но изменяются формы его организации, само отношение к труду, складывается новая этика труда. Входят в жизнь технические нововведения и изобретения, немыслимые ранее, углубляется процесс формирования национальных рынков, начинается образование мирового рынка и т.д. Великие географические открытия ведут к возникновению огромных колониальных империй, в рамках которых хотя и насильственным образом, но начинается интеграция людей во всемирном масштабе. Как уже было сказано выше, с рубежа XV-XVI вв. начинается поистине ***всемирная история*** *[Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. № 5. С.126-135].*

В этом процессе ведущую роль играет Европа, как «родина капитализма». Запад с XVI в. явственно накладывает свой отпечаток на историю всех стран земного шара (К. Ясперс). Это действительно была «эпоха великого прорыва». Переход от средневековья к новому времени был насыщен драматическими событиями. Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система – все это существенным образом *содействовало разрушению феодальных рамок производства и самого образа жизни, связанного с феодализмом, а также прежней системы ценностей.* Это были крайне болезненные процессы как для вновь открываемых стран (куда европейцы занесли новые болезни, против которых не было генетических барьеров и от которых гибли миллионы людей, истреблявшиеся завоевателями также силой оружия и непосильным трудом на рудниках; одновременно гибли и огромные культурные ценности, разрушались древние цивилизации) *[Например, население Центральной Мексики в 1519 г., т.е. перед открытием испанцами, составляло 25 млн. чел. Через 50 лет здесь жило уже 2,65 млн. чел, а в 1630 г. всего 750 тыс. чел.],* так и для самой Европы. Здесь в результате зарождения нового социально-экономического уклада оказались обездоленными, выброшенными на улицу и лишившимися средств к существованию многие десятки и сотни тысяч человек. Тем не менее, все эти перемены продвигали Европу и мир к более передовому общественному строю. Такова была цена за прогресс. Содержание прогресса нередко противоречиво. Недаром в Евангелии от Матфея говорится: "Какая польза человеку, если он обретает мир, а душе своей повредит?" (Матф.16, 26).

Европа в это время была все еще *«аграрным обществом»,* для которого было характерно доминирование сельского

хозяйства, эффективного только в отдельных странах; спрос на промышленную продукцию был сравнительно устойчивым и невысоким; сельское население еще значительно преобладало над городским; господствовал в целом феодально-монархический строй; большая часть населения была неграмотна; господствовала религиозная идеология. Тем не менее, налицо были предпосылки для будущего интенсивного развития. В Европе шло первоначальное накопление капитала, способствовавшее генезису капитализма. С XVI в. здесь развивается процесс уничтожения частной собственности, основанной на личном труде. Создаются зачатки для возникновения новых социальных сил, основных классов будущего общества – пролетариата и буржуазии. Меняются формы феодального государства. На смену сословно-представительной монархии приходит абсолютизм. Появляются новые, более прогрессивные формы идеологии, с помощью которых нарождающаяся буржуазия прокладывает себе дорогу: лютеранство, кальвинизм и иные протестантские течения. В XVI-XVII вв. разразились первые акты буржуазной революции в Европе: Реформация и Крестьянская война 1524-25 г. в Германии, Нидерландская и Английская революции.

Наконец, длительное развитие культуры Возрождения знаменует революционный переворот во всей системе европейской культуры, в мышлении, ментальности, понимании места человека в мире, который все больше ощущался как новый мир с новыми возможностями и задачами, требовавшими появления человека нового типа.

Возникновение капиталистического уклада в значительной степени было обусловлено *развитием производительных сил*, которое ярче всего выразилось в тогдашней *промышленности.* Широкое применение в ней нашло *водяное колесо*. С XIII в. получило распространение так называемое *верхнебойное* колесо, (т.е. когда вода падала на верхние лопасти, что заставляло колесо

крутиться гораздо сильнее) шедшее на смену нижнебойному. Оно было более мощной энергетической установкой, эффективность которой повышалась еще и путем увеличения диаметра (до 10 м). Двигатель такого рода можно было сооружать не только на реках, но и на отводных каналах и применять в различных отраслях промышленности – сукноделии, металлургическом производстве и т.д. Там, где рек было мало, использовали *ветряные мельницы*, чьи энергетические мощности превышали мощность водяного колеса (Голландия). Правда, эта и другие новинки далеко не всегда могли получить успешное применение в связи с цеховыми ограничениями и общим отрицательным отношением средневекового общества к нововведениям, к переменам вообще. В одном средневековом документе, относящемся к началу XV в., говорится: «Да будет вам известно, что к нам в Кельн явился Вальтер Кезенгер, предложивший построить колесо для прядения и сучения шелка. Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями… совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было поставлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии» *[Практикум по истории средних веков. – М., 1971. С.152].*

Да что там XV век! В Италии в начале XVII в. механизмы, применявшиеся в сукноделии, были запрещены. К этому привел упадок раннекапиталистического производства, постигший Италию после самого успешного старта изо всех европейских стран.

Тем не менее, прогресс в технике развивался неуклонно, несмотря на сопротивление цеховых традиций. Потребности растущего производства привели к увеличению добычи руд, производства железа и стали, новый толчок получили *горное дело и металлургия*. От открытой разработки металлических руд переходят к глубоким шахтам со штреками и штольнями. Например, в Австрии в 1597 г. была построена шахта «Святого

Духа» - самая глубокая в Европе (886 м). Поэтому в горном деле начинают применять простейшие механизмы – водоотливные насосы (помпы), причем для этого требовались уже сотни рабочих, что создавало основу для введения мануфактурного производства. Вводились подъемники на конной тяге, что сокращало число рабочей силы, способствуя ее перераспределению. Улучшения в технике добычи руды привели к тому, что в XVI в. ежегодно в Европе добывалось от 60 до 100 тыс. тонн железной руды. Цифра может показаться кому-то не очень большой для целой Европы, но для сравнения укажем, что в одном из крупнейших центров добычи меди Западной Европы в Австрии в эпоху бронзы за целые 1200 лет было добыто лишь 20 000 тонн медной продукции. У разных эпох различные потребности.

Т.н. *кричный* способ плавки металла, при котором добывался металл невысокого качества, с большим количеством шлаковых включений и в небольшом объеме, уступал место *доменному* процессу. Ситуация в металлургии – основе всего материального производства - стала изменяться с XII в., когда появились специальные горны-домницы, позволившие уменьшить потери железа, но особенно с XIV в., когда стали строить домны – пятиметровые печи, позволявшие выплавлять до 1,5 т чугуна в сутки. В XV в. в Англии построили первый прокатный стан. К этому же столетию мастера освоили целый ряд технических приемов, что позволило, наряду с ростом производства металла, производить не менее 150 наименований металлического инвентаря. Здесь уместно вспомнить для сравнения поместья каролингского периода (данные капитуляриев), в которых большинство сельскохозяйственной утвари еще делалось из дерева, а штраф за кражу простого ножа составлял 15 солидов – половину штрафа за кражу рабыни или раба-специалиста. Постепенный прогресс в металлургии вел к совершенствованию холодного оружия (например, рыцарские

мечи XII-XV вв., выкованные из т.н. трехпластинного пакета, не гнулись и не ломались) и появлению оружия огнестрельного. В качестве топлива в XVI в. в Руре стали использовать *каменный уголь*, что давало более высокую температуру горения, чем у древесного угля и торфа. В 20-х гг. XVII в. в Англии нашли способ очистки каменного угля. *Кокс* получил широкое применение во многих отраслях производства. Для холодной обработки металла использовались простейшие виды токарных, сверлильных и шлифовальных станков. Развитие металлургии и металлообработки, рост производства металла привели к тому, что с XIV-XV вв. европейцы стали использовать *пушки и ружья*. Как отмечают отечественные исследователи, в 1520-е гг. завершилась *революция* в огнестрельном оружии, и сложились три главные его компонента, которые без серьезных изменений просуществуют до середины XIX в.: гранулированный черный порох, длинноствольные железные ружья с деревянными прикладами и литыми свинцовыми пулями, литые бронзовые орудия с цапфами на колесных лафетах, стреляющие чугунными ядрами. Тяжеловооруженная рыцарская конница ушла в прошлое. Символична гибель от огнестрельного оружия в 1524 г. знаменитого французского рыцаря Баярда, вышедшего со шпагой против аркебузы и павшего на поле боя. Стремление противостоять растущей мощи огня осадной артиллерии привело к рождению в конце XV – начале XVI в. новой более эффективной системы фортификации, быстро распространившейся по всей Европе. Крепости строились теперь со строгими инженерными расчетами. Новые укрепления стоили значительно дороже и требовали огромных материальных затрат и людских ресурсов – и для их обороны, и для осады и штурма.

Расширение знаний о *химических процессах* и свойствах различных соединений сказалось на совершенствовании многих производственных процессов: отбелки и крашения тканей, дубления кож, производства бумаги, красок и т.п. Одним из

таких химических новшеств было *амальгамирование* – выделение серебра из руды с помощью ртути.

Важная роль в распространении технического опыта принадлежала *книгопечатанию.* Оно стало не только мощным фактором культурного подъема, но и одним из первых, технологически наиболее совершенных воплощений *идеи массового производства*. К 1500 г. книгопечатание было уже известно в 12-ти странах (Германия, Италия, Франция, Англия, Швеция, Испания и др.). Необходимо отметить, что успешное развитие книгопечатания, а также *монетного дела*, стало возможным благодаря усовершенствованию конструкции и технологии изготовления *винта*.

Замечательного прогресса достигло *текстильное ремесло*. В XIII в. была изобретена ручная прялка, а в XV в. – самопрялка, которая выполняла сразу две операции – скручивание и наматывание нити. Ее применение позволило увеличить производительность труда в 3-5 раз. Усовершенствовался и ткацкий станок, его производительность повысилась в 3-4 раза.

Большие успехи в XIV-XV вв. были достигнуты в области *судостроения и мореходства*: улучшились технические характеристики судов, их мореходность, надежность, оснастка. Хорошо зарекомендовали себя новые типы кораблей – каравеллы, флойте и т.п. Новое парусное вооружение даже позволяло судну ходить против ветра. Широкое распространение получили уже известные навигационные приборы (астролябия, секстант, квадрант), был усовершенствован компас. Совершенствовалась технология изготовления карт; первые собственно географические карты были сделаны голландцами в XVI в.; и т.п. Это способствовало резкому увеличению объема морских перевозок, росту мировой торговли. В XVI в. появились суда грузоподъемностью от 500 до 2000 тонн. Примером тогдашнего "Титаника" был т.н. "манильский галеон" – вожделенная добыча пиратов XVI в. Грузоподъемность

европейского флота достигала, по данным Ф. Броделя, к 1600 г. 600-700 тыс. тонн.

Технический прогресс способствовал совершенствованию *технической квалификации работников.* Рост разделения труда в производстве в связи с усложнением новых технологий приводил к *углублению специализации, выделению новых профессий, общему повышению производительности труда.* Зарождалась и *техническая интеллигенция* – архитекторы, инженеры и т.п.

Сдвиги совершались не только в промышленности, но и сельском хозяйстве, в котором было заняты 9/10 населения. Развитие в этой сфере происходило гораздо медленнее, чем в промышленности – инвентарь и методы агрикультуры с 1500 по 1650 гг. не претерпели в целом серьезных изменений. Сказывалось то, что развитие производительных сил тормозила феодальная эксплуатация крестьянства. Тем не менее, надо заметить, что повышение спроса на шерсть стимулировало сознательное и предпочтительное развитие овцеводства в противовес агрикультуре, зерновым (Испания, Англия). Нужды флота и текстильного производства определили в ряде областей специализацию на посевах льна и конопли (Ирландия, Шотландия, Франция, Чехия и др.). Другое направление специализации развивалось в отношении возделывания и переработки красителей – вайды и марены. Развивалась торговля мясным скотом (Северная и Восточная Европа). В наиболее развитых районах в сельскохозяйственном отношении (Нидерланды) совершенствовалась техника обработки земли. Здесь собирали устойчивые урожаи зерновых – по 18,5 ц с гектара. Урожайность зерновых в Европе с 1350 по 1700 г. повысилась на 60-65 %, и составляла в разных районах от 1:5 до 1:7. Эта урожайность не была выше лучших средневековых показателей, но прирост шел за счет «вала», т.е. роста общего уровня урожайности по Европе.

В сельской экономике в XVI-XVII вв. главной хозяйственной единицей было по-прежнему мелкое крестьянское хозяйство. Верхушка деревенских жителей отчасти эволюционизировала в буржуазных фермеров. Таким образом, в деревне, хотя и медленно, создавались предпосылки для замены мелкого индивидуального производства крупным капиталистическим.

В XVI в. Европа наконец-то превзошла демографический уровень, существовавший до “Черной смерти” XIV в. Имел место определенный демографический рост – в 1500 г. население достигало примерно 80-100 млн., а в 1600 – 100-180 млн. чел. Как видим, данные демографов примерны и дают большой разброс в цифрах, но указывают на тенденцию к росту населения. Этот важный фактор определял рост спроса на продукты питания и т.п. наряду с ростом промышленности стимулировал необходимость перехода на новые, более интенсивные формы хозяйствования.

2.Роль простого товарного производства в подготавливании капиталистических отношений.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению процесса первоначального накопления капитала, необходимо вернуться к пройденному материалу в первом семестре и коротко остановиться на основных моментах развития товарного производства в эпоху средневековья.

Прежде всего, вспомним о том, что в эпоху раннего средневековья существовало т.н. *«натуральное», самообеспечивающее* хозяйство – масса продуктов производилась для личного потребления, как крестьянского, так и господского. На рынках, существование которых четко прослеживается в документах, появлялись только излишки продуктов («Капитулярий о поместьях», 39, 65). Специального производства продуктов для продажи не существовало, *товаром*

они не являлись. Преобладала внешняя торговля, внутренний рынок был развит слабо. Даже такой выдающийся правитель, каким был Карл Великий, не понимал функций и значения денег в хозяйстве. Они лежали в его подвалах, как сокровища, либо раздавались церкви. Города сохранились, главным образом, в Италии и Византии и являлись центрами посреднической торговли с Востоком. Здесь существовали специализированные ремесла, постоянные рынки и т.п. На остальной же части Европы редкие и малолюдные поселения городского типа на имели заметного экономического значения.

Дальнейшее развитие производительных сил в сельском хозяйстве приводит к отделению ремесла от сельского хозяйства. В X-XI вв. возникают средневековые города. Это дает мощный толчок развитию товарного производства. Ведь ремесленник, в отличие от крестьянина, с самого начала являлся товаропроизводителем. Однако то товарное производство, которое существовало в городах, было мелким товарным производством, которое нельзя отождествлять с капиталистическим. Узкий рынок сбыта, конкуренция со стороны сельских ремесленников приводили к тому, что возникли специальные организации, контролировавшие объем производства и сбыт товаров – средневековые ремесленные цехи, которые ставили производителя в определенные жесткие условия. Производитель не стремился к расширенному воспроизводству, его целью, как и целью цеха, было получить равные со всеми возможности сбыта и обеспечить себе существование, приличествующее его социальному статусу. *Цеховые ограничения не давали возможность получать прибыль и широко применять наемный труд.* Собственность состояла из привилегий, сословный капитал (мастерская, орудия труда, клиентура) был небольшим и передавался по наследству в *неизменном виде*. Участие в производстве, доходы, в конечном счете – жизненный уровень – были *гарантированными.*

В процессе чтения курса мы уже касались таких процессов конца развитого средневековья, как разложение цехового строя, «замыкание цехов». В этот период усиливается влияние купеческо-ростовщического капитала. Купеческие гильдии приходят в упадок и заменяются крупными торговыми компаниями. Растет ремесленное производство в сельской местности и подчиняется скупщикам и раздатчикам, превращавшимся в мануфактуристов.

В этой связи необходимо отдельно коснуться вопроса о роли в товарном производстве средних веков *купцов и ростовщиков*. На определенном этапе развития товарного хозяйства и общественного разделения труда происходит *обособление торгового капитала*. По определению Ф. Энгельса, купец был революционизирующим элементом феодального общества и исходным пунктом переворота. Но он не действовал в качестве «сознательного революционера», он был плоть от плоти средневекового мира. Уже с XIII в. купеческий капитал проникал в сферу производства, не изменяя при этом его природы и социальной структуры. Купеческий капитал постепенно ломал цеховые барьеры там, где цеховое производство работало на массовый рынок и на привозном сырье, например, в экспортных отраслях сукноделия, подчинял себе внецеховые отрасли ремесла в городе, сельские промыслы. Само существование и развитие купеческого капитала в феодальном обществе является определенным условием, предпосылкой для развития капиталистического способа производства. Почему? Во-первых, как предварительное условие концентрации денежного имущества; во-вторых, потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.25, ч.1, с.359). Заметим, что никакие другие сословия (по ментальным причинам) не могли (и не хотели) инвестировать средства в экономику. И хотя развитие торгового капитала

недостаточно, чтобы вызвать и объяснить переход от феодального производства к капиталистическому, все же на базе экспортной торговли и разделения труда между отдельными городами в особо благоприятных условиях спорадически в XIV-XV вв. стали возникать *ранние формы капиталистической мануфактуры*. Исторической предпосылкой первого расцвета мануфактур в Италии и Фландрии были *внешеторговые связи, возросшая концентрация населения (особенно сельского) и капитала в руках отдельных цеховых мастеров, отчасти у купцов.* Что привлекало купцов в сферу производства? Стремление, с одной стороны, обеспечить получение необходимой товарной массы, с другой – перспектива извлечения большей прибыли от сбыта товара при равной с другими товарами продажной цене на него.

Мелкий производитель попадал в зависимость от скупщика-раздатчика, который затем понижал оплату его труда и таким образом, «присваивал прибавочную стоимость сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли» (Маркс К., Энгельс Ф. Т.25., ч.II, с.480). Сфера производства тут еще играла подсобную роль, а подчинение труда капиталу было по преимуществу формальным. Как только исчезала возможность получения высокой торговой прибыли, купец изымал капиталы из сферы производства и вкладывал их в земельную собственность. В этом-то и кроются причины упадка итальянского и фламандского сукноделия в XV в., когда развитие сукноделия в других странах понизило прежнюю норму торговой прибыли. Таким образом, роль торгового капитала в возникновении капитализма является *двоякой, противоречивой*, переоценивать в этом отношении ее нельзя.

Место и роль *ростовщического капитала* в феодальном обществе были примерно теми же, что и торгового капитала. Если купеческий капитал осуществлял свою эксплуататорскую миссию, главным образом, по отношению к мелким

товаропроизводителям, а господствующий класс «высасывал» лишь косвенно (через монопольные цены, торгашеский обмен и т.п.), то ростовщик в одинаковой мере взимал процент и с мелких товаропроизводителей, попавших к нему в кабалу, и с феодалов. Последствия вторжения ростовщика в производственные отношения феодального общества К. Маркс резюмировал так: «Способ производства…остается прежним, но становится более жестким. Обремененный долгами …феодал теперь высасывает больше, так как он сам подвергается высасыванию; или в конце концов он уступает место ростовщику, который сам становится земельным собственником и т.д. В феодальном обществе миссия ростовщика еще более ограниченна, чем купца, - аккумуляция денежных богатств, медленная экспроприация средств производства у непосредственных производителей, прямое овладение наличными формами производства, подтачивание экономических позиций господствующего класса без создания капиталистических отношений как таковых».

В сельском хозяйстве, как известно, в XI-XV вв. наряду с барщиной распространялось товарное хозяйство и денежная рента. Особенно этот процесс стал интенсивным с конца XIII в. и тем более в XIV-XV вв. Феодалы раздавали домениальную землю в держания крестьянам, шел процесс личного освобождения крестьян, что ослабляло элемент внеэкономического принуждения, которое становится все менее эффективным. Крестьяне теперь могли продать землю и уйти в другое место. Повинности перекладывались с личности крестьянина на землю. Таким образом, феодалы и крестьяне сделали первый шаг к превращению в землевладельцев и арендаторов. В условиях денежной ренты *земля приобретает цену сама по себе*. Существенным моментом становятся *отчуждаемость и отчуждение*. Земельная собственность начинала постепенно превращаться в объект купли-продажи.

Прежние оброчные крестьяне могли превращаться в независимых крестьян-собственников, а богатые горожане и прочие состоятельные люди – покупать земельные участки, чтобы сдавать ее в аренду крестьянам и капиталистам, и пользоваться рентой как формой процента на свой капитал. Возрастало и применение наемного труда. В конце XV в. в более развитых странах Европы возник национальный рынок, как категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство (Ленин В.И. ПСС. Т.3. С.21).

В то же время, в целом рынок оставался пока что категорией мелкотоварного, а не капиталистического производства, потому что средства производства (земля) и рабочая сила (наемный труд) обращались на рынке в XIV-XV вв. в относительно небольших размерах. Все же, шаг к возникновению капитализма был сделан. К концу средневековья – началу раннего нового времени в сфере ремесла и промышленности росло число нанимаемых одним предпринимателем рабочих и размеры присваиваемого им прибавочного труда достигали объема, обеспечивавшего расширенное воспроизводство. Экспроприаторская деятельность купеческо-ростовщического капитала, развитие рыночных связей, рост налогов и т.п. как в городе, так и в деревне вели к *разложению феодальных отношений и феодальной земельной собственности,* увеличивали массу людей, лишенных средств производства и существования, так что уже недалеко было до того уровня, который предполагал систематическое применение наемного труда. Но в этом отношении решающую роль сыграло первоначальное накопление капитала.

3. Процесс первоначального накопления капитала, его ведущие черты и особенности в различных странах.

Первоначальное накопление капитала было не результатом, а исходным пунктом капиталистического способа производства. В.И. Ленин писал: «От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т.д.» (Ленин В.И. ПСС. Т.26. С.65-66).

Лениным было сформулировано следующее понимание предпосылок, необходимых для возникновения капиталистических отношений: «Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во 1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне товарного производства вообще, и во 2-х, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-пролетария, которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы».

Указанные предпосылки создавались именно в ходе процесса первоначального накопления капитала (ПНК). Впервые конкретно-исторический анализ процесса первоначального накопления капитала на примере самой передовой страны того времени – Англии – дал в 24 главе I тома «Капитала» К. Маркс. Если буржуазные историки и экономисты, такие как Роджерс или Рошер, рассматривали переход к капитализму как мирный эволюционный процесс, шедший с соблюдением всех юридических норм, то Маркс показал, что этот переход совершался как *глубокий социальный переворот* и

сопровождался *самым грубым насилием по отношению к непосредственному производителю, прежде всего, крестьянину,* у которого экспроприировали землю. *Именно экспроприация земли у крестьян и составляла основу ПНК*. Маркс проследил процесс ликвидации английского крестьянства в XVI-XVIII вв. показав, что одной из важных сторон этого процесса было распространение в Англии системы наемного труда в сельском хозяйстве, что являлось одним из главных показателей окончательного утверждения капиталистических отношений.

Главной формой экспроприации крестьянства в Англии в XVI-XVII вв. были захваты феодалами общинных земель, сгон крестьян с их участков, снос целых деревень. Захваченная земля обносилась изгородями (это могла быть и «живая изгородь»), откуда и возник термин *«огораживания».* Затем дворяне устраивали на ней собственные хозяйства буржуазного типа или сдавали в аренду фермерам и буржуазным предпринимателям и т.д. При этом нужно отметить, что в XVI в., на первом этапе огораживаний (а к 1550 г. было огорожено 45 % земли) экспроприированные во многих случаях оставались в деревнях на правах мелких арендаторов разных типов, батраков, коттеров и др. На втором же этапе, в XVII в. (когда было огорожено еще 24 % земли) огораживания сопровождались полной очисткой земли от крестьян и утверждением крупной аренды фермерского типа. Крестьянство, выражаясь известной формулой, в ходе огораживаний было *ликвидировано как класс.*

Впрочем, экспроприация в Англии осуществлялась не только путем прямого насильственного давления на крестьян. Был и другой, не менее действенный способ выжить прежних держателей с земли – повысить ренту до размеров, которые они не в состоянии были выплатить. Определенная часть английского крестьянства держала свои земли на правах *фригольда,* т.е. полной собственности на землю. Из верхушки фригольдеров затем вышли капиталистические фермеры.

Большинство же составляли *копигольдеры*, т.е. держатели земли по копии (или выписке из протокола манориального суда, которую крестьянин держал у себя). Это были наследственные держатели господской земли и их права на земельный надел не были обеспечены юридически, не защищались королевским судом. Еще одной категорией английских крестьян были *лизгольдеры,* державшие землю на условиях краткосрочной аренды. По истечению срока копии, ее нужно было возобновлять. За допуск копигольдера к держанию нужно было заплатить *файн* – специальный платеж, равнявшийся сумме годовой ренты. Лорды, вопреки обычаям, стали повышать размеры файна, особенно на землях, отобранных у церкви в период Реформации, причем в 40-50 и даже 100 раз (У. Гаррисон). Таким образом, незакрепленность прав значительной части английского крестьянства на землю в предыдущий период имела для него катастрофические последствия. Десятки тысяч крестьянских семей лишались средств к существованию и превращались в бродяг и нищих. Т. Мор писал в своей знаменитой «Утопии»: «Ваши овцы…стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей и опустошают целые поля, дома и города».

Процесс экспроприации шел и в других странах. Во Франции он происходил не путем прямого насилия, а с помощью *финансово-экономических рычагов.* Крестьяне должны были платить феодальную ренту преимущественно в денежной форме, причем эта рента складывалась из трех компонентов: ценза сеньору, десятины церкви и налога государству (налоги на соль, вино и пр.). Особенно разорительными для крестьян были государственные налоги. Людовик XII в начале XVI в. собирал 3 млн. ливров (70 т серебра). Генрих II в середине этого столетия собирал 13,5 млн. ливров (209 т). Генрих IV в конце XVI в. – 31 млн. ливров (345 т), а в конце 1630 - начале 1640-х гг. при Людовике XIII и Ришелье – 90-100 млн. (более 1000 т серебра).

Естественно, что крестьянин был не в состоянии исправно выплачивать все эти виды ренты, он вынужден был обращаться за ссудой к ростовщику, которая давалась под залог земли (*ипотека*), и попадал в долговую кабалу. Ссуда выплачивалась в течении нескольких поколений и становилась похожей на ценз и поэтому получила название *сверхценз (сюрценз)*. И хотя французский крестьянин и обладал широкими правами на свою землю, в отличие от своего английского собрата-копигольдера, тем не менее, значительному числу крестьян Франции, в итоге, приходилось продавать свою землю. Таким образом, в этой стране процесс обезземеливания крестьянства приобрел форму вынужденной продажи своих участков.

В Испании немалую роль в разорении крестьянства играл союз крупных скотоводов – *Места*, который возник еще в XIII в. Огромные стада овец (в период расцвета Месты они насчитывали 2,5 млн голов) два раза в год, весной и осенью перегонялись через всю страну, двигаясь при этом через засеянные поля, сады и виноградники, хотя им и отводились специальные пути (каньяды) шириной 50-100 м. Но масса овец никогда в них не «вписывалась». Все попытки установить изгороди ничего не принесли крестьянам Испании. Пользуясь своим огромным влиянием на королевское правительство, нуждавшееся в субсидиях Месты, гранды, входившие в ее состав, получали права на любой удобный участок без сроков ограничения. Крестьяне не имели права распахивать пустоши и пастбища. Земледелие и скотоводство приходило во все больший упадок, поголовье скота сократилось в 2 раза, посевы зерновых в Кастилии – в 1,5-3 раза (вторая половина XVI в.).

Параллельно с разорением крестьянства в странах Запада происходила экспроприация мелких городских и сельских ремесленников, которые не выдерживали мощного налогового пресса феодального государства. Вследствие «замыкания цехов» подмастерья постепенно превращались в наемных рабочих.

Как уже было сказано выше, процесс экспроприации сопровождался насильственными действиями по отношению к крестьянству и городскому плебейству. Насилие выражалось не только в принудительном сгоне с земли, но и в *принуждении к работе на новых хозяев*. Здесь нужно учесть два момента. Во-первых, капиталистическое производство еще только нарождалось и еще не могло принять всю массу экспроприированных людей, в силу чего все обезземеленные и согнанные со своих мест проживания люди при всем желании не смогли бы найти себе работу. Во-вторых, экспроприированные должны были привыкнуть к совершенно новой, по сути *казарменной дисциплине труда* на мануфактурах. Должна была измениться их вековая психология мелкого собственника, превращавшегося в наемного работника, чей труд был основан теперь не только на «дисциплине палки», но и на дисциплине голода. *На смену принуждению внеэкономическому приходило принуждение экономическое.* По сути дела, происходил колоссальный ментальный сдвиг, когда из вчерашнего крестьянина и подмастерья должен был сформироваться предшественник пролетария, готовый наниматься на любую работу и трудиться на любых условиях. Но приучиться к этой новой дисциплине труда было очень тяжело. Поэтому массы обездоленных чаще всего предпочитали не наниматься на работу, а бродяжничать. Бродяжничество, нищенство и сопутствующие им грабежи и разбои приняли широкие масштабы. Только в одном Лондоне при Елизавете Тюдор бродяг и нищих было более 50 тыс. (на 200 тыс. населения)! Поэтому феодальное государство начинает издавать репрессивные законы против тогдашних "бомжей". Систему репрессивных мер против них Маркс назвал «***кровавым законодательством»,*** которое наиболее ярко проявилось во все той же Англии. Первые законы против экспроприированных были изданы еще в конце XV в. при Генрихе VII. Статут 1495 г.

грозил бродягам и нищим трехдневным заключением на хлебе и воде (такова была, можно сказать, гуманная кара для первых жертв первоначального накопления). Затем, по статуту 1530 г. Генриха VIII милостыню разрешили собирать нетрудоспособным и старым, остальных же наказывали бичом, брали обязательство вернуться на прежнее место жительства и взяться за труд. Но со временем законы против пауперов становились все более крутыми. Если в 1536 г. бродяг было предписано сначала пороть до крови, при повторной поимке отрезать половину уха, а в третий раз казнить, то в 1547 г. по статуту Эдуарда VI пойманных бродяг клеймили (выжигая на груди букву V (vagabond – т.е. бродяга), а затем отдавали на два года в *рабство* тем, кто на них доносил. Содержание рабов было крайне тяжелым (носили железные кольца, питались отбросами, нещадно избивались и т.п.), их могли продать, завещать по наследству и пр. Если раб бежал, то при поимке его отдавали уже в вечное рабство и клеймили (выжигали на щеке или лбу S – slave, раб), а при повторном побеге казнили без пощады.

Применение таких репрессивных мер всячески сглаживается или вовсе не упоминается современными западными историками (Г.К. Квиспель и др.), напротив, всячески поднимается на щит то, что правительство-де заботилось о бродягах. Усиление репрессий они констатируют только с 1598 г., а по поводу упоминавшегося статута 1530 г. говорится, что в нем содержится "жалоба" (!) на рост числа бродяг. Зато отмечается, что в 1598 г. были окончательно определены задачи и обязанности тех, кто отвечал за заботу о бедных. Действительно, при королеве Елизавете был введен налог в пользу бедных с землевладельцев или домовладельцев; престарелым и больным выдавали по нескольку пенсов в неделю. На налоговые средства стали строить «работные дома» в графствах, где людей подвергали тяжелому труду, например, заставляли расплетать просмоленные корабельные канаты. Что

же касается прямых карательных мер в конце XVI в., то в это время как раз наступает чуть ли не "оттепель" - согласно закону 1597 г. все предшествующие репрессивные меры против бродяг и нищих были отменены. Этих людей теперь следовало "всего лишь" бичевать до крови и затем отправлять на родину, а самых закоренелых направлять в исправительные дома, ссылать пожизненно на галеры, высылать из Англии и т.п.

Впрочем, говоря о репрессиях против бродяг, не стоит удивляться ни действиям абсолютистской монархии, ни даже оценке современных «просвещенных» ученых Запада. Более парадоксально другое. Даже такие гиганты мысли, как Т. Мор и Э. Роттердамский не смогли подняться выше подобного подхода. Осуждая огораживания, как корень бродяжничества, великий утопист, "человек на все времена" (как он назван в одном голливудском фильме) Т. Мор рекомендовал отдавать воров в бессрочное рабство, что и видим в статуте 1547 г. Сыном своего времени остался и замечательный гуманист Эразм. Люди, живущие милостыней, подпадали у него под действие лозунга «Праздных надобно изгонять!» Заботу заслуживают только хворые и престарелые. То же самое отмечалось выше в статуте 1530 г.

Кровавые законы имели своей целью предотвратить опасность восстаний экспроприированных, весьма реальных в 1596-1598 гг., *[Из королевской прокламации 1598 г. мы узнаем о том, что толпы бродяг буквально осаждают Лондон и королевский дворец и ищут случая, чтобы поднять восстание или поддержать всякого, кто его поднимет]* и обеспечить приток дешевой рабочей силы в промышленность и сельское хозяйство и подчинить массу бывших крестьян и ремесленников новому для них режиму наемного труда. Нельзя не согласиться с Марксом в том, что «отцы теперешнего рабочего класса были, прежде всего, подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов» (Соч., т.23. С.744). Иными словами, бродяг наказали за то, что их ограбили. Именно такими методами

создавалась *резервная армия рабочих*, необходимая для развития капиталистического производства, таковы были последствия *раскрестьянивания* в странах Западной Европы. Студентам будет любопытно обратить внимание на такой исторический парадокс – в будущем тоталитарный социализм обошелся с мелким производителем в деревне также как и ранний капитализм.

Одновременно в руках богатых горожан, купцов, ростовщиков сосредоточивались крупные денежные суммы для приобретения средств производства и покупки рабочей силы, которая появилась на рынке труда. Источники накопления этих денежных сумм были различными. Во-первых, это накопление шло, как уже говорилось выше, купцами, патрицианской верхушкой, еще в средние века и базой для него послужила внутренняя, но особенно внешняя торговля. С другой стороны, открытие новых территорий в ходе Великих географических открытий дало возможность начать их колониальный грабеж, чем первыми занялись испанские и португальские конкистадоры и купцы. Они нажили огромные состояния как на прямом грабеже населения, которое должно было уплачивать подати (трибуто), вначале продуктами и тканями, потом – деньгами, золотым песком, так и эксплуатации золотых и серебряных рудников, а также колониальной торговле, которая представляла собой завуалированный грабеж (*неэквивалентный обмен*). Здесь имеется в виду не только обмен, например, с населением западного берега Африки, где на куски красной материи, бусы, бубенчики, зеркальца и пр. обменивали золото и слоновую кость. Английские и голландские купцы проворачивали фантастически выгодные сделки в Индии. Здесь европейцы перец покупали за 3 пенса за фунт, а в Англии он продавался за 20 пенсов; мускатный орех – за такую же цену, а в Англии – за 78 пенсов; шелк-сырец покупался за 7 шиллингов, а в Англии шел за 20 шиллингов и т.п. Прибыль была очень велика: купцы, привозившие пряности

в Лиссабон, получали до 800 %. Достаточно было, чтобы из нескольких кораблей с пряностями до Европы дошел один и это покрывало все расходы с лихвой и приносило большой доход. Недаром купцов стали звать в то время «мешок с перцем». Любопытно, что если в Европе оказывалось больше пряностей, чем нужно и цена на них начинала падать, то ценные «колониальные товары», за которые могли быть заплачены жизни многих людей, беспощадно уничтожались. Попутно заметим такой парадоксальный факт: хотя европейцы торговали с Востоком и с большой выгодой для себя, все равно на Восток продолжало уходить много золота и серебра из Европы в уплату за пряности, так что у Голландской и Французской Ост-Индских компаний в XVII-XVIII вв. даже возник дефицит в торговле с азиатскими странами. А те промышленные товары, которые привозили на Восток европейцы, вызывали здесь, особенно вначале, лишь смех и презрение ввиду их невысокого по сравнению с местными качества. Лишь в XIX в. товары с Запада стали завоевывать место на восточных рынках.

Это заставляло европейцев действовать более грубыми методами. Накопление капиталов происходило с помощью *пиратства*. Оно было, так сказать, официальным (*корсары, каперы*), которым промышляли англичане (в XVI в. в Англии создавались компании, снаряжавшие пиратские суда, перехватывавшие испанские корабли с золотом и серебром, причем пайщицей этих компаний состояла и сама королева Елизавета), так и неофициальным (*флибустьеры, буканьеры* и др.). В обстановке противоборства с Испанией, войны с ней за первенство на морях, когда в Англии в массовом сознании возник *образ врага-испанца,* пираты стали уважаемыми людьми нации, ее героями (Ф. Дрейк, У. Рэли, Кавендиш и др.). Их «успехи» бурно приветствовались в обществе. А они были впечатляющими. Из первого рейда к западным берегам Латинской Америки «Золотая лань» (ставшая впоследствии лет

на 100 национальной достопримечательностью) Ф. Дрейка пришла в Лондон сидя в воде по самые борта от находившегося в трюме драгметалла, вполне оправдав свое название. Только на одном из захваченных испанских галеонов «мой дорогой пират» (как звала его Елизавета) сэр Фрэнсис захватил золота и серебра в монетах и слитках, экзотических товаров и пр. на 50 млн. долл. Это в 100 раз превосходило затраты на снаряжение экспедиции. Пираты содействовали перераспределению награбленных богатств среди европейцев, оказавшихся в Новом Свете и между европейскими державами. А наиболее удачливые из них основали знаменитые капиталистические династии (например, Морганы). О таких людях Р. Киплинг писал: "Тост, его мы тихонько выпьем/За безымянный сброд/За наших предтеч безымянных/Джентльменский пиратский род" *[Цит. по: Новая история стран Европы и Америки. Первый период: Учеб. По спец. «История» /Виноградов В.Н. и др. – М.: Высш.шк., 1997. С.342].*

Кроме того, нарождающаяся буржуазия обогащалась за *счет государственных долгов,* поскольку государство постоянно нуждалось в средствах для ведения войн и соответственно содержания наемной армии, огромного чиновничьего аппарата (которым отличалось абсолютистское государство), пышных придворных увеселений и пр.

Кредитование государства было источником для первоначального накопления, особенно присущим *французской буржуазии*. Одной из форм кредитования государства была т.н. *откупная система* – сбор налогов у населения, право на который откупщик приобретал у правительства за кругленькую сумму, внося вперед весь предполагаемый объем налога и возвращал ее себе с огромным процентом. Откупщики, или как их тогда называли, «финансисты», составляли себе огромные состояния. На откуп брали и таможенные сборы, где действовал тот же принцип, что и описанный выше. В процессе ПНК немалую роль во Франции играла система *внутренних займов*, практикуемая

государством (одним чиновникам парижского парламента французский королевский двор в середине XVII в. был должен 1 млн. 200 тыс. ливров). Таким образом, часть французской буржуазии уже в XVI в. стала для своей страны ростовщиком, наживая огромные капиталы на податной системе и системе протекционизма дворянского государства. Это обусловило меньшую предприимчивость французских буржуа, чем у их английских и голландских конкурентов. В промышленности, торговле и мореплавании французская буржуазия отставала от них; наибольшие капиталы оставались в непроизводительной финансовой системе.

ПНК способствовали система протекционизма и меркантилизма. *Протекционизм* – это сумма мероприятий, направленных на стимулирование промышленного производства внутри своей страны, внутреннего и внешнего рынка производимых национальной промышленностью товаров. *Меркантилизм* – это часть протекционистской политики, связанная с регулированием денежного обращения в интересах развития национальной экономики.

Система включала в себя следующее: ограничение ввоза определенных сортов и видов промышленных товаров (иногда полное запрещение импорта на определенный срок); стимулирование ввоза и ограничение вывоза сырья; регламентация количества и качества производимых товаров внутри государства; субсидирование некоторых отраслей производства (связанных с обеспечением армии и флота); регулирование потребления промышленных товаров (вплоть до полного запрета покупать и носить импортные ткани и т.п.); ограничение или полное запрещение вывоза благородных металлов за пределы страны (чеканка денег – королевская прерогатива); контроль за тем, чтобы стоимость экспорта была больше стоимости импорта; заключение торговых договоров с

иностранными державами; дипломатическая и военная помощь отечественным купцам; строительство дорог и т.п.

Разумеется, все это делалось вовсе не для того, чтобы дать возможность буржуа разбогатеть, но получить выгоду для обогащения казны и обеспечения нужд армии и флота. Буржуазии же система протекционизма была, безусловно, выгодна и получая протекционистскую поддержку, буржуазия, до поры-до времени, мирилась с отсутствием у нее политических прав.

Впрочем, говоря об источниках ПНК нужно оговориться, что богач, привезший сокровища, награбленные в колонии, поставщик и купец, сколотившие состояние, лендлорд, согнавший крестьян с земли, становились лишь *потенциальными капиталистами.* Фактически же капиталистами они делались только тогда, когда *инвестировали свои деньги и землю в капиталистически организованные предприятия и хозяйства*. Ведь значительная часть капиталов оставалась в форме сокровищ (т.н. *тезаврация*), когда на освобожденных от крестьян землях создавались увеселительные резиденции, охотничьи заповедники и по-прежнему процветало ростовщичество.

Так же дело обстояло и с экспроприированными. Они становились наемными рабочими лишь тогда, когда поступали на ферму, мануфактуру и т.п. Иногда в нашей историографии можно встретить утверждение, что ПНК сразу же создает капитализм и наемных рабочих. Это не так. ПНК означал лишь уничтожение частной собственности, основанной на личном труде. На долю ПНК выпала прежде всего деструктивная работа по разрушению феодального строя, его экономических основ. ПНК отнюдь не обладал автоматичностью в плане дальнейшего развития капитализма, что хорошо видно на примере Испании и Португалии, где не проводилась политика протекционизма и

отечественный товаропроизводитель капиталистического типа разорился и уступил место иностранному.

В контексте процесса ПНК очень важно выяснение роли ***революции цен*.**

«Революция цен» (РЦ), охватившая сначала Испанию и Португалию, а затем Францию, Англию, Нидерланды и многие другие страны Европы в XVI в., способствовала обогащению буржуазии и социальной поляризации. Причины «революции цен» вызвали научную дискуссию, которая не прекратилась и по сегодняшний день. У истоков этой дискуссии в современной науке стоит американский историк Э. Гамильтон, который усмотрел прямую связь между ростом цен (а в Европе цены на продукты питания непрерывно росли между 1480 и 1620 гг.) и объемом драгоценных металлов, доставлявшихся в Европу из Нового Света. Хотя справедливости ради нужно сказать, что на эту связь еще в XVI в. указал известный французский юрист и, говоря по-современному, политолог, Ж. Боден. Иной точки зрения придерживается шведская исследовательница И. Хаммарстрем. Она полагает, что рост цен был обусловлен ростом деловой активности, что привело к росту поставок драгоценных металлов на европейский рынок. В самом деле, если в начале XVI в. в обращении находилось 550 тыс. кг золота, то в конце этого столетия – 1192 тыс. кг золота, серебра соответственно - 7 млн. и 21,4 млн. кг. Рост цен шел неравномерно. В Испании к 1601 г. цены выросли в 4,5 раза, в Англии – в 4 раза, во Франции к концу XVI в. - в 2,5 раза, в Италии – в два раза. Объективный анализ тезиса Гамильтона привел отечественных ученых к выводу, что «революцию цен» обусловил не сам по себе приток драгоценных металлов (хотя были сторонники и влияния такового, начиная еще с дореволюционного ученого И.В Лучицкого), а контекст общественно-экономических и политических условий, в которых этот фактор себя проявил. Последствия привоза драгметаллов из

заокеанских колоний должны рассматриваться применительно к специфике условий каждой европейской страны. Нельзя не видеть, что цены быстрее росли в тех странах, которые раньше всего испытали на себе «вливание», притом постоянное, драгоценных металлов из колоний. Возникновение же мирового рынка способствовало распространению РЦ и на менее экономически развитые страны Европы, а также на страны Востока.

Так или иначе, но цены на предметы первой необходимости росли быстрее, чем на промышленные товары. В то же время, заработная плата сильно отставала от роста цен на товары. В Англии, например, заработная плата возросла на 30 %, во Франции – на 25 %. РЦ неодинаково сказалась на экономическом положении различных групп населения феодального общества. От РЦ в деревне *выиграли* землевладельцы, сдававшие свою землю в аренду, поскольку арендная плата выросла в связи с ростом цен на сельхозпродукты и значительно превышала размер фиксированной феодальной денежной ренты. Поэтому выиграли и крестьяне, платившие фиксированную ренту своим сеньорам.

В промышленности выиграли капиталистические предприниматели, так как рост цен на товары опережал размеры реальной заработной платы. РЦ была выгодна купцам, делившим с предпринимателями прибавочную стоимость, производимую рабочим, и эксплуатировавшим как скупщики и кредиторы широкие слои мелких ремесленников и кустарей.

Кто же *пострадал от РЦ*? Это были широкие слои населения: крестьяне, ведшие мелкое, не производящее на рынок хозяйство, занимавшиеся кустарными промыслами, батрачившие, а также крестьяне, которые платили феодалу ренту продуктами или нефиксированную ренту. Проигрывали и те дворяне, а их было немало, которые получали от своих держателей фиксированную денежную ренту, не имели

значительных домениальных владений и не вели собственного хозяйства, поставлявшего продукты на рынок.

В городе в проигрыше оказались широкие слои населения, жившие на заработную плату и мелкие производители, работавшие на скупщиков и мануфактуристов. *РЦ (или, иными словами, инфляционная конъюнктура) способствовала, таким образом, экспроприации, разорению мелкого товаропроизводителя как в городе, так и в деревне.* В странах с наиболее размытыми традиционными общественными структурами, т.е. там, где феодализм был наиболее «подточен» изнутри «червем» раннего капитализма, *она вызвала перераспределение доходов между старыми и новыми имущими классами в пользу последних (Англия, Голландия, частично Франция).* Там же, где господствовали феодальные отношения, *РЦ перераспределила доходы между дворянством и третьим сословием в пользу дворянства (восточноевропейские регионы).*

В условиях РЦ наиболее ярко выявилась неравномерность развития различных западноевропейских стран, их неодинаковая подготовленность к «вхождению в капитализм». Какие же факторы способствовали более успешному развитию по пути капиталистических отношений? Это, *во-первых*, емкость внутреннего рынка, обусловленная степенью разложения вотчинного, сеньориального строя. *Во-вторых*, мера участия той или иной страны в международном разделении труда, а значит, обмене товарами и драгметаллами в форме денег, которая зависела от степени подготовленности к массовому производству определенного «национального продукта» для сбыта на внешних рынках. Подтоговленность же эта зависела как от степени разложения цехового начала, так и от степени интенсивности перемещения промышленности в сельскую округу городов. *В-третьих,* развитие капитализма во многом зависело и от географического положения той или иной страны по отношению к новым путям мировой торговли в Атлантике. В

этом отношении неблагоприятное положение Италии и Юго-Западной Германии сыграло свою роковую роль в увядании раннего капитализма в этих странах. Для сравнения укажем, что новая ситуация оказала свое отрицательное воздействие и на евразийскую торговлю. В средние века огромное значение имели караванные пути, пролегавшие через горы и степи Евразии, например, Великий Шелковый путь, а также кочевые народы и государства, основанные этими народами. Теперь эти пути утрачивают свое прежнее значение, а кочевники оказываются на периферии мирового исторического процесса. В результате Великих географических открытий европейцев стал складываться мировой капиталистический рынок и судьбы буржуазного развития той или иной страны, а значит и ее место в мире, во многом зависели от ее положения на мировом рынке. Возникли важнейшие узлы мировой экономики, которые стали приобретать глобальное значение (Антверпенская, а затем Амстердамская фондовые биржи).

Сложившееся в Европе в XVI в. международное разделение труда привело к возникновению трех ареалов: 1. *Северо-западного региона*, торгово-промышленной сердцевины Европы (Голландия, Англия, частично Франция); 2. *Центрального региона* (христианское Средиземноморье, особенно Пиренейский полуостров, Скандинавия), поставлявшего на общеевропейский рынок промышленное сырье, драгметаллы; 3.*Восточного региона* (Германия восточнее Эльбы, Польша, Прибалтика, Венгрия), оказавшегося на положении аграрно-сырьевого придатка более развитых регионов.

ПНК и складывание капиталистического уклада не были четко отделены друг от друга хронологически, нередко эти процессы шли одновременно, оказывая воздействие друг на друга. При этом важно отметить одну особенность, которую мы не наблюдаем при переходе от рабовладения к феодализму. *Капиталистические отношения и основанная на них система*

хозяйства возникли еще при господстве феодального строя в форме нового экономического уклада и развивались длительное время, сосуществуя с феодализмом и постепенно создавая предпосылки для буржуазных революций.

4. Характерные формы и черты капиталистического предпринимательства в промышленности и сельском хозяйстве.

Первой стадией развития капиталистического производства в промышленности была *простая капиталистическая кооперация*: купец или капиталист эксплуатировал группу наемных рабочих, *одновременно* занятых на производстве и выполняющих *однородную* работу. Следующей ступенью развития капиталистического производства была *мануфактура.* Эту стадию в ее наиболее развитой форме прошли только самые передовые страны Западной Европы – Англия, Нидерланды, Франция.

Владельцем мануфактуры был купец-капиталист или капиталист-предприниматель, на которого работали формально самостоятельные мелкие ремесленники и наемные рабочие. Мануфактура базировалась еще на ручной ремесленной технике, однако внутри мастерской совершился *революционный переворот – произошло разделение труда,* начался переход от мелкого индивидуального производства к крупному. Достаточно привести такой факт. В игольном производстве ремесленник, сам осуществлявший все необходимые операции по производству иглы, едва мог сделать 20 штук в день. В то же время на мануфактуре всего с 10 работниками ежедневная выработка на человека составляла 4800 штук в день (т.е. в 240 раз больше)! Вполне понятно, что мелкие ремесленники не могли конкурировать с мануфактурным производством. Возникала мануфактура прежде всего в таких отраслях, где существовали

наиболее благоприятные условия для перехода к крупному производству, например, в горнорудной, металлургической промышленности, текстильном производстве, книгопечатании и пр. Цеховое ремесло препятствовало развитию мануфактуры. Поэтому базой для нее стали сельские промыслы и такие ремесла, которые не были организованы в цехи.

Существовало *три типа мануфактуры* – рассеянная, централизованная и смешанная. *Рассеянная мануфактура* предполагала такую постановку дела, когда раздатчик (купец-предприниматель) снабжал сырьем мелких ремесленников, работавших на дому и сбывал производимые ими изделия. Разделение труда в этом случае было "вертикальным," меж операционным, осуществлявшимся среди отдельных групп кустарей, трудившихся в своих мастерских. Это был *первый путь развития мануфактуры* с прямым подчинением производства купцам. Он был переходным, зачаточным типом капиталистического производства, самым распространенным, но и наиболее консервативным. Предприниматель эксплуатировал производителей на основе старого способа производства: данный тип мануфактуры основывался на присвоении прибавочной стоимости *за счет увеличения продолжительности рабочего дня (абсолютная прибавочная стоимость)*. Такие формы производства со временем либо отмирали, либо развивались в более высокие формы, где прибавочная стоимость производилась уже *за счет повышения производительности труда (относительная прибавочная стоимость).*

Централизованная мануфактура (ЦМ) была распространена прежде всего в таких отраслях производства, где необходим был труд большого числа рабочих (горнорудные, металлургические и т.п.). Хозяевами централизованных мануфактур были купцы, разбогатевшие самостоятельные ремесленники, иногда цеховые мастера. Нередко ЦМ создавались государями для удовлетворения нужд армии и флота. Хозяин ЦМ создавал

большую мастерскую, сам закупал необходимое оборудование, инструменты, сырье и эксплуатировал наемных рабочих. Это был *второй путь образования мануфактуры*, который открывал наибольшие возможности перед развивающимся крупным капиталистическим производством. На ЦМ трудились наемные работники, окончательно лишенные средств производства. Они были территориально объединены в принадлежавших предпринимателю помещениях и целиком подчинены капиталу. В ЦМ раньше появилось "горизонтальное", т.е. технологическое, внутри операционное разделение труда, позволившее впоследствии применять машины.

Наконец, была и *смешанная* мануфактура. При этом типе производства часть более простых производственных операций производилась мастерами на дому, а затем отправлялась в мастерскую, организованную по типу централизованной мануфактуры, где полуфабрикат дорабатывался до готового состояния на более технически совершенной базе (например, крашение и отделка готовых тканей).

В XVI-XVII вв. капиталистические отношения возникали и в деревне. В эту эпоху сложилось *два типа аграрного развития* европейских стран. Первый путь – это путь капиталистического предпринимательства, второй – мелкокрестьянского свободного землевладения. Борьба за эти два пути развития аграрных отношений на базе разложения феодальной собственности и феодальных производственных отношений и составляет внутреннее противоречие всего развития поземельных отношений в западноевропейских странах в это время.

Наиболее интенсивными темпами капиталистический уклад развивался в Англии, где, в результате огораживаний, часть земли была превращена в пастбища для овец или отведена для крупных хозяйств с применением труда батраков. Большую же часть земли землевладельцы сдавали крестьянам или городским буржуа в аренду, плата за которую значительно превышала

размеры ренты, уплачиваемой прежним держателем на феодальном праве – крестьянином. При постоянном росте цен на продукты питания было выгодно арендовать землю на длительный срок (в Англии – на 99 лет) и платить при этом даже рыночные ренты, т.е. такие, которые росли в зависимости от роста цен на рынке.

Зародышем капиталистического производства в сельском хозяйстве является полуфеодальная *издольная аренда, (издольщина),* которая представляет собой «переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте», поскольку при такой форме ренты «земледелец /арендатор/, кроме труда (собственного или чужого/, доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли – остальную часть этого капитала /например, скот/, и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.II. С.367). Т.е. после сбора урожая обусловленная в договоре его часть шла собственнику земли, другая оставалась у арендатора. Наиболее часто встречающейся формой издольщины была *испольщина,* при которой владелец земли и арендатор несли равные доли расходов по ведению хозяйства и поровну делили полученные доходы. В начале раннего нового времени издольщина была распространена в странах и областях с замедленными темпами аграрного развития, в монастырском землевладении, где были заинтересованы в получении натуральных податей. В XVI-XVII вв. удельный вес ее растет; в условиях «революции цен» она становится выгодной землевладельцам.

В Англии издольщина быстро уступила место чистой форме капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве – *фермерству*. Предприниматель-фермер арендовал на определенный срок большой участок земли, уплачивал

установленную арендную плату. Он приобретал инвентарь, семена и сам оплачивал наемную рабочую силу. Для этого требовались значительные денежные средства. Фермер не имел владельческих прав на арендуемую землю.

В этой связи методически очень важно (и актуально ныне для нашей страны!) наметить ряд черт, которые отличают крестьянина и фермера. Если *крестьянин* стремится вести самодостаточное хозяйство и избежать специализации на определенных культурах, - чего зачастую ему не позволяет добиться дефицит капитала или знаний, - то *фермеру* это удается. *Крестьяне* пытаются, по мере возможностей, остаться за пределами действия законов рыночной конъюнктуры и выходят на рынок из-за нужды в наличных деньгах. *Фермер* же ориентируется прежде всего на те культуры, которые обещают максимальную прибыль на рынке, и отвергает все прочие, чтобы иметь возможность сконцентрироваться на этих продуктах. Он стремится избежать любой побочной деятельности. *Фермер ведет себя как предприниматель*, который постоянно рассчитывает и рационализирует ведение своего хозяйства. Он рассматривает свое хозяйство как предприятие, и крестьянствование в его глазах является профессией, так же как и другие профессии. Фермер может довольно легко купить или продать свою землю. Для *крестьянина* же его занятия – это *образ жизни*, а хозяйство, его собственность, клочок земли – это *семейная традиция, достояние предков*, объект едва ли не священный, который он страшно боится потерять, а потеряв, мечтает обрести снова.

Отношения в сельском хозяйстве стран Восточной Германии, Венгрии, Чехии, некоторых стран Юго-Восточной Европы складывались иначе. Здесь получило распространение такое явление, которое было названо Марксом и Энгельсом ***«вторым изданием крепостничества»***. Этот термин используется сейчас и в современной западной историографии,

но без ссылок на названных авторов. Что скрывается за этим понятием? В указанных регионах имели место внешне такие же методы первоначального накопления капитала, как земельные захваты и массовый сгон крестьян с земли, расширение товарности сельского хозяйства в связи с увеличением спроса на продовольствие и сырье в капиталистически развитых странах Европы. Но они привели не к развитию капитализма в сельском хозяйстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а наоборот, к восстановлению крепостничества и барщины.

Что же послужило причинами «второго издания крепостничества»? Во-первых, страны, для которых оно характерно, сохранили больше черт феодализма в своем развитии к XVI-XVII вв. Здесь слабее были развиты города и ремесла в них, крестьянство меньше было связано с рынком, не такими сплоченными здесь были общины, которые в Восточной Германии часто состояли из колонистов – переселенцев из западных земель, крестьяне во многих случаях находились в личной и судебно-административной зависимости от феодалов, а их попытки освободиться от нее были неудачными (поражение крестьян в 1514 г. в Венгрии, и в 1525 гг. – в Германии, следствием чего была феодальная реакция). Центральная же власть тут была слаба и не могла воспрепятствовать произволу феодалов. Во-вторых, в условиях начала международного разделения труда и складывания мирового рынка, роста цен на хлеб и сырье в западноевропейских странах, продвинутых в капиталистическом отношении, феодалы стран Центральной и Юго-Восточной Европы решили воспользоваться благоприятной экономической конъюнктурой. Но они пошли не путем перестройки хозяйства на капиталистический лад, к чему экономика и социальный строй этих регионов еще были не готовы, а путем реанимации старых форм барщинного хозяйства, но в куда более жестком виде. Крестьян лишали всяких источников для личного хозяйства и заставляли работать только

на феодала. Барщинные повинности были увеличены, крестьянам запретили уходить от хозяина.

Короче говоря, «второе издание крепостничества» во многом было следствием появления в Европе капиталистического рынка, которое как бы преломилось через призму интересов феодального дворянства, навязавшего свои порядки не только крестьянству, но и системе власти, пошедшей на поводу у феодалов. Таким образом, капиталистическая кооперация и мануфактура к западу от Эльбы и барщинное хозяйство к востоку от нее, при всей противоположности их социально-экономической природы, не только синхронные явления, но и порождение одного и того же феномена – *генезиса капитализма*. Здесь уместно вспомнить слова такого знатока развития капитализма в Европе в XV-XVIII вв. как Фернан Бродель: «Капитализм является порождением неравенства в мире: для развития ему необходимо содействие международной экономики. Он является плодом авторитарной организации явно чрезмерного пространства. Он бы не дал столь густой поросли в ограниченном экономическом пространстве. Он и вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда» (Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1994. С.98). Точно также потребностями развития капитализма объясняется рабство пауперов в Англии XVI в., возникновение такого феномена, как плантационное рабство в Новом Свете, покоящееся на котором крупное латифундиальное хозяйство поставляло продукты и сырье на мировой рынок, а также использование "белых рабов" – законтрактованных "сервентов" - в американских колониях *["Белых рабов" вербовали по всей Европе. Затем, по прибытию в Америку, их продавали хозяевам (разлучая при этом семьи) на срок до 7 лет. Сервента можно было продать, обменять, подарить и пр. Если раб убегал, срок кабалы рос. Хотя рабство было временным, тем не менее только двое из десяти сервентов могли достигнуть после освобождения более высокого*

положения. Остальные либо умирали, подорвав силы, либо так и не могли выйти из круга зависимости, не имея достаточно денег и какой-либо специальности].

Теперь необходимо подвести итоги.

В процессе изучения данной темы мы установили, прежде всего то, что важной предпосылкой возникновения капиталистических отношений было развитие производительных сил и научно-технический прогресс, успехи которого со всей очевидностью проявились в XIV-XVII вв., а также развитие мелкотоварного производства и денежного хозяйства в позднее средневековье, явившееся необходимым фундаментом для перехода к капитализму.

При этом нужно особо подчеркнуть, что капиталистический уклад сложился еще в недрах феодального общества и длительное время сосуществовал с ним, создавая предпосылки для будущих буржуазных революций.

Важнейшим же условием генезиса капитализма в Западной Европе было первоначальное накопление капитала, по-разному протекавшее в странах Запада, что отражало местные особенности, а также степень готовности перехода к капитализму. Основу процесса составляла экспроприация крестьянства. Роль ПНК состояла в разрушении основ феодализма, подтачивании его экономического могущества и сосредоточении средств производства и капиталов в руках немногих.

В Западной Европе в начале эпохи раннего нового времени стало распространяться капиталистическое производство в промышленности, выразившееся в различных формах мануфактуры, и сельском хозяйстве в формах арендных отношений. Однако оно не было всеобщим и было наиболее характерно для самых «продвинутых» стран того времени – Англии, Голландии, частично Франции.

В Центральной и Юго-Восточной Европе развитие капитализма на Западе Европы отразилось во «втором издании

крепостничества» – реанимации барщинных порядков в модифицированном, наиболее жестком виде. Это, наряду с рабством пауперов в Англии и последующим появлением плантационного рабства в Новом свете, убедительно указывает на то, что возникновение капиталистических отношений отнюдь не связано автоматически со свободой и демократией и «всеобщим благоденствием», которых трудящимся в странах Запада еще предстояло добиться путем упорной борьбы в течении нескольких столетий. И это обстоятельство имеет для нас, граждан России, весьма поучительно.

Рекомендуемая литература

Барг М. А., Черняк Е. Б. К вопросу о переходной эпохе от феодализма к капитализму (На примере Англии) // Новая и новейшая история. 1982. № 3.

Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993.

Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – 2-е изд., допр. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. № 5. С.126-135.

Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. – М., 1980.

Давидсон А.Б. Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С.51-71.

Дмитриева О.В. Англо-испанское соперничество в Новом Свете и английское общественное мнение во второй половине XVI в. // Средние века. Вып.55. – М.: Наука, 1992. С.11-15.

Дударев С.Л. Методические заметки по истории. Вып.II. – Армавир, 2000.

История Европы. Т.3. От средневековья к новому времени (конец XV-первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1993.

История средних веков. В 2-х т.: Учебник/Под ред. С.П. Карпова. – М: МГУ: ИНФРА-М, 1997. – Т.1.; ИНФПА-М, 2001. – Т.2.

Кузеванов Л.И. И.В. Лучицкий как историк религиозных войн во Франции второй половины XVI века //Российский исторический журнал. 1994. №3. С.36-46.

Левандовский А.П. Карл Великий: через Империю к Европе. – М.: Мол. гвардия, 1999.

Ленин В.И. ПСС. ТТ.3, 26.

Малинин Ю. П., Коцюбинский Д. А. Ранний западноевропейский капитализм и его феодальные истоки // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – СПб.: СпбГУ, 1996. С. 23-33.

Малов В. Н. Ж. Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. - М., 1991.

Маркс К. Капитал. Т.1. Гл.24 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.23.

Маркс К. Капитал. Т.3. Гл.47 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.25. Ч. II.

Можейко И.В. Пираты, корсары, рейдеры. – СПб., 1994.

Неусыхин А.И. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. – М.: Наука, 1974. С.422-444.

Новая история стран Европы и Америки. Первый период: Учеб. По спец. «История» /Виноградов В.Н. и др. – М.: Высш. школа, 1997.

От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-хх гг. – М.: Росспэн, 1998.

Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI-XVII веков и ее последствия//Новая и новейшая история. №2.2005. С.194-206.

Петров А.М. Запад-Восток. Из истории идей и вещей. – М., 1996.

Рутенбург В. И. Проблемы Возрождения // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. 1.- Л.: ЛГУ, 1974. С. 66-80.

Семенов В.Ф. Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров во по вопросу о пауперах // Средние века. Вып.IV. – М.: АН СССР, 1953.

Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в западном полушарии/Комиссаров Б.Н., Петрова А.А., Саламатов О.В., Ярыгин А.А. – СПб., 1992.

Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. – М.: Наука, 1985.

Чистозвонов А. Н. О некоторых основных закономерностях развития мануфактурной стадии капитализма // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 59-66.

Чубарьян А.О. Итоги и перспективы деятельности Института всеобщей истории РАН //Новая и новейшая история. 2004. № 1. С.6.

Штекли А.А. От приютов милосердия к работным домам // Средние века. Вып.55. – М.: Наука, 1992, с.100-115.

Штокмар В. В. История Англии в средние века. – Спб., 2000 (Глава IX).

Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. – Л.: ЛГУ, 1962.

Яброва М. М. О раннем этапе проникновения купеческого капитала в мелкое производство в Лондоне // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 1. – Л.: ЛГУ, 1974. С. 61-66.

Яброва М. М. Зачаточные формы капиталистического производства в Лондоне XIV – пер. пол. XV в. // Средневековый город. Вып. VII. – Саратов, 1983. С. 36-62.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994.

ТЕМА 9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.

Введение

Целью данной темы является рассмотрение особенностей политической, социальной и духовной жизни западноевропейских стран в начале раннего нового времени. *Задачами* являются выяснение основных черт абсолютистской монархии и ее региональной специфики, положения старых и новых общественных классов в изменявшихся социально-экономических условиях, установление связи совершавшихся перемен с духовной, религиозной жизнью широких слоев населения, ярким проявлением которой была Реформация церкви, в свою очередь, тесно связанная с проблемой ранних буржуазных революций в Западной Европе. Исходя из этого, для нас также будет важно выяснить особенности Реформации и ранних буржуазных революций в различных странах Запада. *Актуальность темы* в том, что духовные процессы, шедшие в раннее новое время, привели к возникновению религиозных учений, соответствовавших чаяниям нарождавшейся буржуазии. Необходимость появления признанной идеологии, которая обосновывала бы необходимость капиталистической перестройки в России, узаконила бы капитализм в глазах народных масс, связав его с традиционными российскими ценностями, налицо. Насаждение же голого чистогана, обогащения любой ценой и все попытки перевести Россию на рыночный лад, осуществляемые без учета российского менталитета, традиций и присущих нашему народу духовных ориентиров, обречены на провал.

Основные термины и понятия по теме: *абсолютизм,«охота на ведьм», расколдование мира, джентри, буржуазия,*

предпролетариат, Реформация, лютеранство, кальвинизм, супрематия, пуритане, пресвитериане, индепенденты, консистория, гугеноты, Контрреформация, иезуиты.

1. Феномен абсолютизма: его общие черты и региональные варианты.

Общим для развития большинства европейских государств в период начала раннего нового времени являлось резкое усиление *централизаторских тенденций,* проявившихся в ускорении процессов объединения государственных территорий вокруг *единого центра*, в складывании отличных от средневековых органов государственного управления, в изменении роли и функций верховной власти

В Европе XVI в. соседствовали и находились в сложных взаимосвязях государства различных типов – от переживающих разные стадии развития монархий до феодальных, а в конце века и раннебуржуазных республик. Вместе с тем преобладающей формой государственного устройства становится *абсолютная монархия.* В отечественной историографии утвердилась точка зрения, согласно которой переход от сословно-представительных монархий к монархиям абсолютистского типа связывается с выходом на историческую арену новых социальных сил в лице формирующейся буржуазии, создающей *определенный противовес* феодальному дворянству; по мысли Ф. Энгельса, возникает ситуация, когда «государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.172). Абсолютизм рассматривается как форма государства, соответствующая заключительной стадии развития феодализма и характеризующаяся *резко усиливающейся властью монарха и наивысшей степенью централизации.*

Ниже мы увидим, что в различных европейских странах абсолютистские режимы имели свои национальные и региональные отличия. Но в начале необходимо установить, что же было общего между ними.

- *Устанавливается режим практически неограниченного личного правления.* Абсолютизм находит теоретическое обоснование в политической мысли, провозглашающей божественное происхождение королевской власти, безраздельный суверенитет государя и недопустимость сопротивления ему. Наблюдается тенденция к постоянному росту королевского всевластия. Показательны сами высказывания монархов. Если Франциск I подписывал свои эдикты словами: «Ибо нам так угодно», то Людовик XIV еще более безапелляционно утверждал: «Государство это я».

- *Органы сословного представительства* (Генеральные штаты во Франции, кортесы в Испании и др.) *утрачивают значение*, которое они имели в предшествующий период, и приобретают однозначно подчиненное значение по отношению к королевской власти, хотя в ряде случаев и продолжают существовать, образуя причудливый симбиоз с новым бюрократическим аппаратом абсолютизма.

- Появляется мощный и разветвленный *бюрократический аппарат*. К концу XVI в. в большинстве европейских стран складывается система органов центрального и местного управления, действующая в интересах короны. В то же время, иногда встречаются и проявления пережитков системы правления, существовавшей еще в эпоху раннего средневековья, когда короли с помощью поездок по стране, которые длились месяцы, а то и годы, стремились контролировать ситуацию на местах *[Так, двор Франциска I бесконечно путешествовал по стране вслед за своим государем. Это была, как пишет Л. Февр, «небольшая армия», которая насчитывала 3-4 тыс. человек только мужского персонала (не считая женщин), которую перевозили 12 тыс. лошадей! Это типичный пример*

«полюдья», которое не исчерпало себя и в XVI в. Целых 2 года путешествовали по Франции королева-мать Екатерина Медичи со старшим сыном Франциском II в начале его правления (Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. С.290-295)].

- Осуществляется относительная *унификация* судебной, административной, фискальной системы.

- Происходит усложнение *налоговой системы*: помимо прямых налогов, собираемых с согласия сословно-представительных органов, государи осуществляют принудительные займы у населения, вводят дополнительные косвенные налоги, сборы на нужды армии и флота, откупную систему, прибегают к международным займам, продают дворянские звания и т.п. В целом, происходит резкое увеличение налогового гнета, о чем уже говорилось в теме 8.

- Монархия осуществляет политику *протекционизма* и *меркантилизма*. Вводится *профессиональная наемная армия*, дополняющаяся рекрутскими наборами (обедневшие крестьяне, пауперы, криминальные элементы).

- Ограничивается влияние папства на дела национальных церквей, а в странах, где победила Реформация, *короли полностью подчиняют себе церковь*, которая становится частью государственных институтов.

Таким образом, установление абсолютизма послужило важным шагом в становлении *суверенизации* европейских государств. Быть постоянно в числе лидеров, решать сложнейшие задачи поддержания необходимого уровня милитаризма могла только сильная центральная власть с развитым бюрократическим аппаратом, способная наладить бесперебойную систему снабжения вооруженных сил всем необходимым. Частные лица и государства, размеры и ресурсы которых, а также устройство государственного аппарата не соответствовали новым требованиям, были обречены на поражение. Не случайно именно в XVI в., особенно во второй

его половине, процесс формирования сильных абсолютистских режимов в ряде государств Западной Европы стал ускоряться и завершился спустя 100 лет. Зарубежные исследователи отмечают, что монополизация насилия была частью процесса внутригосударственного «умиротворения» и установления контроля над обществом. Кроме того, необходимо указать на то, что, несмотря на лавирование между старыми и новыми классами, абсолютистская монархия была *феодальным государством*, доминирующим сословием было дворянство, в интересах которого абсолютизм и действовал *[Недаром Ришелье говорил: «Дворяне – важнейший жизненный нерв государства»].*

Начало абсолютизма в европейских странах может быть условно отнесено к концу XV – началу XVI в.

Каковы же были особенности абсолютистского правления в европейских странах? Специфика Англии состояла в том, что *парламент,* созданный в XIII в. как орган сословного представительства, *становится неотъемлемой частью абсолютистской системы,* а *король,* согласно широко распространенным в английской политической литературе представлениям, *обретает всю полноту власти лишь в сотрудничестве с парламентом*. Особенностью Англии было и то, что там экономическое развитие было более динамичным, чем на континенте, мелкое и среднее дворянство занималось разного рода «коммерцией», что впоследствии повлекло за собой его постепенное *обуржуазивание.* Это размывало собственно дворянскую базу английской монархии и подготавливало политический союз «нового дворянства» и буржуазии, который оказался роковым для судеб династии Стюартов и феодальной аристократии. Англия – островная страна. *Здесь в то время не существовало большой постоянной армии, но был сильный флот. Роль постоянных налогов была в этой стране выражена слабее, а централизованный бюрократический аппарат был*

очень мал, зато была развита система местного самоуправления.

Французский абсолютизм развивался сравнительно медленнее, что было связано с социальным преобладанием дворянства и неразвитостью капиталистических элементов. Сказывался и ряд факторов социально-экономического, политического и географического характера, питавших центробежные силы и сепаратизм. Королевская власть уже в XV в. пользовалась большим авторитетом и поддержкой дворянства, поскольку обеспечивала его экономические интересы как за счет внутренних (земли, ренты, пенсии, места в государственном и церковном аппарате и т.п.), так и за счет за внешних ресурсов (Итальянские войны и т.п.). Но как только монархия переставала эффективно «подкармливать» дворянство, оно начинало гражданские войны, в связи с чем, во второй половине XVI в. существование Франции как единого государства было поставлено под сомнение. Следует заметить, что дворянство во Франции было двоякого рода: это были т.н. «*люди шпаги»* (родовитое дворянство) и *«люди мантии»* – т.н. робены (буржуа, купившие свои титулы, или женившиеся на дворянках). В XVII в. обе эти группы получили название «дворянство шпаги» и «дворянство мантии». Так вот, во внутренних и внешних войнах родовитое дворянство понесло ощутимые потери и ослабло. Одновременно шло перемешивание обеих групп и появились т.н. *ротюрье,* ведшие свое происхождение от буржуа, причем в XVII в. к ним принадлежало немало французских полководцев и высших офицерских чинов. Таким образом, дворянская основа французского абсолютизма *также теряла свою однородность*, в нее вливались буржуазные элементы, для которых одворянивание было возможностью получить политические права. Французская буржуазия, как было выяснено в теме 8, занималась обслуживанием финансовых интересов государства,

долгое время была связана с абсолютизмом экономически и была не столь предприимчивой, как английская. Это и определило ее более длительный путь к буржуазной революции.

Англо-французский абсолютизм в отечественной литературе именуется *«классическим»,* как наиболее соответствовавший политике социального лавирования и игравший на противоречиях между дворянством и буржуазией.

Важной особенностью испанского абсолютизма была *его узкая социальная база, ограниченная исключительно дворянством*, которое занимало доминирующее положение в классовой структуре испанской монархии, оттеснив на задний план средние предпринимательские слои. *Класс феодалов сложился в Испании прежде всего как военная каста, и лишь во вторую очередь – как бюрократическая элита*. Зачатки капиталистических отношений были развиты в Испании *гораздо слабее,* чем в Англии и Франции. В Испании не проводилась политика протекционизма и меркантилизма, поскольку эта страна не была национальным государством, а частью империи Габсбургов. Поэтому *слабые зачатки национальной буржуазии были здесь подавлены к концу XVI в.* Все государство содержалось не столько за счет внутренних источников, сколько за счет *внешних поступлений* – из завоеванных и порабощенных стран, из колоний, которые затем тратились на непроизводительные цели. Грабительская политика испанского абсолютизма пользовалась безоговорочной поддержкой дворянства, доходы которого полностью зависели от этой политики. Внутренняя стабилизация достигалась во многом за счет вывода социальной энергии (дворянства, крестьян, горожан) вовне. Крестьянство Испании было настроено промонархически, так как в его глазах король одинаково карал всех своих врагов – как вельмож, так и простолюдинов. При этом крестьянство Кастилии было свободным, а в Арагоне и Каталонии – крепостным.

В Германии абсолютизм был *региональным, или княжеским*, мелко державным, власть императоров была ограничена коллегией *курфюрстов* – князей-избирателей. Такой абсолютизм не играл централизаторской роли, но и, напротив, содействовал усилению политической обособленности отдельных германских земель. Реформация, Крестьянская война 1524-25 гг. и последующие внутри имперские конфликты способствовали территориально-политической раздробленности немецких земель.

Региональный тип абсолютизма сложился в течение XVI в. и в Италии, где он пришел на смену региональным сословным монархиям и городам-республикам.

Элементы абсолютистского правления имели место с начала XVI в. и в странах Скандинавии, однако они не приобрели здесь устойчивых форм – короткие периоды усиления королевской власти менялись более длительными периодами феодальной раздробленности.

Для сравнения укажем, что государственный строй Руси («самодержавство» во главе с «царем и великим князем Всея Руси») складывался в результате освоения традиций Древней Руси и Византии, а также под влиянием политико-государственной практики соседних стран Запада и Востока. Наличие широкой сети общегосударственных (Боярская дума, а затем и Земские соборы) и местных сословно-представительных учреждений позволяют характеризовать Россию XVI – первой половины XVII в. как феодальную сословно-представительную монархию, постепенно эволюционизировавшую в сторону абсолютизма. В дальнейшем в Австрии, Пруссии и России складывается «крепостнический абсолютизм», с его опорой исключительно на дворянство, восстановление или упрочение крепостнических порядков.

Испанский вариант абсолютизма рассматривается как его разновидность, либо как промежуточный между «классическим» и «крепостническим».

2.Классы феодального общества в новых исторических условиях.

Причины усиления королевской власти и абсолютизма коренились в социально-политической ситуации, сложившейся в западноевропейских странах на рубеже XV-XVI вв. Деформация средневековых сословий и прежних форм их организации приводит к тому, что социальные группы, причастные в той или иной степени к политической власти, оказываются в большей зависимости от короны, чем раньше.

Дворянство делится теперь на *«старое» и новое».* «Старое» (оно же «дворянство шпаги»), ориентировавшееся на прежние методы хозяйствования, в результате разложения феодализма, развития товарно-денежных отношений и «революции цен» оскудевает и приходит в упадок. Желая поправить положение, оно устремляется на королевскую службу, пополняя собой ряды армии и чиновничьего аппарата. Казалось бы, ситуация «новых дворян» (в Англии – «джентри», во Франции – «дворянства мантии») в смысле зависимости от королевских подачек была особенно предпочтительна в Англии. Они успешно совмещали титул с предпринимательской деятельностью в самых различных областях. В этом отношении вертикальная мобильность была очень высока в Англии. Человек с годовым доходом в 40 фт. ст. был просто обязан принять дворянское звание, как повелось еще с XIII в. Новые дворяне, занимавшиеся бизнесом, были просто сказочно богаты по сравнению со «старым» дворянством. Согласно английским источникам конца XVI в. (данные Т. Уилсона: «Государство Англии в 1600 г.» – документы государственного секретаря и книги шерифов) мелкому и среднему дворянству в Англии (рыцарям и джентльменам),

которых тогда было 16500 чел., принадлежало от 8,5 до 17 млн. фт. ст. Совокупный доход английской знати составлял приблизительно 220 тыс. фт. ст. Многие джентри могли тратить в год от 5 до 7 тыс. фунтов. *[Очень яркими являются данные по одному только графству Ланкашир. Мелкие ланкаширские джентри, в 30-х гг. XVI в. огородившие каких-нибудь 200 акров земли (80 га), располагали годовым доходом в 1000 фт. ст. В то же самое время крупнейший земельный магнат этих мест, граф Эдуард Дерби имел годовой доход не более 200 фт. ст.].*

Эти цифры ярко говорят о преимуществе капиталистической аренды над феодальным способом производства. Однако и эти «бизнесмены» были горой за короля, поскольку ждали от него новых земель, которые и дала в их руки Реформация, проведенная королевской властью в 1530-х гг.

Быстрыми темпами шло имущественное и социальное расслоение *крестьянства.* В XVI – первой половине XVII в. с одной стороны, выделялась зажиточная верхушка: т.н. «крепкие хозяева», фермеры-арендаторы и пр., использовавшие наемный труд. С другой стороны, в результате прямой или косвенной экспроприации размывался слой среднего крестьянства, которое лишалось средств производства и шло работать по найму, либо превращалось в бродяг.

Эволюция сельского, но особенно городского населения – купцов, ремесленников, прослойки городских интеллектуалов (юристов, врачей, преподавателей университетов и пр.) в конечном счете, привела к возникновению новой социальной структуры и появлению таких слоев (а в будущем и классов) как *буржуазия и предпролетариат*.

Буржуазия происходила, прежде всего, из городской торгово-ростовщической и ремесленной верхушки. Термин «буржуазия» (от фр. «bourgeoisie») происходит от слова, которым в средние века называли жителей города – бурга, т.е. горожан. В процессе исторического развития значение термина изменилось, и им стали называть класс, который владеет

денежными богатствами и средствами производства, и эксплуатирует наемный труд. В класс буржуазии помимо купечества и цеховых мастеров входили чиновная бюрократия, высший слой интеллигенции, часть дворянства, занявшаяся предпринимательством, верхушка крестьянства. На первой стадии своего развития буржуазия развивалась в условиях политики протекционизма и имела двойственную природу, поскольку оставалась в целом частью политически и юридически неполноправного третьего сословия. Молодая буржуазия была очень нерешительной, даже трусливой. Она боялась народа, не будучи уверенной в том, что ей удастся справиться с ним, подчинить его себе. Долгое время буржуазии не удавалось выдвинуть из своей среды влиятельных политических лидеров – ей не хватало опыта государственного строительства, сотрудничества в органах государственной власти. Даже в условиях буржуазных революций буржуазия долго еще звала в руководители дворянство и знать. Поэтому в течение длительного времени буржуазия мирилась с абсолютизмом, довольствовалась плодами политики протекционизма, «аноблирования» и третьими ролями в обществе. Но постепенно могущество буржуазии росло и в наиболее передовых странах того времени она обрела свою «готовую боевую теорию» – *кальвинизм* (Швейцария, Нидерланды, Англия). Буржуазия стала превращаться из «класса в себе» в «класс для себя». С этого времени абсолютизм начинает прибегать к политике ограничения и подавления буржуазии. Здесь-то и наступает вторая фаза в развитии буржуазии, когда она складывается в класс и ниспровергает феодализм и монархию, для того, чтобы создать новое буржуазное общество.

Пролетариат прошел долгий путь развития и стал классом лишь с момента появления фабричного производства. До этого момента можно говорить о *предпролетариате* (Ф. Энгельс), состоявшем из самых разных слоев: цеховых подмастерьев и

учеников, мелких горожан и ремесленников, эксплуатируемых скупщиками-раздатчиками, экспроприированных крестьян и пр. Наиболее «продвинутой» частью названного конгломерата были мануфактурные рабочие. Вся эта масса, подвергшаяся в ходе процесса ПНК безжалостной *маргинализации,* не была классом и не обладала своей идеологией. Еще в начале XIX в., когда уже возник фабричный пролетариат, он и тогда все еще не имел собственного учения. В то время последователи некоего англичанина Недда Лудда, жившего в XVIII в., прозванные за это *луддитами*, видели корень своих бед в машинах и поэтому ломали их. Во Франции такие прецеденты случались и еще позднее (в Лионе). Отсюда видно, что пролетариат (а что уж говорить о предпролетариате!) долго еще был классом в себе.

3.Особенности духовного развития аграрного общества. Реформация церкви в Европе в раннее новое время, ее истоки и особенности в различных странах.

В начале раннего нового времени сознание широких народных масс, как и в средневековье, было религиозным. Доминирующее положение в обществе, по-прежнему, занимала католическая церковь, которая контролировала все сферы жизни человека. Существовавшие социальные и политические институты были легитимизированы церковью. В глазах подданных король был наделен властью самим Богом. Поэтому восстания при королевском режиме по большей части были направлены не против короля, а против его «плохих» советчиков и чиновников, дворян-притеснителей. Бытовала вера в сверхъестественные способности королей, например, по существовавшей во Франции традиции считалось, что король своим прикосновением может излечивать от скрофулеза (золотухи). Поэтому короли были объектами культа и пользовались широчайшей поддержкой в народе, который, как правило, был настроен промонархически.

Но наряду с официальной религией, как и в средневековье, существовала и *«народная религия»,* тесно связанная с *народной культурой.* Сознание людей, несмотря на их принадлежность к католицизму, было во многом еще пронизано *магизмом* – верой в видения, заклинания, пророчества, черную и белую магию, порчу и т.п., которыми можно было пользоваться для того, чтобы, якобы, добиться урожая или погубить его, наслать болезнь на скот, причинить какой-либо вред человеку (бесплодие, импотенция и пр.), причем способностью к этим занятиям в народном сознании наделялись чаще всего *«ведьмы»*. Отнюдь не исчезла вера в духов, волшебников, троллей, эльфов и т.п. Иначе говоря, человек того периода был подвержен *суевериям*. Причем это следует сказать не только о простых необразованных крестьянах или горожанах, но и о тогдашней интеллигенции. Л. Февр приводит яркий пример того, как один квалифицированный врач XVI в. проводя, выражаясь нашим языком, судебно-медицинскую экспертизу, был удивлен, как это из трупа убитого не начала течь кровь в присутствии предполагаемого убийцы. Ведь этот признак тогда считался самым верным доказательством виновности. А один из виднейших юристов и, так сказать, политологов того времени, впервые обосновавший понятие «государственный суверенитет» и убежденно отстаивавший абсолютизм как наилучшую форму правления, один из оригинальных и могучих умов эпохи, сумевший, между прочим, еще задолго до Гамильтона связать рост дороговизны в Европе с притоком драгоценных металлов из Америки, француз Жан Боден написал труд «Демономания колдунов» - одно из одиозных сочинений эпохи.

Подобные воззрения были тесно связаны с другими проявлениями народной культуры – праздниками урожая, календарными празднествами, карнавалами со всевозможными ряжеными, танцами и т.п., когда имели место и элементы заклинания. Эти праздники оказывали большое влияние на

общественную жизнь. Они противостояли коллективным страхам, вызываемым эпидемиями, голодным годами, войнами, представлениями о кознях дъявола, ожиданием Страшного суда и т.п. Таким образом, они *давали выход социальной напряженности и обеспечивали возможность противостоять превратностям повседневного существования.* Эти праздники со временем стали вызывать все больше недовольства у светской и особенно, духовной, верхушки как своей связью с «язычеством» и «демонизмом», так и тем, что в народной культуре присутствовали элементы насилия и эротики – кулачные и петушиные бои, определенная символика и содержание в песнях, играх и пр. – присущие для многих культур населения мира. Социальные верхи начинают переходить *к активному подавлению народной культуры*, что весьма ярко выразилось в таком знаменитом феномене, который уже упоминался в теме 5, как *преследования «ведьм».* Историография этой интересной и сложной проблемы в основных чертах изложена нами в «Методических заметках по истории», вып. 2 (Армавир, 2000. С.27-37). Отсылая студентов к этой работе, а также целому ряду других новейших публикаций (работы Н. Бессонова, У. Монтера, Р. Мюшембле, сборник «Бич и молот. Охота на ведьм» и др.) заметим, что период наиболее интенсивной «охоты на ведьм» приходится именно на эпоху раннего нового времени, особенно XVI-XVII вв. В эту *переходную эпоху* (а именно так она и понималась современниками, например, тем же Ж. Боденом) поиск ведьм, по существу, превратился в поиск «козла отпущения» *[В качестве такового выступали не только женщины (чаще всего красивые), но и мужчины (причем самых неожиданных профессий, например, демобилизованные солдаты); не только бедняки-маргиналы, но и богатые люди с положением в обществе (бургомистры и др.)]* для людей, которые теряли привычные социальные, жизненные ориентиры, тем более в обстановке резкого роста *эсхатологических настроений*, очередного ожидания конца света. Как писал

замечательный голландский историк и философ Й. Хайзинга: «Призыв «memento mori» *[«Помни о смерти» (лат.)],* пронизывал все ее / этой эпохи – *С.Д.*/ наличное существование». Собственно, сами эти ожидания также не удивительны на переломе времен.

Эсхатологические ожидания, как полагает ряд специалистов, особенно зарубежных, послужили одним из сильных стимулов к *Реформации церкви* (reformatio – лат. преобразование), которая в сложившейся обстановке стала императивом общественного сознания.

Разумеется, это была не единственная (и отнюдь не самая главная) причина Реформации, которая была подготовлена всем предшествующим развитием западноевропейского общества и католической церкви. Кризис церкви и папства, как известно, начался задолго до 1517 г., т.е. выступления М. Лютера со знаменитыми 95 тезисами, от которого и ведет свой отсчет европейская Реформация. Он был связан как с политическими, социальными, так и духовными причинами.

В XIII-XV вв. в Западной Европе происходил процесс возникновения сословно-представительных монархий, что ознаменовало собой начало *политического обособления европейских народов в своих национальных государствах*. С конца XV в., как мы уже выяснили выше, в Европе начал складываться абсолютистский тип монархии, что вывело суверенизацию на более высокий уровень. Возникновение суверенных государств не могло не привести *к обособлению европейских народов в своих национальных церквах, что является выражением культурного обособления,* являющегося необходимой стороной суверенизации. Тем более, что для этого уже существовали необходимые предпосылки, вызревавшие как «сверху», так и «снизу». Так, французская монархия уже с XII-XIII вв. вела политику по созданию такой модели взаимоотношений с папством, которая, не порывая с ним,

привела бы к установлению необходимого контроля французской короны над «своей» церковью, ее землями, доходами, церковным аппаратом, что и удалось ей, в конце концов, осуществить в 1516 гг. (Болонский конкордат). Кроме того, в ряде церковных округов Франции уже с конца XV в. по инициативе монархии шла определенная перестройка католического культа, которая повышала доверие верующих католиков к церкви и священнослужителям. Одновременно, в церковных приходах проявлялась «низовая инициатива» по изменению управления приходом.

В Чехии же, как известно, имел место путь «снизу», который привел к созданию национальной чешской церкви в результате гуситской революции.

Но подготовка Реформации шла не только в политической и организационной, но и в религиозной сфере. Мы уже говорили о деятельности еретических движений средневековья, об учениях *предреформаторов* - Д. Виклифа и Я. Гуса, которые предвосхитили ряд положений, высказанных в XVI в. М. Лютером и другими реформаторами. В теме 5 уже говорилось о том, что после 1000 г. в Западной Европе шел процесс *евангелизации* религиозного сознания масс, для которых теперь все более понятными, доступными и желаемыми становились морально-этические ценности христианства, чуждые ранее как низам, там и верхам населения Западной Европы. Акцент все более делался на *индивидуальное благочестие,* уход от излишнего увлечения внешней стороной католического культа, как в учении знаменитого флорентийского доминиканца Д. Савонаролы (конец XV в.). Показательно, впрочем, то, что последний старался не выходить за пределы официальной церковной доктрины (см. с.59-60).

В идейной подготовке Реформации важную роль сыграло также *гуманистическое движение* эпохи Возрождения – своей борьбой против схоластики как теоретической опоры

католицизма [Схоластика – средневековая философия в Западной Европе XI-XIV вв., стремившаяся дать теоретическое обоснование религиозному мировоззрению. Основная идея ортодоксальной схоластики – «рациональное» обоснование религиозных догм путем применения логических методов доказательства], едкой и острой критикой церковной обрядности, пышного культа, невежества и развращенности духовенства. Гуманизм подготавливал Реформацию разработкой рационалистических методов изучения Священного писания, стремлением дать новое решение коренных социально-этических и политических вопросов, сатирическим высмеиванием сословных предрассудков, социальных пороков того времени, пропагандой патриотических идей (Э. Роттердамский, С. Брант, И. Рейхлин, У. фон Гуттен и др.).

Оба эти крупные явления были вызваны общими причинами, связанными с экономическими предпосылками: разложением феодальных порядков и зарождением элементов раннего капитализма. Оба были связаны с растущим самосознанием личности, высвобождавшейся от засилья корпоративных учреждений и представлений, которое наиболее активно пробуждалось в раннебуржуазной среде, т.е. *индивидуализацией.* Но если гуманизм как движение за новую светскую культуру обращался к наиболее образованной части общества на языке греко-римской древности, то Реформация, ставившая целью обновить на основе Евангелия жизнь каждого христианина, обращалась к широким народным массам на наиболее понятном им языке Священного писания. Гуманисты ограничивали свою деятельность научными трудами и пропагандой новых идей среди интеллигентской элиты, за редким исключением, не стремясь к прямому участию в событиях. *[Исключение составляет У. фон Гуттен – этот «трагический ландскнехт Реформации», один из вождей рыцарского восстания. Показательно высказывание Э. Роттердамского, который писал, что его напрасно упрекают*

в отсутствии смелости. Это было бы, по его мнению, уместно, будь он все тем же германским ландскнехтом. «Но я ученый и для работы мне нужен покой» - заявлял Эразм].

Реформаторы же выступали, практически, в качестве агитаторов, а некоторые из них даже непосредственно утверждали свои идеалы с оружием в руках на поле боя. И хотя Гуманизм и Реформация проявляли себя по-разному, тем не менее, они, наряду с развитием раннекапиталистических отношений и технических достижений послужили важной предпосылкой для того явления, которое Макс Вебер назвал «расколдованием» мира, т.е. его *рационализацией*, переходом от иррациональных способов решения своих проблем к рациональным, научным способам.

Рассмотрим теперь характерные черты Реформации в различных западноевропейских странах. Они зависели от местных условий и исторических особенностей стран. Очень остро протекала Реформация в своем наиболее раннем центре – в *Германии* и прилегающей *Швейцарии.* Здесь она началась как мощное движение «снизу», причем в отличие от Чехии и Нидерландов, разные сословия восставали порознь, и выставляли разные требования, поэтому терпели поражения: рыцари Франца фон Зиккингена, боровшиеся за сильную единую империю, были разбиты войсками католических князей в 1523 г., крестьяне Томаса Мюнцера, мечтавшие об установлении «царства Божия» – в 1525 г. Эти поражения не остановили немецкую Реформацию, но она приобрела уже сугубо княжеский характер. Заинтересованная в секуляризации церковных земель часть немецких князей приняла лютеранство, а затем добилась от рейхстага права определять религию своих подданных. Когда в 1529 г. новый император Карл V приостановил секуляризацию, а рейхстаг отменил свое постановление по вероисповеданию, эти князья заявили протест. Отсюда и пошел термин *«протестанты», «протестантизм»*. Началась борьба между князьями-католиками и князьями-протестантами. После двух

тяжелых войн (1 и 2 Шмалькальденские войны) по условиям Аугсбургского религиозного мира 1555 г. было решено, что каждый германский князь свободен в выборе религии, и эта религия становится государственной в его княжестве (принцип «Чья власть, того и вера»). Германия оказалась разделенной на два враждующих лагеря, конфликт между которыми в начале XVII в. перерос в первую общеевропейскую Тридцатилетнюю войну.

В *Швейцарии* борьба шла между католическими («лесными») и протестантскими («городскими») кантонами, причем на первом этапе городские кантоны во главе с Цюрихом потерпели поражение, а их вождь, видный реформатор, создатель одного из главных протестантских учений, У. Цвингли погиб в бою, как простой солдат (он был полковым капелланом). Затем инициатива в Реформации переходит от Цюриха к Женеве, где на много лет, хотя и не без упорной борьбы, утвердился прозванный «женевским папой» Жан Кальвин – создатель самого боевого протестантского учения (кальвинизма). Женева стала признанным центром, «столицей» европейского протестантизма на длительный период, куда стекались эмигранты из Франции, Англии и др., и откуда они несли учение Кальвина к себе на родину.

В *Англии,* где уже была сильная королевская власть и влиятельный парламент, религиозная Реформация вылилась в борьбу за и против королевского абсолютизма в делах веры. Она началась здесь «сверху», по инициативе короля, поддержанного парламентом. Король был объявлен главой англиканской церкви, которая в отношении вероучения поначалу оставалась по сути католической («Акт о супрематии», 1534). Церковные земли были секуляризированы, а монастыри закрыты. Имущество церкви перешло в собственность сторонников королевской власти. Первый, *королевский этап Реформации* завершился принятием англиканского символа веры («39 статей»), в котором

в компромиссном духе в интересах правящей верхушки были соединены положения католицизма, лютеранства и кальвинизма (1571). На втором этапе Реформация пошла вглубь народных масс. В Англии появились сторонники кальвинизма – самого радикального реформационного вероучения, т.н. *пуритане* (от лат. purus – чистый), которые боролись за очищение вероучения от остатков «папизма» *[Эта кличка была дана сторонникам кальвинизма при дворе Елизаветы I].*

Они делились на умеренных (т.н. *пресвитеритан*, от греч. Presbyteros – старший, старейший), к которым относилась, в основном, крупная буржуазия и джентри, и радикалов, т.н. *индепендентов* (от англ. Independent – независимый) (мелкая и средняя городская буржуазия). Пресвитериане предлагали положить в основу церковного устройства самоуправляющуюся общину верующих, которая возглавляется *консисторией*, в которую входили старейшины-пресвитеры и проповедники. При этом церковь не должна подчиняться королям и епископам. Над церковными общинами должен был стоять общенациональный церковный Синод (либо т.н. *конвокации*). В то же время пресвитериане стремились лояльно относиться к королевской власти, не ссориться с ней. Индепенденты признавали главенство королевской власти в гражданских делах, но требовали ее невмешательства в церковные дела, отстаивали независимость церковных общин, отрицая королевскую супрематию (верховенство). По словам главы английского политического сыска, сэра Уолсингема, индепенденты якобы утверждали, что «их дело восторжествует путем бунта и насилия». В начале XVII в. организации радикальных пуритан были разгромлены. Многие индепенденты впоследствии эмигрировали в Америку. Но дело пуритан не пропало. Английская революция в недалеком будущем прошла именно под знаком пуританского вероучения.

Во *Франции* Реформация началась в 20-30 гг. XVI в. вначале под знаменами лютеранства. Но постепенно здесь

побеждает кальвинизм, который доминирует с 1540-х гг. Реформация во Франции была наиболее сложным движением в Западной Европе. Дело в том, что в обоих лагерях были представлены одни и те же социальные силы – среди католиков и гугенотов (это слово происходит от западно-швейцарского «товарищи по клятве») были и дворяне и буржуазия. Реформация утвердилась, прежде всего, в низших слоя буржуазного класса. Высший слой буржуа (особенно парижских), сохранявший связи с королевской властью, оставался приверженным католицизму. Зачастую для многих участников событий, прежде всего дворян, религия (как католическая, так и протестантская) была знаменем политической борьбы и проявлением неудовлетворенных амбиций. Выделяют гугентов религиозных, и гугенотов политических. Среди последних преобладали дворяне. В то же время, среди знати, особенно Юга, были и убежденные, истовые гугеноты, вроде Жанны д'Альбре, матери будущего короля Франции Генриха IV Бурбона, искренне боровшиеся за торжество своей веры. Крестьянство было затронуто новой религией меньше, чем городские жители, но кальвинизм распространялся и в деревне тем заметнее, чем больше провинции страдали от роста податей. С 1562 г. (а фактически – даже и раньше) начинается эпоха гражданских войн во Франции. При этом кальвинизм получает наибольшее распространение на юге страны, где сильны были сепаратистские тенденции. Впрочем, четко разделить Францию на католический Север и гугенотский Юг невозможно – представители католицизма и кальвинизма во множестве жили по всей стране. Длительная и кровопролитная борьба (чего стоят одни только события печально знаменитой Варфоломеевской ночи!) закончилась взаимным истощением боровшихся сторон и Нантским эдиктом 1598 г., по которому кальвинистское вероисповедание получило

«права гражданства» в королевстве при общем доминировании католицизма.

В *Испании и Австрии* католическая церковь издавна была организатором борьбы христиан против мусульман (мавров или турок), которая к началу XVI в. еще не кончилась: в Испании было много мавров и евреев, которые приняли христианство только для вида, но готовы были восстать, т.е. они рассматривались как внутренние враги; Австрия же противостояла натиску турок-османов, и главные силы общества были направлены именно в это русло. Поэтому в Испании, Португалии и Австрии Реформация не имела успеха: там победили католики и закрепили свою победу учреждением постоянно действующей *инквизиции* и новых монашеских орденов (*иезуиты*, обновленные *францисканцы* и *доминиканцы*), которые имели своей целью пропаганду католической веры среди язычников и иноверных христиан, а также строгий надзор за единомыслием всех католиков. Точно также католики победили в *Италии:* все еще сильный класс феодалов и объединившаяся с ним городская верхушка поддержали Контрреформацию. Симпатии городской буржуазии к католицизму объясняются кризисом раннебуржуазных отношений, начавшимся по социально-экономическим и геополитическим причинам, в связи с чем верхушка городов стала нуждаться в сильной, олигархической власти и тяготеть союзу со старыми классами. Реформация в Италии имела и свои идеологические особенности: в ней возникли собственные религиозно-философские учения, отличные от лютеранства и кальвинизма, имевшие здесь глубокие корни и стремившиеся решать задачи, выходившие уже за рамки собственно реформационного движения. Движение здесь, как и в Германии и Швейцарии, носило антифеодальный характер, и было затяжным. Здесь инквизиция больше занималась преследованием *свободы мысли и слова* итальянцев, которая широко

распространились в эпоху Возрождения *[Яркими примерами свободы мысли служат взгляды Джузеппе Чезаре Ванини и Джордано Бруно. Первый подвергал сомнению божественность Иисуса, бессмертие души, отождествлял Бога с природой. Что же касается Д. Бруно, то он говорил о единстве и бесконечности Вселенной, множественности миров и т.п., цель познания видел в постижении законов природы и был близок к атеизму].*

Напротив, в странах *Северной Европы*, которые прежде не имели тесных связей с Римом, Реформация победила быстро и легко; там образовались национальные церкви лютеранского или кальвинистского направления.

В *Нидерландах* же победа Реформации имела наиболее знаковый характер. Ее удалось достигнуть лишь на севере, в Голландии. На юге и в центре Нидерландов победили сторонники испанской монархии, чьей колонией были Нидерланды. Но, если в Германии, где имела место *первая буржуазная революция* в форме Реформации и Крестьянской войны, революционно-реформаторские силы потерпели поражение, то в Голландии осуществилась *первая в мире победоносная буржуазная революция,* прошедшая под флагом кальвинизма, где возникла Республика Соединенных провинций. Об особенностях этих революций мы поговорим попозже, а сейчас настало время остановиться на главных реформационных учениях – М. Лютера, У. Цвингли, Ж. Кальвина, а также затронуть и революционное учение Т. Мюнцера, без чего понимание реформационных процессов было бы явно неполным.

4.Реформационные учения М. Лютера, У. Цвингли, Ж. Кальвина, их социальная сущность и связь с раннебуржуазными революциями.

Прежде, чем обратиться к содержанию этих учений, необходимо в общих чертах охарактеризовать их духовные и социальные истоки, конкретизируя высказанные выше

положения о корнях Реформации, как религиозного и общественно-политического движения.

Развитие раннебуржуазных отношений подталкивало систему общественных ценностей к переменам, к их переоценке, к возникновению нового взгляда на взаимоотношения человека и Бога, на мораль, труд, отношение к обогащению и т.п. Ранняя буржуазия, а также гуманистическая интеллигенция чувствовали себя дискомфортно в меняющейся обстановке.

С одной стороны, буржуа стремились к обогащению, к успеху, самоутверждению. Они быстрее, чем все другие слои общества, расставались со средневековыми предрассудками, путешествуя по всему миру, рискуя, преодолевая большие трудности, нередко терпя убытки, но, будучи не в состоянии обойтись без своих занятий, которые давали необходимый им адреналин и смысл жизни. Тем самым, деловые люди, эти «экстремалы от бизнеса» утверждали свой индивидуализм, учась рационально вести дела и также стремясь относиться теперь и к жизни в целом.

С другой стороны, их активность наталкивалась на церковную мораль, официально осуждавшую обогащение, трактовавшую его как стяжательство, как грех гордыни. В торговце и банкире церковь по-прежнему хотела видеть мошенника. Да разве только церковь! Резко отрицательно относились к тогдашнему «предпринимателю» гуманисты и даже реформаторы *[У Эразма Роттердамского в его знаменитой «Похвале Глупости» читаем: «Но глупее и гаже всех купеческая порода, ибо купцы ставят себе самую гнусную цель и достигают ее наигнуснейшими средствами: вечно лгут, божатся, воруют, жульничают, надувают и при всем том мнят себя первыми людьми в мире потому только, что пальцы их украшены золотыми перстнями» (Ротердамский Э. Похвала глупости. – Калининград, 1995. С.105). К слову сказать, этот обобщенный портрет купечества XVI в.*

удивительно напоминает их современных российских собратьев!].

В связи с этим многие купцы и финансисты испытывали «комплекс неполноценности», приобретая состояние, и завещали его в конце жизни церкви или тем, за счет кого оно было нажито (см. материалы к теме 7). Творя свои замечательные произведения, даже такие гении, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Бенвенуто Челлини и подобные им мучились тем, что их творческие искания, сомнения, переживания - «не от Бога», что они якобы имеют «темную природу». Нередко у людей эпохи Ренессанса появлялось желание оставить свою творческую работу и замолить ее, удалившись в монастырь. Кроме того, в обстановке роста эсхатологических, апокалиптических ожиданий, раздавались проповеди, часто исходившие из крестьянско-плебейской среды, в которых страстно осуждалось «служение маммоне», т.е. богатству в духе Евангелия от Матфея (6:24). Под этим простой люд подразумевал не только стремление феодалов к обогащению, но и торговлю, банки и предпринимательскую деятельность. Эти проповеди необходимо понимать как следствие того тяжелого впечатления, которое производило *меркантильное разложение патриархальных порядков*, сопровождавшееся ростом насилия, обманов и продажности. Оно подогревало апокалиптические настроения.

Эти причины заставляли предпринимателя испытывать внутреннюю, неосознанную до конца потребность в *новой «хозяйственной этике»,* которая бы придала моральные основания его занятиям, узаконила бы в глазах общественного мнения деятельность «бизнесмена».

С другой стороны, не будем забывать и об упоминавшемся выше процессе «евангелизации» рядовых христианских масс, нуждавшихся в утверждении истин Священного писания в культовой и общественной практике не только на словах, но и на деле. В начале XVI в. в Германии, например, была популярна

книга Г. Биля «Изъяснение мессы», в которой говорилось, что всякая церковная церемония действенна лишь в том случае, если священнослужитель, который ее исполняет, чист от греха и исполнен любви к прихожанам и веры в божественное милосердие.

Однако ситуация в католической Церкви в целом была далека от того, чтобы откликнуться на духовные и социальные запросы верующих. В отличие от взгляда Биля, в церковной литературе господствовало мнение, что церковные обряды обладают магической силой, нимало не зависящей от внутреннего состояния и образа мыслей совершающего их священнослужителя. Прежде всего, речь идет о семи церковных таинствах: крещении, причащении, покаянии, браке, елеосвящении, священстве, соборовании. На участвующего в них христианина нисходит благодать – магическая спасительная сила, исходящая от Бога. Именно и только благодаря ей верующий может спастись, т.е. искупить свои грехи и избежать ада. Таким образом, христианину нужно было для спасения своей души участвовать в церковных обрядах, приобщаться к священным таинствам, а также творить богоугодные дела. Только так он, согласно учению католической церкви, мог удовлетворить свои сотериологические упования *[Сотериология (от греч. Soterion – спасение и logos – учение) – церковное учение о спасении, понимаемом как обретение праведниками «вечного блаженства» в загробном мире].* Одним из таких дел была купля индульгенций.

При этом с конца XV в. церковь, играя на чувствах верующих, их страхе перед адом и чистилищем, приступила к широкой торговле такой разновидностью индульгенций как *разрешительные грамоты*, которые продавались не только самому покупателю, но и для его умерших родственников; ими можно было запасаться и впрок, под новые, еще не совершенные грехи. Церковь руководствовалась в своих действиях учением французского доминиканца XIII в. Гуго Шерского, которое было

«доработано» в XIV-XV вв., относительно того, что существует, якобы, «сокровищница» заслуг, «избыточных добрых дел», накопленных Христом и святыми, частичку из которой можно приобрести вместе с индульгенцией и тем самым, искупить любой тяжкий грех. При этом, как известно, существовала шкала такс за разнообразные преступления, причем преступления против церкви (убийство священника, святотатство, колдовство) шли по самой высокой цене. Но такой подход вел к тому, что в деле отпущения грехов происходила самая настоящая *дискриминация*, которая была, фактически, направлена против бедняков, ибо они не могли приобрести себе прощение по существующим запредельным для них ценам на индульгенции. Тем самым попирался евангельский принцип «блаженны нищие духом», т.е. бедняки, «ибо их есть Царство Небесное» (Матф., 5:3). Продавцы индульгенций, например, доминиканец Иоганн Тецель, деятельность которого и побудила Лютера к выступлению, цинично заявляли покупателям: «Едва только твои деньги звякнут в моей кассе, и душа твоего грешного папаши тотчас выпорхнет из чистилища». Сама же организация продажи индульгенций порой напоминала *откупную систему*, применявшуюся при сборе налогов или на таможнях, когда архиепископы покупали себе право на продажу индульгенций, и потом выколачивали из мирян и внесенную в папскую казну сумму, и проценты.

Эти и подобные «коммерческие» подходы папства к отпущению грехов давно вызывали возмущение даже среди высшего католического духовенства, даже, например, на знаменитом Констанцком соборе, осудившем на смерть Яна Гуса. И вот, наконец, 31 октября 1517 г. с 95 тезисами против индульгенций в Виттенберге выступил доктор богословия Мартин Лютер. Иногда можно прочитать, что уже в этом документе даны основные положения учения Лютера, которые опровергают догматику католицизма. Это не так. Он выступил

тогда лишь с критикой *той практики отпущения грехов*, которая сложилась в католической церкви в связи с продажей индульгенций.

Лютер исходил из учения блаженного Августина, согласно которому Бог – это сверхъестественная сила, которая не связана никаким законом и по своему произволу определяет участь людей к спасению или проклятию, причем человек уже от века принадлежит к спасенным, либо к проклятым, и основания для такого выбора неизвестны. Но раз так, то перед ним не стоит задача спасения в привычном католическом смысле слова. Людям остается лишь удостовериться, к чему предопределен каждый из них. Впоследствии эту важную, основополагающую мысль мы увидим у Цвингли, но особенно у Кальвина, у которого она приобрела центральное значение.

В тезисах Лютер высказал мысль о том, что *подлинное покаяние длится всю жизнь,* а не совершается по требованию заезжего попа, торгующего индульгенциями. Раз участь человека предопределена от начала времен самим Богом, то *ни от каких небесных кар церковь освободить не может*. Папа вправе простить христианину нарушение своих постановлений, *но не нарушение Божьих требований*. Папа также может молиться за тех грешников, что находятся в чистилище, *но будут ли эти молитвы услышаны Богом, никто не знает*. Если и есть «сокровище заслуг», накопленных Христом и святыми, то его частица достается грешнику *не по милости папы*. Тем же, кто уверен, что индульгенции дают гарантию небесного оправдания, грозит вечное проклятие, которое падет и на тех, кто этому учит. Путь к спасению лежит через *чистосердечное раскаяние и терпение* (см. приложение к теме 9, с.163-177).

Вопреки желанию автора, тезисы Лютера получили широкое распространение и сыграли роль возбудителя массового протеста, поскольку раздробленная Германия более других стран страдала от папских поборов. В чем же причина

такого внимания к этому документу, подобных которому в Германии того времени, в принципе, было довольно много? Дело в том, что тезисы содержали в себе дерзкую мысль *о неправомерности всех наказаний и поборов, которые церковь налагала и продолжает налагать от имени оскорбленного Бога.* Если до него доходит только раскаяние грешников, если он не требует от человека никаких искуплений и жертв, *значит все, что церковь взыскала с мирян в течение веков в качестве епитимий (покаянных тягот и страданий: самобичевание, пост от 3 до 7 лет), сатисфакций (покаянных благодеяний) и т.п., присвоено ей не по божественному праву; богатства церкви нажиты ею не по Писанию.*

Эта мысль пролагала дорогу к дальнейшим теоретическим исканиям Лютера. При этом было бы ошибочно полагать, что он сознательно стремился создать некое «раннекапиталистическое учение». Как писал о нем Л. Февр, Лютер - это яростный антифинансист, антибанкир, *антикапиталист*, испытывая, как и все верующие того времени, «страх божий», подобно другим реформаторам, прежде всего, был движим сотериологическими мотивами, хотел установить *для себя* праведные отношения с Богом, трудно, даже мучительно искал их и нашел. И они оказались созвучны многим людям той эпохи, которые впоследствии часто перетолковывали его учение в соответствии со своими взглядами.

Краеугольной мыслью в рассуждениях Лютера являются высказывания ап. Павла: *«Праведный верою жив будет»* (Рим., 1:17) и более подробно: *«Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил его из мертвых, то спасешься»* (Рим., 10:9). Отталкиваясь от них, Лютер приходит к выводу, что для оправдания, спасения (а именно оно было главной целью верующего в будущей потусторонней жизни!) не нужно никаких «добрых дел». Душа оправдывается только верой в

искупительную жертву Христа. Это и было одним из главных тезисов Лютера - ***тезисом об оправдании верой***. Но почему достаточно лишь одной веры для оправдания? Ведь в те времена, казалось бы, не было неверующих, следовательно, все могли спастись. Однако по Лютеру, верующий человек – это *нравственный, праведный человек*, во всяком случае, человек *совестливый. Нравственность – это качественное состояние истинно верующего человека,* который не будет творить преступления, замаливая их потом покупкой «разрешительных грамот», чтобы «откупиться» от Бога («Закон положен не для праведника» (I Тим. 1, 9). Таким образом, в этой мысли Лютера воплотилось указанное нами ранее развитие менталитета средневекового человека по пути *евангелизации*, по пути обретения истинных нравственных ценностей.

Иными словами, вера позволяла обращаться человеку непосредственно к Богу, причем душа приобщалась к слову Божьему через Священное писание, особенно через Евангелие. Отсюда исходит и второй лютеровский догмат – в ***Священном писании заключается единственный источник веры***. Но раз так, то отвергалось в качестве непогрешимой истины так называемое *священное предание,* патристика, сочинения раннехристианских писателей, т.н. отцов церкви, постановления церковных соборов, папские буллы. Все это объявлялось Лютером творением людей, отнюдь не обладавших непогрешимостью, как учила католическая догма. Он нанес сокрушительный удар по традиционным авторитетам католицизма, на которые в большей степени, чем даже на Священное писание, опиралась западная церковь. Лютер признавал только то, что не противоречило Священному писанию. Им отвергалась вся внешняя сторона католического богослужения, т.е. поклонение святым, почитание икон, коленопреклонение, осенение крестом, церковная атрибутика и пр. Для того чтобы верующие могли свободно обратиться к

Слову Божьему, М. Лютер приступил к переводу Священного писания на немецкий язык. Перевод Лютера имел настолько большое значение, что послужил впоследствии основой немецкого литературного языка.

Лютер выдвинул положение о том, что поскольку Христос за всех людей пролил кровь на кресте, поскольку у всех христиан одно Крещение, одно Евангелие, одна вера, то все они являются *христианами в равной степени*. «Все мы посредством Крещения посвящаемся во священники, как свидетельствует святой Петр» (I Пет.2). Таким образом, он проповедовал идею *всеобщего священства* («в случае необходимости *каждому* дозволено крестить и отпускать грехи»). Все духовные и светские лица, по Лютеру, не имеют никаких отличий кроме службы или занятия. По своему же достоинству (читай - знатности – *Авт*.) они не различаются, потому, что принадлежат к духовному сословию». Отсюда вытекал и *принцип выборности священника*, которого назначала и содержала община. Таким образом, в учении Лютера воплотились чаяния средневекового бюргерства, недовольного неравенством между духовенством и мирянами. Его идеи вели к устранению церковной иерархии, церковного феодализма, всего того, что в церкви было дорогостоящим, и, в конечном счете, – к установлению нового общественного порядка, ибо ликвидация прежнего церковного устройства фактически должна была вести и к изменению в социальном строе.

Однако сам Лютер не хотел таких перемен. Его «евангельский метод» пришел в противоречие с социальными воззрениями реформатора. Лютер был приверженцем старой средневековой модели общественного устройства, сторонником теории трех сословий, каждому из которых предопределено особое занятие. Лютер придерживался идей немецкого мистика XV в. Таулера, который писал о внутреннем и внешнем человеке. Внутренний, духовный человек у Лютера – это человек

нравственный, праведный, бескорыстно служащий Богу, свободно обращающийся к нему безо всяких посредников. *[Единственным посредником, по сути, мог быть только Иисус Христос («Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеком, человек Иисус Христос» (I Тим., 2, 5)].*

Внешний же, светский человек во имя служения Богу живет для всех людей на земле, он служит ближним своим по примеру Бога. «Христианин живет не в себе самом, но во Христе и ближнем своем». Но с учетом социальных воззрений Лютера эта служба другим людям воплощалась в повиновении власть предержащим: «Христиане должны быть покорны властям и исполнять любое дело… чтобы в свободе Духа они… служили другим, в том числе и властям, и повиновались их воле добровольно и из любви» (курсив наш - *Авт*.). Борьбу против папского Рима, по его мнению, должны были возглавить князья, которые только и могли остановить разграбление Германии, осуществлявшееся с помощью церковных поборов. Лютер отстаивал идею верховенства светской власти над духовной (Иисус – Пилату: «Царство мое не от мира сего»). Народное же неповиновение Лютер решительно осуждал, к простым крестьянам относился противоречиво, то сочувствовал им, то с пренебрежением называл народ «Herr Omnis“ – «господин Всякий, Каждый», а когда восставшие крестьяне были разгромлены, он открыто признался в своем духовном соучастии в их поражении и геноциде («Я, Мартин Лютер, убил всех погибших в восстании крестьян, потому что приказывал убивать их. Кровь их да падет на мою голову! Но я сделал это потому, что Господь приказал мне так говорить») *[Более подробно о взглядах Лютера по этим вопросам см.: Дударев С.Л. Методические заметки по истории. Вып.1. – Армавир, 1998. С.5-10].*

Антикрестьянские выступления Лютера легли позорным пятном на его имя. Но это был и позор сословия, интересы которого Лютер выражал. Его грубость и резкость объективно

соответствовали робости немецких бюргеров, которые гораздо больше пеклись о сохранении уже достигнутых результатов раннебуржуазной предприимчивости, чем о завоевании политических условий, обеспечивающих ее беспрепятственное развитие.

Таким образом, реформация, к которой звал Лютер, вела в феодальной Германии к княжеской Реформации, вождем которой он, в конце концов, и стал. Еще на Вормском соборе в 1521 г. Мартин Лютер понял, что реформация невозможна без поддержки немецких князей. Князья оказались единственной силой, способной защитить протестантское бюргерство от католической расправы, угроза которой делалась все более реальной. Лютер всеми силами пытался с помощью князей провести буржуазно-умеренную Реформацию "сверху". Лютер-теолог не мог больше сделать ни шага, не оглядываясь на политические интересы господ-покровителей реформаторского движения. Он надеялся также, что, получив от протестантства санкцию на секуляризацию духовных владений, князья со своей стороны помогут его религиозной партии осуществить ее программу: изучение народом Евангелия, принятие суровых меры против суеверий, пьянства и лени, поддержка школ и университетов, пресечение злоупотреблений ростовщиков и т.д. После крестьянской войны - Лютер выступает как преданный политический советник князей-протестантов, но отнюдь не марионетка. Лютер стремится к развитию среднего бюргерства под крылом князей. Даже в служении феодальным покровителям протестантства Лютер оставался бюргерским религиозным идеологом, непримиримым к упадочной беспринципности княжеского сословия.

Его реформация была ограниченной, половинчатой и привела к утверждению *княжеского, регионального абсолютизма*, потому что теперь князья стали определять и религию своих подданных. Хотя религиозный протестантский

культ стал намного проще и дешевле, церковное устройство не было упразднено последователями Лютера до конца, а из таинств, все же, они оставили крещение и причащение. Почему? Устранить церковь и таинства полностью означало – открыть дорогу крушению всех общественных устоев, и, в конечном счете, революции. А Лютер (и его единомышленники), как ясно из сказанного, был ее врагом.

Но что же в учении Лютера, этого антифинансиста и антикапиталиста, все же было такого, что делало его привлекательным не только для полу средневековых бюргеров, но и носителей более продвинутых, уже раннекапиталистических отношений? Дело здесь не только в устранении разницы между клириками и мирянами, монашества, дороговизны церковного культа и т.п. Ко всему этому уже давно призывали средневековые еретики. Во-первых, каждый должен *терпеть,* как терпел на кресте Христос, который *выстрадал* свое воскресенье. Но ведь тому же традиционно учила и католическая церковь. Так в чем же дело?

Из учения Лютера проистекало, что хотя благодать от Бога, но это не значит, что ее *можно ждать в бездействии*. Благодать обретают тогда, когда возлагают на себя *крест дела*, и притом не ради «выработки заслуг», а ради того, чтобы *«шлифовать себя этим камнем».* Благодать нисходит на того, *кто ее выстрадал, кто прошел свой путь в тяжких и даже вызывающих отчаяние трудах.* Лютер утверждал, что истинное средство быть угодным Богу не в том, чтобы удалиться от мира, затворившись в монастыре, а в том, чтобы исполнять свой долг на Земле, пребывая на своем месте, в своей профессии, там, куда сам Бог поместил нас. В лютеровском переводе Библии впервые появляется слово **„Beruf“** – должность, призвание (профессия). **Каждый должен заниматься своим делом – заявил горняцкий сын Лютер**. *Каждый человек должен побеждать свое нравственное несовершенство, преодолевать свою греховность*

в постоянном и упорном труде, переделывать себя в работе на общество. Так труд из Божьего наказания (за первородный грех) стал превращаться в *угодное Богу призвание*.

Во-вторых, поскольку человек теперь обращался к Богу непосредственно, минуя церковь и святых-защитников, он учился гораздо большей, чем прежде *личной ответственности* за свои поступки. Культура Возрождения утверждала независимость и самоценность личности. Но не она, тем не менее, сформировала *предпринимателя*, а протестантизм, который способствовал воспитанию характера. Бог из внешней опоры, какой он был для католика, превращается во внутреннюю опору и позволяет преодолевать все драмы своей жизни и обрести спасение. *Протестантизм выступил как религия автономного человека, требующая инициативы и ответственности.* Именно эти мотивы лютеранства и привлекали к нему массы бюргеров, и тех, кто шел по пути превращения в капиталистических предпринимателей, кто сколачивал капитал не путем разнузданного и легкого грабежа сокровищ, а повседневной работой в своей мастерской, в забое, в поле, откладывая день за днем пфенниг за пфеннигом, пенни за пенни и т.п., экономя на куске хлеба, ограничивая себя во всем на пути к трудному успеху. **Лютер фактически возвышал труд тех, кто шел к своему скромному процветанию путем нелегких личных усилий.**

Антиподом Лютера в Германии был Томас Мюнцер, глава *крестьянско-плебейского лагеря* в немецкой Реформации. Первоначально он был сторонником Лютера, причем к некоторым его идеям он пришел самостоятельно (например, к той, что Священное писание является единственным источником веры). Но после перехода Лютера на сторону князей Мюнцер формулирует собственное понимание Реформации, и они с Лютером становятся непримиримыми врагами. В отличие от Лютера Мюнцер не делил человека на внешнего и внутреннего и

не видел разницы между областью веры и областью общественных отношений. Он требовал деятельного проявления веры не внутренним, а внешним человеком, т.е. членом общества. Вера, по Мюнцеру, это не пассивный акт созерцания, а активная деятельность, заключающаяся в подавлении всех эгоистических наклонностей и тех политических и социальных учреждений, которые охраняют частные интересы в ущерб общим. *Верит, следовательно, лишь тот, кто живет ради общего блага и общей выгоды, тот же, кто живет эгоистическими интересами – безбожник.* Мюнцер пришел к выдающемуся для того времени выводу, что причина раскола общества таится в *феодальных отношениях собственности* («Главная причина ростовщичества, воровства и разбоя – наши господа и князья! Они захватывают себе, что вздумается: рыбу в воде, птицу в воздухе, растения на земле… Господа сами виноваты, что бедный человек становится их врагом»).Он проповедовал веру, как *принцип справедливого общественного устройства,* которое он именовал «царством Божьим». При этом Мюнцер отстаивал идею *народного суверенитета*: «Власть должна быть отдана простому народу».

Тем не менее, у Мюнцера не было четкой социальной программы и определенных взглядов на экономические отношения после того, как «царство Божие» будет установлено. Он, якобы, заявил на допросе: «Все общее… Каждому выделялось бы по его нуждам». Но на самом деле, он лишь озвучивал требования членов Альштедтского союза восставших: «Это было их требованием – все суть общее». В своих же проповедях он призывал к отказу от предметов роскоши и денег, «ибо если вы дорожите этими вещами, Божий дух не будет с вами». Более того, благочестивый человек должен отказаться «от своей плоти, имущества, дома и двора, жены и детей, отца и матери, словом от всего мира». В этом Мюнцер следовал традиционным евангельским установкам. Его не интересовали

ближайшие социальные цели или конкретные преобразования социальных отношений. Мюнцера волновала задача более глобальная: окончательное освобождение от всяческих притеснений путем устранения человеческого господства и установления царства Божия. Он не уставал указывать на вселенские, апокалиптические, божественные масштабы борьбы: «Это борьба не ваша, но Господа Бога!» Борьба же за ближайшие социальные цели, к которым стремились многие крестьяне (например, в «12 статьях»), представлялась Мюнцеру *своекорыстием.* Незадолго до Крестьянской войны Мюнцер сказал: «Народ станет свободным, и Бог один будет над ним господином». При такой постановке вопроса особое требование общности имущества, земных благ и т.п., не имело значения. В Царстве Божием, к которому он стремился, все должно было само собой гармонизироваться. Только после поражения под Франкенхаузеном Мюнцеру стало ясно, что народ не созрел еще для выполнения Божьего завета, и он в своем прощальном послании призывал отказаться от «этого бунтовского и своекорыстного возмущения». По сути дела, он осознал *утопизм* своих намерений. В то же время, то к чему звал Мюнцер, т.е. социальная справедливость, равенство – эти ценности не потеряли своего значения и сейчас.

Учения же Лютера, и другого реформатора, имевшего с ним немало общего, У. Цвингли в Швейцарии, гораздо больше соответствовали реальным условиям и обстановке того времени.

Как и Лютер, Ульрих Цвингли опирался на авторитет Священного писания и отвергал «священное предание», резко критиковал схоластическое богословие, исповедовал принципы «оправдания верой» и «всеобщего священства», отвергал церковную иерархию, поклонение святым мощам, иконам и т.п. В то же время, он отвергал католические обряды и атрибутику (пение, музыку и т.п.) последовательнее Лютера и более четко проводил в жизнь идею «дешевой церкви», отвергая все то, что

не подтверждалось Священным писанием. У Цвингли мы находим идею Божественного предопределения, получившую затем последовательное и всестороннее развитие у Кальвина.

Между ним и Лютером наметились определенные богословские различия, которые выразились в диспуте между ними, где основным вопросом была различная трактовка таинства причастия. Общей точки зрения найти не удалось и Лютер со всей присущей его натуре страстностью, ополчился против швейцарского реформатора. По-видимому, дело было не только в богословских тонкостях. Цвингли был решительным сторонником *республиканизма, обличителем тирании монархов и князей,* Лютер же был «княжеским» реформатором. Цвингли считал, что Евангелие не направлено против власти, напротив – оно служит ее укреплению, наставляет народ на путь истинный, но до тех пор, «пока власть действует по-христиански», т.е. не вступает в конфликт с требованиями евангелизма. Правительства, не соблюдающие этого установления, согласно Цвингли, могут быть смещены, но не путем восстания, а на основе единодушного согласия всего народа. Покорность тиранам Цвингли рассматривал как грех перед Богом. Он отражал интересы мелких и средних собственников, осуждая ростовщичество и монополии. Цвингли считал, что богатство - милость Божья, все должны трудиться, выполнять повинности и даже выплачивать проценты, не пьянствовать, а молиться. Цвингли порицал крепостничество, но радикальные тенденции его учения имели свои границы: он резко осуждал покушения на собственность и утверждал, что обобществление имуществ есть нарушение заповеди «не укради». В отличие от Лютера, который разграничивал духовную и светскую сферы, Цвингли признавал роль «божественной справедливости» и в мирской жизни, и как мы видели выше, возможность, а в определенных условиях и необходимость социальных и политических перемен. В то же

время, признавая роль народа, обязанность осуществлять перемены Цвингли все же возлагал на светскую власть.

В цвинглианской общине священники избирались верующими. Жизнь общины и ее нравы строго регламентировались в духе Ветхого Завета. Община тесно взаимодействовала с выборным городским магистратом. Политический строй в Цюрихе приобретал *теократический характер*, предвещая будущее устройство Женевы при Кальвине. В целом цвинглианство носило более радикальный характер, чем лютеранство, находясь, так сказать, «левее» от него, но вместе с тем, также представляло собой разновидность *умеренно-бюргерской доктрины*.

Создателем же наиболее последовательного реформационного учения, которое послужило идеологической основой двух раннебуржуазных революций – Нидерландской и Английской – был Жан Кальвин (Ковэ´н), прибывший в Женеву в 1536 г. в числе французских эмигрантов, связанных с Реформацией. Его учение, изложенное в основном богословском произведении Кальвина «Наставление в христианской вере», является самым всеобъемлющим и вместе с тем, самым кратким и стройным изложением основ протестантизма.

Прежде всего, нужно остановиться на тех этических взглядах Кальвина, которым в советское время не уделялось никакого внимания в преподавании истории средних веков. Благодаря этому Кальвин в отечественной учебной литературе представал исключительно как оправдатель всех мерзостей первоначального капиталистического накопления. На самом же деле все гораздо сложнее.

Прежде всего, Кальвин прекрасно понимал несовершенство человеческой природы, (на это указано и в Новом Завете: "Как написано "нет праведного ни одного" /Рим. 3:10/) и отнюдь не требовал немедленного претворения евангельских норм в жизнь каждым человеком. *Однако следует день за днем и шаг за*

шагом совершенствовать себя и тем самым приближаться к Богу. Ведь "истинная вера образуется не вдруг, но закладывается, прирастает и совершенствуется, пока не завершится смертью". Христианин принадлежит не себе, а Господу, и необходимо, чтобы "человек жил не сам, а сострадая, вместил бы в себя Христа", жил, подражая ему. Именно самоотречение, сострадание, смирение гордыни и похотей приближают человека к идеалу Евангелия. Законченное совершенство предполагает достижение неразрывного соединения трех добродетелей: воздержания, справедливости в общении с ближними и благочестия.

Перед нами, по сути дела, "неизвестный" Кальвин, точнее неизвестный кальвинистский идеал, который прежде сводился к утверждению своей избранности, притом фактически любой ценой. С другой стороны, такие взгляды вполне типичны для христианского мировоззрения средних веков. Так что же здесь было отличающегося от католицизма (и по-особому актуально звучащего в наши дни)? Дело в том, что приближение к идеалам Евангелия отнюдь не является уделом лишь монашествующих, а тесно связано *с жизнью в миру.* Вера у Кальвина (как и у Лютера и Ф. Кемпийского – начало XV в.) – это *внутреннее состояние человека*. Верующий человек последовательно, убежденно и повседневно переделывает себя "по Христу", а не следует лишь одному внешнему благочестию, как было принято среди рядовых масс католиков. Кальвин придавал большое значение словам Христа о наступлении Царства Божьего *["Не придет Царство Божие приметным образом, И не скажут: "вот, оно здесь", или: "вот, там". Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть"/Лук. 17:20,21/].*

Таким образом, Царство Божие нужно создать прежде всего ***у себя в душе***. Нравственность, как и в учении М. Лютера, должна быть внутренним состоянием верующего человека. В то же время, святость заключается не в отказе от земных благ, а в пользовании многообразными дарами земного бытия при

условии воспитания в себе *евангельского чувства меры*, умения противостоять излишествам, быть сдержанным, в бедности – терпеливым. Нужда не является мерилом христианской жизни, в ней должно быть место радости и удовольствиям, *христианин имеет право наслаждаться созданными самим Богом земными благами,* но наслаждение и стремление к нему - это не самоцель. В качестве самоцели они – вред. Запомним эту мысль Кальвина.

Основным положением кальвинизма является догмат об *абсолютном предопределении или избрании*. Согласно ему, участь человека в загробной жизни изначально предопределена Богом (мысль, идущая от Августина Блаженного, заметно повлиявшая ранее на Лютера и Цвингли). Никакими личными усилиями, ни с помощью церкви верующий не в состоянии изменить вынесенный ему приговор. Одним это «божье избрание» дарует спасение и райское блаженство, другие обречены на вечные муки ада. Основания этого избрания неизвестны, как неизвестна загробная судьба каждого верующего в отдельности. Тот, кто избран Богом, уже не может отпасть от благодати. С другой стороны, отверженному уже не помогут никакие добрые дела, чтобы умилостивить Всевышнего (в этом же направлении рассуждал и Лютер). В отличие от Лютера Кальвин не побоялся придти к заключению, что «избранных» - меньшинство, а осужденных – большинство. Казалось бы, такая постановка вопроса должна была бы порождать фатализм и пассивность верующего. Но Кальвин одновременно сделал подвижки в формулировании той самой *новой хозяйственной этики*, в которой так нуждался формирующийся буржуа. Подхватывая мысль Лютера о том, что труд – это призвание, и идя дальше него, Кальвин уточняет: заниматься своим ремеслом, выполнять на Земле свои профессиональные обязанности – это долг, основной долг человека. Цель существования во Вселенной – свидетельствовать о славе Господней. А Бог любит труды. Выполнять свои

профессиональные обязанности – значит, служить общему благу и одновременно славе Божьей. Отсутствие у человека профессии означает, что он не выполняет своего божественного предназначения. Тот, кто трудится, тот зарабатывает, тот богатеет или имеет шанс разбогатеть. Так как же теперь относиться к богатству и тому, что оно дает возможность получать - наслаждениям? Если богатство влечет за собой праздность, если наслаждения - самоцель, то такое богатство достойно проклятия. Но если человек трудится не ради одних лишь презренных радостей плоти и греха, а чтобы исполнить всемогущую волю Господа на своем месте и в своей профессии, ведомый его рукою, то осуждать такое богатство нельзя.

Последователями же Кальвина, прежде всего пуританами, было сформулировано учение о *земном призвании*. Его суть была подвергнута всестороннему изучению М. Вебером. Он отмечал, что не труд как таковой, а лишь рациональная деятельность в рамках своей профессии угодна Богу. В пуританском учении о профессиональном призвании акцент делается всегда на методическом характере профессиональной аскезы. Такой акцент на рациональной деятельности (которого не было у Лютера) объясняется тем, что *верующий в каждом событии своей жизни, в особенности профессиональной, усматривает знаки божественного предначертания, возможность оценить свои шансы на избранность и спасенность.*

Лютеранская концепция Beruf лишь уничтожила примат аскетического долга над мирскими обязанностями, но она не была враждебна проповеди послушания по отношению к властям и пассивного принятия данной житейской обстановки. Только кальвинизм и пуританство покончили с остатками традиционализма в толковании понятия Beruf и создали такую его концепцию, которая и послужили религиозной основой капиталистической психологии и идеологии. Но нужно еще раз оговориться – как и Лютер, Кальвин и его последователи не

стремились к «пробуждению капиталистического духа», сознательному созданию учения, которое бы оправдывало капитализм. «Исходным пунктом их жизни и деятельности было спасение души. Их этические цели и практические результаты их учения всецело коренились именно в этом исходном пункте и были лишь следствиями чисто религиозных мотивов» (М. Вебер).

Особое нравственное значение для протестанта имеет *доход,* приносимый его деятельностью. У верующего нет возможности узнать о своей загробной судьбе иначе, чем из результатов профессиональной деятельности. Если в делах ему сопутствует успех, значит, он избран к спасению, если нет – то все равно надо исполнять религиозный долг по преобразованию мира и служению Богу. Как подчеркивает Вебер, доходность профессии, наряду с ее полезностью, является важнейшим критерием ее престижа, поскольку *именно уровень дохода говорит об избранности* и одновременно дает возможность больше сделать, эффективнее служить Богу. Как считали пуритане, собственность – это «божий дар» и если Бог наделил соседа большим «даром», то не следует завидовать ему. Зажиточность и богатство рассматривались пуританами как «внешний знак божественной избранности».

Как обращение к Богу в молитве не может иметь конца, так и служение Ему в миру не знает предела. Поэтому профессиональная деятельность протестанта не может прекратиться. Протестант-предприниматель не может остановиться на достигнутом, удовлетвориться накопленным капиталом, он должен распоряжаться данным Богом богатством, но исключительно ради приумножения славы Божьей, а не для удовлетворения собственных потребностей. Пуританин обогащается как бы помимо своей воли. Ему нельзя было наслаждаться жизнью, поэтому приходилось инвестировать. Протестантская, особенно пуританская, этика, как мы увидим

ниже, отличается строгим аскетизмом и проповедует скромность в быту, отказ от роскоши и развлечений во имя подчинения всех сил, средств и помыслов служению Богу. *Иначе говоря, кальвинизм не уводил верующего от земных дел, не принижал их в его глазах, а наоборот, превращал мирские дела в мирское призвание, в акт, угодный Богу.* «Если ты увидишь человека, дельного в выполнении своего призвания, то поставь его превыше королей» (В. Франклин). В кальвинизме Бог не любил человека, а испытывал его. Человек должен был любить свои испытания, поскольку он в данный момент был особенно нужен Богу (человек в это время активно действует). Задача каждого на земле – до конца не сломаться в руке Божьей, преодолевая посланные Богом испытания.

Таким образом, протестантизм создает уникальные духовные стимулы для расширенного воспроизводства, для постоянного наращивания капитала, но не ради богатства, а ради умножения славы Божьей и собственной уверенности в спасении, воспитывает и закаляет характер деятельного, волевого предпринимателя, и вообще жизненно активного евангелиста, который не боится испытаний. Страдания сами по себе казались пуританам доказательством их некоей роли в истории спасения. ***Кальвинизм вообще стал религией людей,*** **строивших новый мир,** ***рождавшийся в драматических коллизиях на переломе эпох.***

Стоит напомнить, что идеалы кальвинизма были близки не только буржуазным слоям. Среди французских гугенотов видное место занимали дворяне-аристократы. Их привлекали к кальвинизму не только сепаратистские, и вообще политические, устремления и мотивы. Заметим, что оппоненты М. Вебера указывали на то, что убедиться в своей предполагаемой принадлежности к избранным верующий мог бы и при помощи иных способов, чем экономическая активность. Знатных гугенотов привлекало то, что они были своего рода изысканным,

избранным меньшинством, этакой «аристократией в аристократии». Идея испытания и страданий также, вероятно, не была чужда им. Реки крови, пролившиеся во время Варфоломеевской ночи, которую некоторые исследователи рассматривают, как некое ритуальное эсхатологическое жертвоприношение католиков во имя оскорбленного Бога не отшатнули дворян от кальвинизма. Напротив, с еще большим воодушевлением и страстью они продолжили участие в борьбе с католическим лагерем.

Для протестантов, особенно пуритан, была характерна *апология старания и бережливости,* причем это касалось как более зажиточных, так и менее. Один из идеологов пуританизма, сторонник пресвитериан, У. Перкинс учил: «Время так же драгоценно, как золото». Его идеалом был человек, который трудится от зари до зари. Показательны наставления, вполне подходящие для эпохи первоначального накопления капитала, которые давал в XVIII в. В. Франклин: «Удары твоего молотка, которые твой кредитор слышит в 5 часов утра и в 8 часов вечера, вселяют в него спокойствие на целях шесть месяцев; но если он увидит тебя за бильярдным столом или услышит твой голос в трактире в то время, когда ты должен был бы работать, то он на следующее же утро напомнит тебе о платеже и потребует свои деньги в тот момент, когда у тебя их не окажется». Как пресвитериане, так и индепенденты стремились к скромности быта, тратить деньги рекомендовалось только на удовлетворение самых примитивных нужд. Запрещалось расходовать их на наряды, «дурные компании», «излишества в еде и питье», «спиртные напитки и азартные игры» и т.п. Все это объявлялось развратом и считалось, что подобный образ жизни порочит христианина. Пуританские идеологи, такие как У. Стеббс, нападали на народные обычаи и празднества. Сэкономленные средства рекомендовалось вносить в церковную кассу. Эти деньги шли на оплату должностных лиц церкви и на помощь

бедным. Впрочем, при этом бедность и нищенство осуждались пуританами, считалось, что нищие сами виноваты в своих бедах, беднякам нужно давать работу, а не подавать им милостыню, что способствует их деморализации. А Перкинс вообще считал бедняков проклятым поколением.

Впрочем, вскоре для пуритан благочестие стало маской, прикрывавшей жажду наживы. Современники прекрасно видели это и высмеивали пуритан за лицемерие и ханжество. Лондонская публика в 1560-1580 гг. с удовольствием смотрела театральные постановки, зло критиковавшие нравы пуритан. Апогей же антипуританской сатиры в Англии приходится на период конца XVI - первых десятилетий XVII вв.

Впрочем, проходит время, и пуритане становятся властителями дум многих англичан – приближалась Английская революция. Нарождающемуся классу буржуазии импонировало не только отношение пуритан к проблеме богатства, но и устройство пуританской общины, строившейся на известных республиканских основах (напомним, что во главе ее стояли выборные *старшины-пресвитеры*, которые впоследствии просто выдвигались из числа наиболее богатых светских лиц, и *проповедники,* не имевшие специального священнического сана; те и другие составляли *консисторию*), в то же время, жесткая дисциплина, царившая в ней, неусыпный контроль за каждым ее членом (по словам Т. Картрайта, одного из лидеров пресвитериан, надлежало знать «о чем каждый думает во сне»!), полное подчинение бедных богатым (что в будущем стало вызывать протесты рядовых членов общины). Пришло время, и в Нидерландах консистории, как новая форма организации не только новой церкви, но и новая форма политической власти, стали во главе революции. Однако Кальвин, а также его сторонники и последователи (как уже ясно из разговора о пуританской общине) отнюдь не были «демократами». Кальвин указывал, что «государство, в какой бы оно ни выразилось

форме, установлено самим Богом и так же необходимо для человека, как пища, свет и воздух». Он относился к монархии, как к тирании, но указывал, что монарх-тиран «поставлен волей божьей, в наказание людям, и поэтому люди должны терпеть монарха, как ниспосланное Богом наказание». Еще отрицательнее он относился к демократическому строю, считая демократию «наихудшей формой правления». Идеалом же Кальвина была *олигархия,* т.е. власть узкой группы лиц. В то же время, он предвидел неизбежность столкновения буржуазии с феодально-абсолютистской монархией. Осуждая самостоятельное движение народных масс, Кальвин признавал законным только такой переворот, который осуществят представительные органы общины. Причем открытое восстание годится только на самый крайний случай. В этом отношении Кальвин был типичным идеологом ранней буржуазии, боявшейся народа, и эта ее особенность проявилась во время революций, разыгравшихся в Нидерландах и Англии.

5. Стадиально-региональные особенности раннебуржуазных революций и их основные черты.

Обратимся теперь к характеристике раннебуржуазных революций в западноевропейских странах, имевших, как видим, тесную связь с Реформацией и шедших рука об руку с ней.

Первой буржуазной революцией стали Реформация и Крестьянская война в Германии. Каковы же были особенности этой революции? Революция в немецких землях проходила в условиях незавершенности процесса образования централизованного государства, слабости политических и экономических связей между землями, княжествами и имперскими городами, которые часто конфликтовали между собой. Разные сословия и общественные группы были разрозненны и выступали отдельно друг от друга, что и вело к их поражению (восстания рыцарей и крестьян). Ранний капитализм

здесь имел локальный, очаговый, «точечный», а не сплошной характер развития. В то же время, в немецких землях имели место беспрецедентное экономическое и политическое засилие и гнет папского Рима. Они-то и вызвали более ранний взрыв недовольства, чем это вытекало из особенностей развития Германии. Иными словами, эта страна не была готова ни по объективным, ни по субъективным причинам, к революции. Неудивительно, что она закончилась поражением радикального крыла движения, что привело к *обратимому варианту* развития капитализма, т.е. капиталистическое развитие Германии было повернуто вспять.

В этом смысле на ведущее место среди европейских стран в XVI в. выдвинулись Нидерланды, где, во всяком случае, на севере, восторжествовал *необратимый вариант* развития капитализма. Это значит, что капитализм в этой стране уже завоевал такие прочные социальные и экономические позиции, что его развитие уже вышло из-под политического контроля феодальной верхушки, а попытки повернуть ситуацию вспять вызвали политический кризис и революционную ситуацию, вылившуюся в буржуазную революцию.

Характеризуя Нидерландскую революцию, нужно отметить, во-первых, что здесь, прежде всего, на севере, развитие капитализма носило *«общенациональный» масштаб и комплексный характер* (капиталистические отношения здесь охватывали промышленность, торговлю и сельское хозяйство), благо позволяли небольшие размеры страны. Во-вторых, страна занимала господствующее положение на мировом рынке, имела торговую гегемонию и располагала (разумеется, относительным, временным) *промышленным преобладанием*. В-третьих, очень важно то, что нидерландская буржуазия располагала доктриной, которая позволяла действовать ей гораздо более решительно, чем немецкому бюргерству – т.е. кальвинистским учением.

В то же время, Нидерландской революции были присущи и некоторые черты, которые роднили ее с революцией в немецких землях, а именно: незавершенность экономической и государственной централизации, угнетение страны извне, со стороны реакционного, грабительского испанского абсолютизма, что сыграло роль ускорителя в развязывании революции, вспыхнувшей, опять-таки, раньше, чем для этого полностью созрели предпосылки, а главное – придавшей революции характер *народно-освободительного движения.* Кроме того, масштабы и возможности этой революции, дальнейшее развитие страны по капиталистическому пути ограничивал и такой фактор, как преобладание торгового капитала над промышленным в экономике. В политике это обстоятельство отразилось в господстве консервативной купеческой олигархии, союзе ее с дворянством, а не с народом, ориентации на иностранное военное вмешательство вплоть до конца XVI в. Непоследовательно решался аграрный вопрос – основной в революциях нового и новейшего времени. Конфискованы были лишь земли дворян-эмигрантов и церкви, а все остальные ленные пожалования Филиппа II Испанского, который уже был низложен (!), остались в силе. Не случайно, что крестьянство участвовало в революции относительно слабо. Буржуазно-фермерские отношения в Нидерландах развивались медленно. Революционное движение охватывало только крупные города и становилось массовым лишь в отдельные критические периоды. Все это вошло в комплекс причин, обусловивших победу революции лишь на Севере, нарастанию застойных явлений в XVII в. и сползанию Республики Соединенных провинций на положение третьеразрядной европейской державы.

Обе эти революции были революциями *первой фазы мануфактурного периода.* Их значение, в силу указанных причин, было достаточно ограниченным и не получило общеевропейского резонанса. *Революции второй фазы*

мануфактурного периода – Английская середины XVII в. и Французская конца XVIII в. происходили уже в изменившихся исторических условиях. Мы не будем останавливаться на них специально – это задача уже обучения на 3 курсе. Но необходимо выделить общие для всех раннебуржуазных революций черты, которые позволят произвести сравнение между революциями XVI-XVII и XVIII вв.

1. Основной объективной задачей Немецкой, Нидерландской и Английской революций являлась замена феодальных отношений буржуазными, ликвидация старых порядков и политического строя и установление новых. Однако в ранних буржуазных революциях эта задача решалась недостаточно последовательно или частично. Радикальный перелом произошел лишь в результате Французской буржуазной революции.
2. Руководителем ранних буржуазных революций фактически являлись зарождающаяся буржуазия и близкие ей социальные прослойки (новое дворянство). Только во Французской революции буржуазия выступила в союзе с народом.
3. Главной движущей силой этих революций фактически являлись народные массы – крестьянство и городские низы, от степени активного участия которых зависела радикальность всего движения. Союз городского плебса с крестьянством придавал особый размах и силу Французской революции.
4. Идеологической формой ранних буржуазных революций были религиозные учения (лютеранство, кальвинизм) направленные против государственной религии, в целом против старых, феодальных порядков, на создание новых, буржуазных. Только Французская

революция заменила религиозную идеологию светской – на место Лютера и Кальвина пришли Руссо и Вольтер.

5. В ходе ранних буржуазных революций создавались новые революционные формы политической власти, например, кальвинистские консистории, «комитеты 18-ти» в Нидерландах, которые в итоге приводили к созданию буржуазной республики.
6. В результате ранних буржуазных революций формировались или закреплялись – если они образовывались до революции – буржуазные нации и новая буржуазная культура и искусство. Французская буржуазная нация начала складываться еще до революции, завершившей этот процесс. На наш взгляд, Французскую революцию можно рассматривать как пассионарный взрыв, сопровождавший возникновение французской нации.
7. Ни одна из буржуазных революций, в том числе ранних, не принесла народным массам немедленной свободы и благосостояния, поставив на место феодальной эксплуатации более жесткую – капиталистическую. Будущего общества «всеобщего благосостояния» народные массы Европы добивались в трудной борьбе за свои права с дворянско-буржуазной верхушкой.

В качестве эффективного противодействия Реформации и ранним буржуазным революциям в Западной Европе выступила Контрреформация. В контрреформационном движении прослеживались три тенденции: первая, более слабая – попытка перестройки католической церкви в духе определенного обновления, в том числе развитие благотворительной и миссионерской деятельности («католическая реформация»), вторая, более сильная – карательная, запретительная. Наибольший размах она приобрела в тех странах и регионах, где обнаруживались признаки хозяйственного упадка и

общественного застоя, где прогрессивные тенденции социального и культурного развития не имели достаточной прочности, чтобы смести силы феодально-католического мира, сохранявшие еще значительный потенциал жизнеспособности. Ее опорой служили классы и сословия, само существование которых зависело от судеб феодального строя. Распространению Контрреформации способствовало и то, что значительные общественные слои, готовые поддержать Реформацию в умеренном варианте, были напуганы мощными выступлениями социальных низов и пошли на сохранение прежних устоев и верований. Крестьянские и плебейские массы были обескровлены и деморализованы и не смогли противостоять феодальной реакции. В то же время, Контрреформация вряд ли могла бы иметь успех, если бы ее не поддерживали самые широкие народные массы. Догматика, атрибутика и основные персонажи христианской религии в ее католической версии были чрезвычайно укоренены в народной среде. В феномене «народного христианства» они накрепко соединились с традиционным, дохристианским субстратом. Для простых католиков, особенно крестьян, людей в массе своей неграмотных, освященный веками «устный» католицизм, достаточно гибко учитывавший те или иные стороны старинных верований и культов, был ближе и понятнее книжной премудрости протестантов, категорически отвергавших всякие проявления народных верований.

Особую роль в ответном наступлении на Реформацию сыграло Общество Иисуса, т.е. *орден иезуитов*, учрежденный папой в 1540 г. и ставший поистине боевой католической организацией, члены которой стремились проникнуть буквально во все сферы общества и держать их под своим контролем, подавляя попытки проведения Реформации. Были организованы и другие монашеские ордены – театинцев, капуцинов, барнабитов. Другим средством борьбы с врагами католической

церкви были *инквизиция и строжайшая книжная цензура*. С 1559 г. папы издают Индекс (список) запрещенных книг. Консолидации же всех католических сил и организации их для борьбы с крамолой и инакомыслием послужил Тридентский собор (1545-1563). Собор осудил протестантские учения об оправдании одной верой и о Священном писании как единственном источнике веры. Его постановления укрепили основы католической церкви, ее основные догматы не претерпели заметных изменений, была утверждена непререкаемая монархическая власть папы над церковью. Собором были приняты решения об укреплении церковной дисциплины, о регламентировании и унификации литургии, о развитии теологических исследований, о цензуре и повышении эффективности пропаганды. В этом смысле примечательно решение о создании сети учебных заведений, нацеленных на систематическую подготовку кадров священников. Устранены были лишь наиболее одиозные недостатки католической церкви: симония (торговля церковными должностями), плюрализм (сосредоточение в одних руках нескольких церковных должностей) и некоторые другие. Из-за покушений собора на прерогативы светской власти Франция не признала собор, а Филипп II, швейцарские католические кантоны, католические князья Священной Римской империи опубликовали его декреты не сразу и с оговорками.

Подведем итоги. В раннее новое время совершаются крупные подвижки в политической, социальной и духовной жизни западноевропейского общества. На смену сословно-представительной монархии XIII-XV вв. приходит абсолютизм, отвечавший стремлениям усилившейся королевской власти, либо региональных княжеских элит, к концентрации политического контроля над обществом в условиях общего сдвига в развитии товарно-денежных отношений в сторону усиления рыночных, капиталистических элементов. Новые социальные элементы –

новое дворянство, буржуазия – нуждаются в «сильной руке», как покровительнице их экономической деятельности и поэтому временно мирятся (прежде всего, буржуазия) с отсутствием политических прав. Одновременно старые классы феодального общества переживают период болезненной трансформации в новых условиях. И феодалы и крестьянство идут по пути разорения, и преуспеяние в новом мире все больше зависит от того, насколько им удается приспособиться к развивающемуся капитализму.

Идущие в общественной жизни и в сознании процессы индивидуализации и рационализации, стимулируемые новыми формами экономической деятельности, расширением представлений о мире, горизонты которого неизмеримо раздвигаются в связи с Великими географическими открытиями, ростом научных знаний, постепенно ведут к «расколдованию» мира, т.е. переходу к рациональным способам решения проблем. Но ломка традиционных представлений о мире происходит в условиях обострения борьбы старого и нового, порождая эсхатологические настроения и силовые методы борьбы с «виноватыми» в тех явлениях, которые сопутствовали новому – раскрестьянивании, бродяжничестве, а также войнах, голоде, отсутствии стабильности и др. («охота на ведьм»). Поиск «крайних» был и средством дисциплинизации масс в условиях перехода к абсолютизму (запугивание недовольных). Переворот в социальной жизни и необходимость в смене духовных ориентиров вел к кризису официальной идеологии, и как следствие – Реформации церкви, которая идет под знаком наступления новых религиозных учений, отражающих жажду перемен у народных масс и чаяния новых имущих социальных слоев. И хотя их победа имела место далеко не во всех странах, напротив, в целом ряде стран победила Контрреформация, тем не менее, натиск нового уклада заставил феодальный мир изменяться. Католицизм, укрепляя свои устои, тем не менее,

постепенно модифицировал свои подходы к вероучению (индивидуализация отношения к Богу) и по-своему также способствовал трансформации европейских стран в будущее капиталистическое общество *[В то же время, согласно Ф. Фукуяме, путь католических стран к капитализму был более долгим (http://www.izvestia.ru/hytimes/)].*

Особое место в прогрессе капитализма в Европе сыграли буржуазные революции, которые способствовали более решительному ниспровержению отсталых феодальных отношений. Они имели разный масштаб и неодинаковый отзвук – по сути лишь Французская революция имела мощный общеевропейский и даже мировой резонанс. Тем не менее, в ходе буржуазных революций вырабатывались те социальные и особенно, политические модели и идеи (например, идея всеобщего избирательного права, появившаяся в ходе Английской революции), которые способствовали прогрессу демократических ценностей, дальнейшему развитию европейского общества по пути его перехода от аграрного к индустриальному. Изучение данной темы убедительно показывает, что прогрессивный процесс «капитализации» Западной Европы проходил в сложной борьбе. Он жестоко и беспощадно ломал традиционные отношения, социальные структуры и взгляды на мир. На алтарь этой борьбы были принесены большие жертвы, которые заставляют нас думать о том, какой нелегкий путь еще предстоит России, если она будет последовательно идти по пути рыночных преобразований.

Рекомендуемая литература

Бессонов Н.В. Иллюстрированная история инквизиции: суды над колдовством. – М.: РИПОЛ классик, 2004.

Бич и Молот. Охота на ведьм в XVI-XVIII веках / Сост. Н. Горелова. – СПб.: Азбука-классика, 2005.

Брант С. Корабль дураков. – М.: Худ. Лит., 1984.

Брендлер Г. Мартин Лютер. Теология и революция. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000.

Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993.

Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М.: Росспэн, 2006.

Володарский В. М. Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена // Средние века. Вып.24. – М.: Наука, 1963.

Галкина Е.В. Становление протестантизма в английских колониях Северной Америки (1630-е – 1760-е гг.) / Автореф. дисс… канд. ист. наук. – Ставрополь, 2002.

Гегель Г.В.Ф. Христианство и Реформация. Из лекций по философии истории (I-VII) и истории философии (VIII) (1821-1831) // Мартин Лютер. 95 тезисов. – Спб., 2002.

Голубкин Ю.А. Некоторые вопросы периодизации истории раннебуржуазной революции в Германии //Вестник Харьковского университета. № 268. 1985. С.61-68.

Дмитриева О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. Спецкурс. – М.: МГУ, 1990.

Дударев С.Л. Методические заметки по истории. – Армавир, 1998; Вып.2. – Армавир, 2000; Вып.4. – Армавир, 2004; Вып.5. – Армавир, 2005.

Дударев С.Л. Мир средневекового человека. – Армавир, 2002, 2006.

Жудинова Е.В. Религии мира. Протестантизм. – М.: ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2006.

Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб.: РХГИ, 1998.

Ивонин Ю. Е. Мюнцер и Лютер – революция и контрреволюция? (О новой книге Г. Брендлера) // Средние века. Вып. 55. С. 266-267.

Ивонин Ю.Е. Судьбы княжеской реформации в Германии после Крестьянской войны (на примере Саксонии)// Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – СПб.: СПБГУ, 1996. С.66-74.

Исаенко А. В. Пуританская Реформация в Англии в XVI – начале XVII в. – Орджоникидзе, 1980.

Исаенко А. В. Английская королевская Реформация XVI века. – Орджоникидзе, 1982.

Исаенко А. В., Хозиева Т. Х. Англиканская Реформация при Елизавете I. – Владикавказ, 1994.

История Европы. Т.3. – М.: Наука. 1993. С. 68-81, 196-206, 275-279.

Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. – М: РГГУ, 1997-1999.

Каменецкий Б. А. Политическая мысль Англии XVI – начала XVII в. в современной англо-американской историографии // Вопросы истории. 1974. № 3.

Каменецкий Б. А. Идейная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI – начало XVII в.). Политико-юридический аспект // Средние века. Вып. 43. – М.: Наука, 1980.

Клула И. Екатерина Медичи. – Ростов/нД: Феникс, 1997.

Копосов Н. Е. Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1.

Кузеванов Л.И. И.В. Лучицкий как историк религиозных войн во Франции второй половины XVI века //Российский исторический журнал. 1994. №3. С.36-46.

Кузьменко О.В. Роль Реформации и Контрреформации в изменении цивилизационных основ европейского общества //Выпускная квалификационная работа. – Армавир, 2006.

Лаубе А. Томас Мюнцер и раннебуржуазная революция // Средние века. Вып. 55. С. 248-266.

Лэмэтр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 44-53.

Лютер М. Избранные произведения. СПб: Андреев и согласие, 1994.

Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени. – М.: Изд. дом «Искусство». - М., 2003.

Мюшембле Р. Очерки по истории дьявола: XII-XX вв. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Орден иезуитов: правда и вымысел /Сост. А.Лактионов. – М.: АСТ, 2004.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.:Прогресс, 1987.

От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-хх гг. – М.:Росспэн, 1998.

Овсиенко Ф.Г. Католицизм. – Учебное пособие. – М., 2005.

Парсамов С.С. Лютер и немецкая Реформация в освещении Герхарда Риттера // Средние века. Вып.39. – М.: Наука, 1975.

Ревуненкова Н.В. Путь христианского совершенства в моральном учении Кальвина //Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. – М.: Наука, 1997. С.145-154.

Роттердамский Э. Похвала глупости. – Калининград: Кн. изд-во, 1995.

Рубашкина Е.Н. Социально-политическая позиция лютеранства в период Реформации в Германии /Выпускная квалификационная работа. – Армавир, 2004.

Рутенбург В. И. Ранние буржуазные революции (К вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) // Вопросы истории. 1984. № 3.

Смирин М. М. Передовые идеи народной Реформации // Средние века. Вып.39. – М.: Наука, 1975.

Смирнов М.Ю. Реформация и протестантизм. Словарь. – СПб.: СПБГУ, 2005.

Соловьев Э. Ю. Мартин Лютер – выдающийся деятель немецкой и европейской истории // Вопросы истории. 1983. № 10. С. 33-54.

Февр Л. Капитализм и реформация// Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. С.201-216.

Февр Л. Неверно поставленная проблема: Истоки французской реформации и ее причины// Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. С.422-492.

Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. Портрет государственного деятеля. – М.: Олма-пресс, 2002.

Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. – М.: Наука, 1985.

Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42-58.

Штокмар В. В. История Англии в средние века. – СПб., 2000.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.7.

Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. – Спб: Евразия, 2002.

Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. – М.: Республика, 1995.

Http://www.hist.msu.ru/ER/index.html (Материалы Тридентского собора)

Hhttp://www.izvestia.ru/hytimes

ПРИЛОЖЕНИЕ К ТЕМЕ 9

Диспут д-ра М. Лютера о силе индульгенций, состоящий из 95 тезисов, или положений против торговца отпущениями Иоганна Тетцеля, проповедника ордена, прибитых к воротам Виттенбергской церкви в день Всех Святых (31 октября) 1517 года.

Из праведной истинной любви и особенного усердия извлечь истину на свет Божий (безо всякого намёка на тщеславие и т.п.) досточтимый отец д-р М. Лютер, августинец города Виттенберга, магистр свободных искусств и Священного писания желает с Божьей милостью обсудить нижеследующие положения об отпущении; диспутировать, защищать и отстаивать их против брата Иоганна Тетцеля, проповедника ордена, и предлагает их в письменном виде вниманию тех, кто не может обсудить их вместе с ним непосредственно в настоящее время, но кто хотел бы сделать это. Во имя Господа нашего Иисуса Христа, аминь.

1

Учитель и Господин наш Иисус Христос, говоря: *покайтесь etc*., хотел, чтобы вся земная жизнь верующих в Него была постоянным и непрекращающимся покаянием.

2

Это слово ни в коем случае нельзя понимать, как таинство покаяния, т.е. как исповедь и отпущение грехов, совершаемые священником.

3

Но Он хочет, чтобы было постигнуто не одно лишь внутреннее покаяние; вообще внутреннее покаяние ничтожно и

не является покаянием, если внешне не причиняет всяческого умерщвления плоти.

4

Поэтому раскаяние и печаль, т.е. истинное покаяние, простирается до тех пор, пока человек испытывает отвращение к себе самому, именно – до вступления в жизнь вечную.

5

Папа не хочет и не может допустить какую-либо другую муку, помимо тех, которые он установил по своему вкусу или в соответствии с каноном, т.е. согласно папским установлениям.

6

Папа не может простить никакой вины, разве лишь постольку, поскольку он объяснит и подтвердит, что они прощаются Богом, или же в тех случаях, которые ему установлены Богом. И тогда, какими бы незначительными они ни были, вина остаётся совершенно неснятой, или оставленной.

7

Бог никому не прощает вины без того, чтобы он не смирился и не покаялся во всём священнику, Его наместнику на земле.

8

Canones poenitentiales, т.е. установления, как следует исповедоваться и каяться, возложены только на живущих и, согласно тексту самих этих установлений, не должны налагаться на уже *умирающих.*

9

Поэтому Святой Дух благотворно действует на папу, поскольку папа из всех своих декретов и прав исключает артикулы смерти и крайней нужды.

10

Священники поступают безрассудно и дурно, сберегая и удерживая умирающего от *poenitentias canonicas*, т.е. от

возложенного в чистилище покаяния, дабы тут же удовлетворить умирающего.

11

Этот сорняк, состоящий в том, что покаяние и отпущение грехов, как это установлено в канонах, превратили в покаяние и мучение чистилища, был посеян, когда епископы спали.

12

В древности *canonicae poenae*, т.е. покаяние и примирение для уже совершёных грехов, возлагалось не после, а до отпущения, дабы при этом испытать, были ли искренни раскаяние и мука.

13

Умирающие примиряются со всем посредством своей смерти, или умирания, и, таким образом, умерев для канонического или уставного права, они, по справедливости, освобождались от его уложений.

14

Несовершенная набожность и несовершенная любовь того, кто скоро должен умереть, необходимо приносит с собою великий страх; и чем незначительнее его любовь, тем более пребывает в нем страх.

15

Этого страха и трепета, не говоря обо всём другом, самого по себе уже достаточно для того, чтобы причинить человеку огненное страдание и муку, ибо такой страх уже совсем близок к ужасу отчаяния.

16

Ад, чистилище и небо кажутся столь же различными, как различны настоящее отчаяние, неполное (или почти наступившее) отчаяние и уверенность в милости Божией.

17

Представляется, что в чистилище страх и ужас столь же отступают от души, сколь любовь прибывает и растёт в ней.

18

Представляется недоказанным, ни посредством веских оснований, ни посредством Писания, что души, находясь в чистилище, не в состоянии служить (Господу) и приумножать в себе любовь.

19

Представляется также недоказанным и то, что души в чистилище менее всего ведают о своём блаженстве, пребывая в беспечности, даже если мы сами вполне уверены в этом.

20

Поэтому под этими словами (о полном отпущении всех страданий) папа понимает не вообще все страдания, но лишь те, которые он сам наложил.

21

Потому заблуждаются проповедники индульгенций, говорящие, что благодаря отпущению папы человек освободится от всех страданий и станет блаженным.

22

Папа не может освободить ни от какой муки души в чистилище, какая бы она ни была в этой жизни, однако согласно канонам (люди) должны покаяться и заплатить.

23

Вообще, если кому-либо и можно дать прощение, то уж, наверное, лишь совершеннейшему человеку, т.е. совсем немногим.

24

Поэтому большую часть людей без всякого (сословного) различия обманывают пышными обещаниями (как воображает себе простолюдин), будто от муки можно откупиться.

25

Такую же полную власть, как у папы, над чистилищем имеет всякий епископ и духовник в епископствах и особенно в своих церковных приходах.

26

Папа поступает очень хорошо, даруя душам прощение не властью ключей (которой у него нет), а молитвою за них.

27

Они проповедуют людям вздор, утверждая, что как только их гроши зазвенят, попадая в ящик, так их душа сей же час вылетит из чистилища.

28

И уж конечно, как только грош, брошенный в ящик, зазвенит, так тотчас приходят прибыль и жадность, разрастаясь и увеличиваясь; а помощь и заступничество Церкви находятся исключительно в Божьей воле и благости.

29

Кто знает, все ли души, находясь в чистилище, будут спасены, что произошло, как утверждают, со св. Северино и Паскали.[1]

30

Никто не может быть уверен в том, что он действительно раскаялся и достаточно настрадался; ещё меньше он может быть уверен, получил ли он полное отпущение грехов.

31

Как редко встречается человек, испытавший истинное раскаяние и муку; и столь же редок человек, истинно освобождающий отпущением, т.е. такого вообще почти не найти.

32

Те же, кто полагают, что благодаря запискам об отпущении (т.е. индульгенциям) они непременно достигнут блаженства, отправятся к дьяволу вместе со своими учителями.

33

Особенно следует остерегаться и быть осмотрительным с теми, кто утверждает, что отпущение папы есть высшая и драгоценнейшая Божья милость и дар, посредством которого человек примиряется с Богом.

34

Ибо милость отпущения внимает лишь муке смирения (Genugtuung), которое возложено на человека.

35

Это не христианское учение, если утверждают, что те, которые хотят спасти души из чистилища благодаря исповедальным запискам, *не нуждаются* ни в каком раскаянии и сострадании.

36

Всякий христианин, искренно раскаивающийся и сокрушающийся о своих грехах, имеет полное прощение и без папских индульгенций.

37

Всякий истинный христианин, живой или мёртвый, причастен ко всем благам Христа и Церкви, вследствие дара Божия и без отпустительных грамот.

38

Однако не следует презирать отпущение и разрешение папы. Ибо, как я уже говорил, его отпущение есть выражение Божественного прощения.[2]

39

Чрезмерно трудно, даже для учёнейших теологов, одновременно прославлять перед народом великий дар отпущения и, с другой стороны, истинное раскаяние и муку.

40

Подлинное раскаяние и страдание ищет и любит наказание; мягкость же отпущения освобождает от наказания, так что последним начинают уже пренебрегать, по крайней мере, если представится на то возможность.

41

Проповедовать о папском отпущении надо весьма осторожно, дабы простолюдин не заблуждался, считая, что оно предпочтительнее и более достойно внимания, нежели другие дела христианской любви.

42

Нужно учить христиан, что противно желанию и мнению папы приравнивать плату за отпущение с делами милосердия или ещё с чем-либо подобным.

43

Нужно учить христиан, что дающий нуждающимся или дарующий бедняку поступает лучше, нежели жертвуя ради отпущения.

44

Ибо любовь возрастает от дел любви, и человек становится набожнее; посредством же отпущения он становится не лучше, но только самоувереннее и отдалённее от страдания и наказания.

45

Нужно учить христиан, что тот, кто видит, как погибает его ближний, и, тем не менее, отдаёт деньги за отпущение, на самом деле не платит за отпущение папы, но увеличивает немилость Божию.

46

Нужно учить христиан, что у них, если они не слишком богаты, и так много долгов по хозяйству и недостатка в самом необходимом, и что им ничего отдавать за отпущение.

47

Нужно учить христиан, что плата за отпущение добровольна и вовсе не заповедана (Богом).

48

Нужно учить христиан, что папа нуждается в благоговейной молитве и поэтому для отпущения желает её больше, чем денег.

49

Нужно учить христиан, что отпущение папы хорошо, если на него не возлагают слишком больших надежд; напротив, нет ничего худшего, если посредством этого теряют страх Божий.

50

Нужно учить христиан, что папа, если бы узнал о злоупотреблениях продавцов индульгенций, предпочёл бы, чтобы сожгли собор Св. Петра, превратив его в пепел, нежели строили его из кожи, мяса и костей своей паствы.

51

Нужно учить христиан, что папа, поскольку и он виновен в этих злоупотреблениях, должен заплатить свои собственные деньги, пусть даже для этого ему понадобится продать собор Св. Петра, чтобы потом раздать деньги людям, которые ныне отдают их проповедникам отпущения.

52

Верить, что посредством индульгенций можно стать блаженным, ничтожно и лживо, пусть при этом комиссар (т.е. смотритель, ответственный за отпущения грехов), и даже сам папа, ручается за это своею душою.

53

Враги Христа и папы те, кто ради проповеди индульгенций совершенно препятствуют проповедовать Слово Божие в других церквах.

54

Со Словом Божиим поступают несправедливо, когда в проповеди уделяется столь много времени для восхваления отпущения, больше, чем Слову Божию.

55

Мнение папы не может быть другим: раз уж отпущение грехов (представляющее собой самое незначительное в богослужении) совершается с колокольным звоном, с пышностью и обрядами, то Евангелие (самое важное в богослужении) должно проповедоваться и почитаться в сопровождении сотен колоколов и обрядов, в сто крат превосходящих своею пышностью.

56

Сокровища Церкви, часть которых достаётся папе от продажи индульгенций, недостаточно определены и неизвестны христианской общине.

57

Ибо из того, что они не являются плотскими временными благами, становится ясно, почему большинство проповедников так нелегко их уступает, стремясь лишь к их накоплению.

58

Эти сокровища не представляют также заслуг христиан и святых, ибо они и без содействия папы всегда творят милость во внутреннем человеке, а крест и ад во внешнем человеке.

59

Св. Лаврентий назвал бедняков, являющихся членами Церкви, её сокровищем; однако он выбрал здесь то словечко, которое было употреблено в его время[3].

60

Мы имеем теперь хорошее основание говорить без какого-либо кощунства и легкомыслия, что это сокровище и есть истинные ключи Церкви, дарованные ей заслугами христиан.

61

Ибо ясно, что для отпущения страдания, равно как и для других известных случаев, довольно одной власти папы.

62

Действительно истинное сокровище Церкви есть святое Евангелие величия и милости Божией.

63

Это сокровище по понятной причине является самым враждебным и ненавистным. Ибо оно делает так, что первые становятся последними.

64

Сокровище же отпущения, очевидно, является самым приятным; ибо оно из последних делает первых.

65

Поэтому сокровища евангелий это сети, которыми в древние времена ловили богатых зажиточных людей.

66

Сокровища же отпущения это сети, которыми в наше время ловят богатство людей.

67

Отпущение, которое проповедники провозглашают величайшей милостью, разумеется, следует считать великой милостью; ибо оно приносит великий доход и наслаждение.

68

И всё же таковое отпущение поистине является самой незначительной милостью, если его соотнести и сравнить с милостью Божией и с Божественным блаженством Креста.

69

Епископы и духовники виноваты в том, что допустили со всею почтительностью комиссаров к Апостольскому Отпущению.

70

Но ещё более они виноваты в том, что с открытыми глазами и ушами продолжают смотреть, как эти комиссары вместо наставлений папы проповедуют свои собственные мечтания.

71

Да будет проклят тот, кто выступит против истины папского отпущения.

72

И да будет благословен тот, кто стремится смело выступить против лжи и речей проповедников индульгенций.

73

Подобно тому, как папа справедливо выказывает немилость ослушникам и подвергает отлучению тех, кто действует каким-либо образом в ущерб отпущению:

74

Так ещё более он стремится выказать немилость и отлучить тех людей, которые под видом отпущения вредят священной любви и истине.

75

Считать отпущение папы столь великим, что он якобы может простить или освободить от греха даже того, кто (что невозможно даже предположить) обесчестил Матерь Божию, безумно и нелепо.[4]

76

Напротив, мы утверждаем, что папское отлучение не в состоянии убрать и самого незначительного повседневного греха, насколько тот облекает виною.

77

И когда говорят, что св. Пётр, если бы он теперь был папой, не смог бы дать большего отпущения, то это клевета на св. Петра и папу.

78

На это мы возражаем, ибо и этот, и также всякий другой папа имеет большее отпущение, а именно оздоровить Евангелие, силы и дары и т.д. (I Кор. 12, 6 и 9).

79

Говорить же, что крест, величественно воздвигнутый на гербе папы, способен на то же, что и Крест Христа, является кощунственным богохульством[5].

80

Епископы, духовники и теологи, позволяющие такие слова произносить перед простолюдинами, должны за это ответить.

81

Такая дерзкая и бесстыдная проповедь и восхваление индульгенций затрудняет даже учёным защитить честь и достоинство папы от этой самой клеветы и от колких и хитрых вопросов простых прихожан.

82

А именно: почему папа не избавит из чистилища все души одновременно, ради всесвятейшей любви, из-за их острейшей нужды, как наисправедливейшего повода к этому избавлению; и почему он ради самого преходящего, ради денег на строительство собора Св. Петра, освобождает бесчисленное количество душ на таком пустячнейшем основании?

83

Далее: почему останавливаются похороны и поминки усопших и почему он не возвратит или не разрешит опять забрать бенефиции[6], или приходы, которые слишком хороши (и дорогостоящи) для умерших, так что уже является неправедным отныне и молиться за спасённых?

84

Далее: что это за новая святость Бога и папы, что они безбожникам и врагам разрешают за деньги спасти богобоязненную и любимую Богом душу и, однако, не хотят

ради великой нужды этой же самой богобоязненной и любимой Богом души, спасти её задаром из любви?

85

Далее: почему Canones poenitentiales, т.е. установления о покаянии, ныне давно уже уничтоженные и умерщвлённые самим этим действием, хотя они всё ещё используются, до сих пор исполняются с помощью денег, милостью отпущения, словно они до сих пор в силе и полны жизни?

86

Далее: почему папа не строит собор Св. Петра на свои собственные деньги, но на деньги бедных христиан, хотя его состояние простирается обширнее, чем любого богатого владетельного Красса[7]?

87

Далее: от каких грехов освободит или чем наделит папа своим отпущением тех, кто уже оправдан посредством совершенного раскаяния полного прощения и отпущения?

88

Далее: разве не лучше для Церкви, если деяние, совершаемое папой единожды, он будет совершать сто раз на дню, даруя всякому верующему прощение и отпущение?

89

Поскольку и папа также стремится к блаженству души скорее посредством отпущения, нежели посредством денег, почему же он тогда упраздняет и уничтожает свои письма и индульгенции, которые давал прежде, ведь они столь же действительны и имеют силу?

90

Стремление одной только силой заглушить эти весьма чувствительные для мирян аргументы, а не разрешить их путём указания оснований и причин. – означает выставить Церковь и папу на посмешище и сделать христиан несчастными.

91

Если бы об отпущении проповедовали согласно духу и мнению папы, тогда было бы легко ответить на эти возражения; да они бы тогда и не возникли.

92

Пусть теперь соберутся хоть все проповедники (индульгенций) и скажут христианской общине: «Мир, мир!» (Иер. 6, 14); но нет никакого мира.

93

И, казалось бы, должно быть хорошо лишь тем проповедникам, которые говорят христианской общине: «Крест, крест!»; но нет никакого креста.

94

Христианам следует напомнить, чтобы они проявили усердие в следовании за своею Главой, Христом, через Крест, Смерть и Ад;

95

И что они скорее «многими скорбями войдут в Царствие Небесное» (Деян. 14, 22), нежели достигнут покоя благодаря обманчивому миру.

Примечания

[1]Св. Северино и Паскали, согласно средневековой легенде, на основании своих заслуг уже могли сразу после смерти получить низшую степень блаженства. Но они предпочли подождать, чтобы заслужить со временем совершенное блаженство.

[2]См. тезис 6.

[3]Св. Лаврентий, согласно легенде, во время цезарства императора Валериана (253-260), будучи диаконом, получил приказ от префекта встретить его приезд с сокровищами его церкви. Однако диакон по-своему понял этот приказ, выйдя навстречу префекту, окружённый общиной верующих со словами: «Вот они и есть истинное сокровище церкви».

[4]Продавец индульгенций Тетцель утверждал, что папские разрешительные грамоты могут отпустить все грехи, даже если кто-то оскорбил святую деву Марию.
[5]Так заявлял Тетцель.
[6]Бенефиции – недвижимость, предоставленная в пользу римско-католического духовенства.
[7]Marcus Lucinius Crassus (Марк Лициний Красс) – древний римлянин, известный своим богатством.

(Дано по: Мартин Лютер. 95 тезисов. – Спб., 2002. С. 3-16)

СОДЕРЖАНИЕ

От автора…….4

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

Римская империя в постсоветской отечественной историографии: актуальные проблемы изучения и методологические поиски…….5
Морально-этические аспекты общественного упадка в поздней Римской империи……10
Чудо как символ святости в произведениях Беды Достопочтенного……14
У истоков крестовых походов (европейско-христианская интеграция XI в.?)……..19
Альбигойская ересь и первая инквизиция……33
Новые исследования ставропольских ученых по истории Италии эпохи Возрождения……51

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Тема 8. Возникновение капиталистических отношений в странах Западной Европы. особенности процесса первоначального накопления капитала…….62

Тема 9. Политическая, социальная и духовная жизнь в начале раннего нового времени……..105
Приложение к теме 9…… 163

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Армавирский государственный
педагогический университет
Международная академия
информатизации
Краснодарское региональное
отделение
Кафедра всеобщей истории

Дударев Сергей Леонидович

СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ (Западная Европа)

Вып.VI

Научно-практические материалы
по всеобщей истории